

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

№ 22 МАЙ 1981

Встреча в Тбилисском аэропорту.

ПОД ЗНАМЕНЕМ ЛЕНИН

Возложение венков к Вечному огню мемориала Славы.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

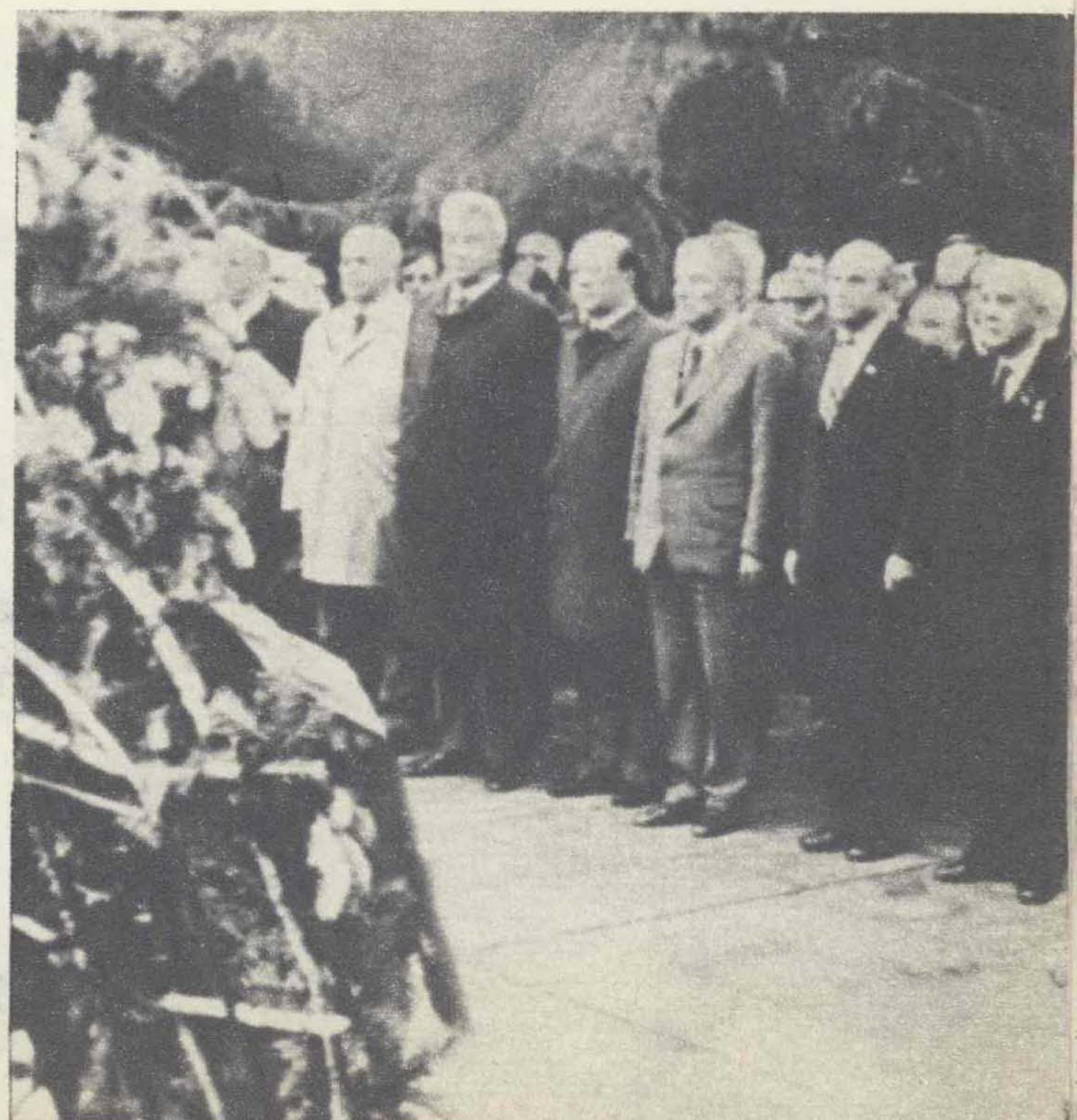
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 22 (2811)

30 МАЯ 1981

Демонстрация трудящихся в Тбилиси.

СКОЙ ДРУЖБЫ НАРОДОВ

Фото
В. ЕГОРОВА,
Э. ПЕСОВА,
В. КОШЕВОГО
и В. СОБОЛЕВА
(ТАСС),
С. ГУРАРИЯ
и А. ПАХОМОВА.

В погожие майские дни в Грузии состоялись торжества, посвященные 60-летию республики и ее Компартии. 21 мая в Тбилиси для участия в этих торжеств прибыл Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Леонид Ильич Брежнев. Вместе с товарищем Л. И. Брежневым прибыл член Политбюро ЦК КПСС, министр обороны СССР Д. Ф. Устинов.

У трапа самолета Леонида Ильича Брежнева с большим радушием приветствовали кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Грузии Э. А. Шеварднадзе, Председатель Президиума Верховного Совета Грузинской ССР П. Г. Гилашвили, Председатель Совета Министров республики З. А. Патаридзе, другие руководители Грузинской ССР.

Товарища Л. И. Брежнева встречали главы делегаций Москвы, Ленинграда, союзных республик, прибывших на юбилейные торжества.

Товарищи Л. И. Брежнев, Э. А. Шеварднадзе обошли строй почетного караула. Были исполнены государственные гимны СССР и Грузинской ССР. По древнему грузинскому обычаю почетного гостя встречали наиболее уважаемые и старейшие граждане Тбилиси. Государственный хор республики исполнил народную грузинскую песню-здравицу. Л. И. Брежневу был преподнесен памятный знак почетного гражданина города Тбилиси.

Волнующей была встреча товарища Брежнева с малоземельцами, которые сердечно приветствовали своего фронтового политкомиссара.

Представители трудовых коллективов, партийных, советских и общественных организаций столицы республики, ветераны партии и труда пришли на центральную площадь Тбилиси, носящую имя В. И. Ленина. Здесь возвышается памятник создателю Коммунистической партии и основателю первого в мире социалистического государства. Собравшиеся сердечно приветствовали прибывшего сюда Леонида Ильича Брежнева.

Товарищ Л. И. Брежнев возложил к подножию монумента В. И. Ленину венок.

Затем Л. И. Брежнев и другие товарищи посетили парк Победы, где находится могила Неизвестно-

Беседа товарища Л. И. Брежнева с руководителями Грузинской ССР.

го солдата. Здесь к юбилею республики и Компартии Грузии воздвигнут величественный мемориал Славы.

Как самого почетного гостя Леонида Ильича Брежнева, прошедшего дорогами войны от первого до последнего ее дня, приглашают торжественно открыть мемориал Славы. Он разрезает алую ленту.

Товарищи Л. И. Брежнев, В. В. Гришин, Д. А. Кунаев, Д. Ф. Устинов, В. В. Щербицкий, Г. А. Алиев, Т. Я. Киселев, Ш. Р. Рашидов, М. С. Соломенцев, Э. А. Шеварднадзе, руководители делегаций возлагают венки к Вечному огню мемориала Славы.

Минутой молчания они почтили память тех, кто отдал жизнь за свободу и независимость социалистической Родины.

В тот же день Л. И. Брежнев в сопровождении Э. А. Шеварднадзе ознакомился с достопримечательностями Тбилиси.

22 мая в Большом зале Грузинской государственной филармонии состоялось торжественное заседание Центрального Комитета Коммунистической партии Грузии и Верховного Совета Грузинской ССР с участием представителей партийных, советских, общественных организаций, трудящихся республики и воинов Советской Армии, посвященное 60-летию установления Советской власти в Грузии и образования Коммунистической партии Грузии.

Торжественное заседание открыл кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Грузии Э. А. Шеварднадзе.

Слово предоставляется Генеральному секретарю ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневу. В своей речи, в частности, Леонид Ильич Брежнев сказал:

Социализм принес Грузии подлинную свободу, разбудил глубинные творческие силы ее народа. Как и все наши республики, она за годы Советской власти неузнаваемо преобразилась.

Речь товарища Л. И. Брежнева была выслушана с огромным вниманием и неоднократно прерывалась бурными, продолжительными аплодисментами.

Леонид Ильич Брежнев под горячие аплодисменты вручил тов. Э. А. Шеварднадзе приветствие Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР Центральному Комитету Коммунистической партии Грузии, Президиуму Верховного Совета Грузинской ССР, Совету Министров Грузинской ССР.

В память об этом празднике Л. И. Брежнев передал Центральному Комитету Компартии Грузии, Президиуму Верховного Совета и правительству республики картину известного советского художника Юрия Королева «В семье единой», символизирующую нерасторжимую дружбу народов Страны Советов.

Затем выступил Э. А. Шеварднадзе.

Со славным юбилеем трудящихся Грузии сердечно поздравили руководители делегаций: Москвы — член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь МГК КПСС В. В. Гришин, Ленинграда — второй секретарь обкома КПСС Н. Я. Суслов.

Затем с приветствиями выступили главы делегаций союзных республик: кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров РСФСР М. С. Соломенцев, член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Украины В. В. Щербицкий, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии Т. Я. Киселев, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Ш. Р. Рашидов, член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Казахстана Д. А. Кунаев, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана Г. А. Алиев, первый секретарь ЦК Компартии Литвы П. П. Гришкявичус, Председатель Президиума Верховного Совета Молдавской ССР И. П. Калин, первый секретарь ЦК Компартии Латвии А. Э. Восс, первый секретарь ЦК Компартии Киргизии Т. У. Усубалиев, первый секретарь ЦК Компартии Таджикистана Д. Расулов, первый секретарь ЦК Компартии Армении К. С. Демирчян, Председатель Президиума Верховного Совета Туркменской ССР Б. Язкулиев, Председатель Президиума Верховного Совета Эстонской ССР И. Г. Кэбин.

Единодушно, с большим подъемом участники торжественного заседания приняли приветственное письмо Центральному Комитету КПСС, Президиуму Верховного Совета СССР, Совету Министров СССР, товарищу Л. И. Брежневу.

С заключительным словом выступил Э. А. Шеварднадзе.

На следующий день в Тбилиси на площади Конституции СССР состоялись парад и демонстрация в честь юбилея Грузинской ССР и Компартии Грузии.

На центральную трибуну поднимаются товарищи Л. И. Брежнев, В. В. Гришин, Д. А. Кунаев, Д. Ф. Устинов, В. В. Щербицкий, Г. А. Алиев, Т. Я. Киселев, Ш. Р. Рашидов, М. С. Соломенцев, Э. А. Шеварднадзе.

Здесь же — руководители Грузинской ССР, делегаций Москвы, Ленинграда, союзных республик, ветераны партии, знатные производственники, деятели науки и культуры, военачальники.

На площади в строгом равнении застыли воинские подразделения. Их объезжает командующий войсками Краснознаменного Закавказского военного округа генерал-полковник О. Ф. Кулишев.

После военного парада началось торжественное шествие колонн демонстрантов.

В тот же день Центральный Комитет Компартии Грузии, Президиум Верховного Совета Грузинской ССР и Совет Министров республики устроили прием в честь 60-летия установления Советской власти в Грузии и образования Компартии Грузии.

Присутствующие сердечно приветствовали товарищей Л. И. Брежнева, В. В. Гришина, Д. А. Кунаева, Д. Ф. Устинова, В. В. Щербицкого, Г. А. Алиева, Т. Я. Киселева, Ш. Р. Рашидова, М. С. Соломенцева, Э. А. Шеварднадзе.

Кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Грузии Э. А. Шеварднадзе, обращаясь к присутствующим, сказал слово о партии.

Горячо встреченный участниками приема, выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев.

24 мая Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев встретился в Тбилиси с руководителями Грузинской ССР. В состоявшейся беседе приняли участие кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Грузии Э. А. Шеварднадзе, члены и кандидаты в члены бюро ЦК Компартии Грузии.

Во встрече участвовал член Политбюро ЦК КПСС, министр обороны СССР Д. Ф. Устинов.

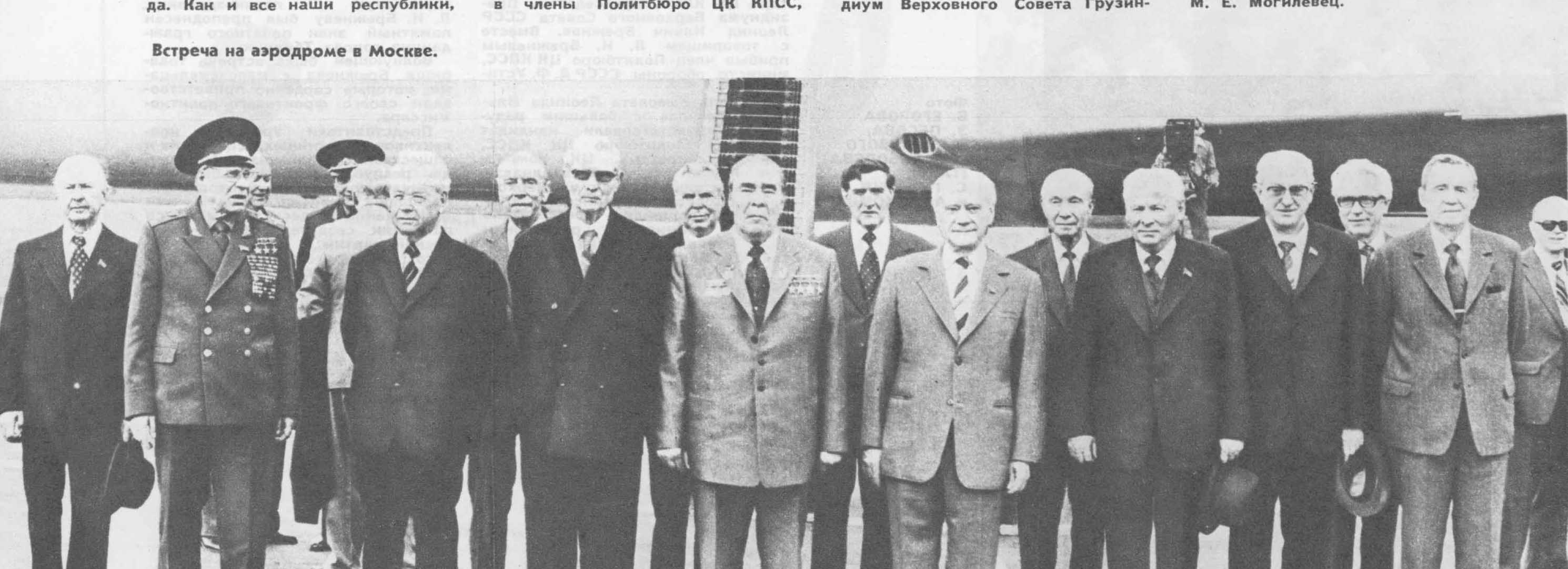
24 мая Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев возвратился из Тбилиси в Москву.

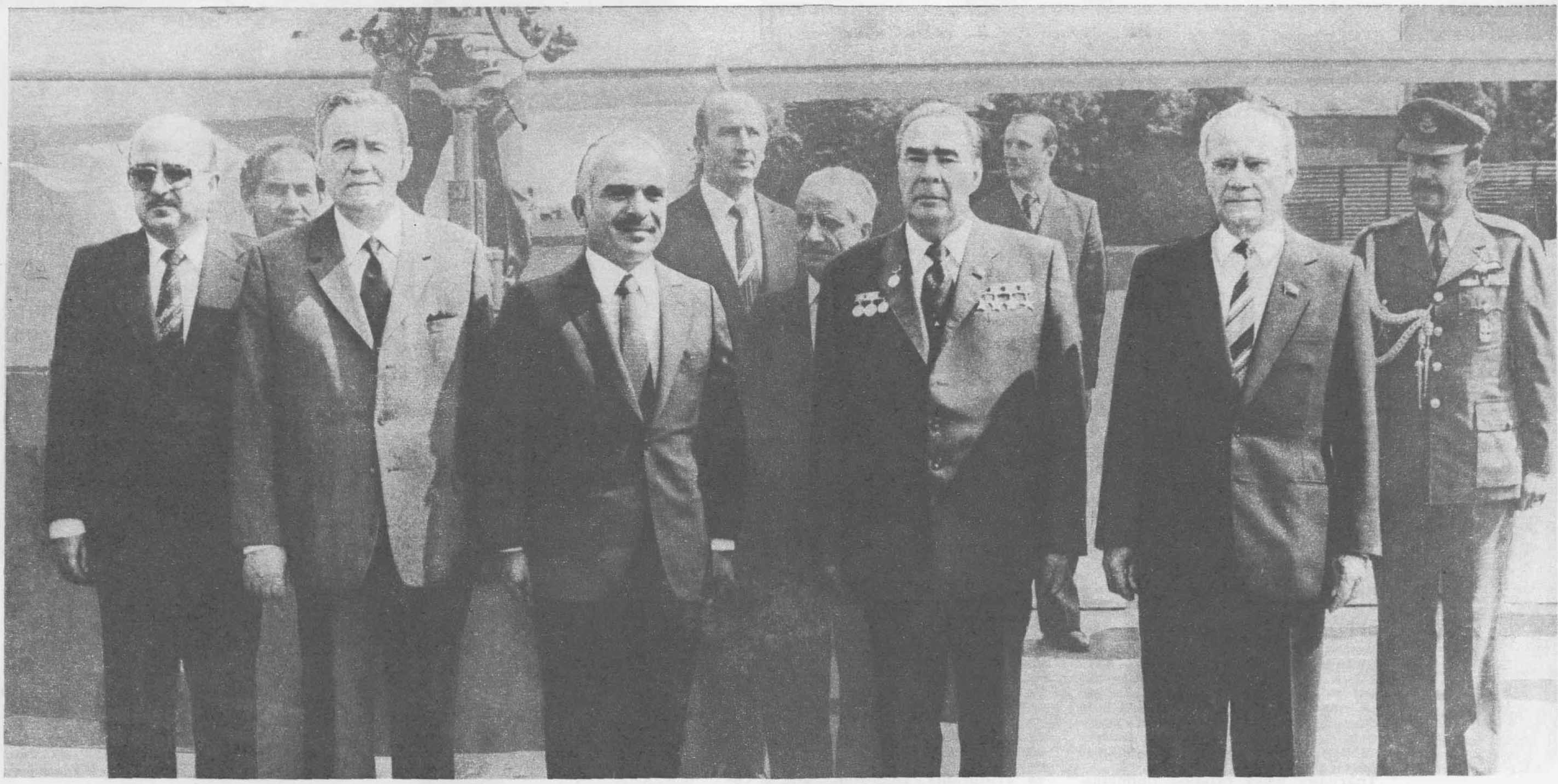
Вместе с товарищем Л. И. Брежневым возвратился член Политбюро ЦК КПСС, министр обороны СССР Д. Ф. Устинов.

На аэродроме товарища Л. И. Брежнева встречали руководители партии и правительства.

Из Тбилиси возвратились также помощники Генерального секретаря ЦК КПСС — члены ЦК КПСС А. М. Александров, Г. Э. Цуканов и кандидат в члены ЦК КПСС А. И. Блатов, заместитель управляющего делами ЦК КПСС М. Е. Могилевец.

Встреча на аэродроме в Москве.

Встреча на Внуковском аэродроме.

С ОФИЦИАЛЬНЫМ ДРУЖЕСТВЕННЫМ ВИЗИТОМ

По приглашению Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства 26 мая в Москву с официальным дружественным визитом прибыл король Иорданского Хашимитского королевства Хусейн Бен Талал.

На Внуковском аэродроме Хусейна Бен Талала встречали Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев, Председатель Совета Министров СССР Н. А. Тихонов, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, другие официальные лица.

Среди встречавших находились посол Иордании в СССР Хани аль-Хасауна, главы дипломатических представительств ряда стран, аккредитованные в СССР, представители трудящихся Москвы.

Вместе с королем Иордании в Москву прибыли премьер-министр и министр обороны Модар Бадран, начальник королевской канцелярии Ахмед Керим аль-Лаузи, начальник секретариата короля принц Раад Бен Зейд, министр по делам оккупированных территорий Хасан Анис Ибрагим, министр иностранных дел Марван аль-Касем, другие официальные лица.

Во время переговоров.

Фото Дм. Бальтерманца

Раздувают пожар

Кровавая драма Ливана длится вот уже несколько лет, и пока что не видно ей конца.

«Разве может оставлять равнодушным судьба Ливана, который буквально истекает кровью, терзаемый израильской военщиной? Один опрометчивый шаг, и военный пожар может охватить весь район Ближнего Востока. И неизвестно, как далеко полетят искры пожара»,— сказал Л. И. Брежнев в своей речи в Тбилиси.

Трагедия этой страны порождена экспансионистской политикой Тель-Авива, его оголтелой агрессивностью и сумасбродной мечтой о «великом Израиле». Израиль натравляет правохристианские формирования на национально-патриотические силы Ливана и палестинцев. Цель Тель-Авива и фалангистов заключается в том, чтобы добиться расчленения Ливана. Осуществление раздела страны позволило бы укрепить позиции Израиля на его северных границах с Сирией, в частности в долине Бекаа. Развал Ливана как единого государства нанес бы тяжелый удар по палестинцам, которые находятся в этой стране, а стало быть, и по Палестинскому движению сопротивления. Нет сомнения, что план расчленения Ливана направлен и на то, чтобы подавить волю арабских народов в борьбе против империалистического и сионистского влияния.

Сценарий трагических событий составлен в Израиле. Именно он сыграл решающую роль в резком обострении обстановки в Ливане. Именно израильтяне вооружили христианские формирования фалангистов во главе с Жмайелем, установивших фактический контроль на севере страны. На юге Ливана Тель-Авив вскормил своего ставленника мятежного майора Хаддада, фашистские банды которого при поддержке Израиля устраивают резню мусульман-шиитов, проживающих в этом районе.

В соответствии с замыслом сионистских правителей палестинские и национально-патриотические силы Ливана должны были быть взяты в клещи: с юга войсками Израиля и отрядами Хаддада, с севера — правохристианскими отрядами фалангистов.

Планам марионеток и их хозяев мешают межарабские силы, костяк которых составляют сирийские войска. Они находятся в стране с согласия правительства Ливана. По указке Тель-Авива правохристианские формирования начали наступление на патриотические силы и сирийцев. Демаркационная линия в Бейруте, разделяющая кварталы правых христиан и кварталы, находящиеся под контролем национально-патриотических сил Ливана, превратилась в настоящую линию фронта. В столице, как и во многих других городах, полыхают пожары. Разрушены жилые дома, школы, учреждения. Израильские самолеты подвергли бомбардировке Бейрут, юг Ливана и некоторые пункты долины Бекаа.

После того как два сирийских вертолета, доставлявших продовольствие для межарабских сил в долине Бекаа, были внезапно сбиты израильскими истребителями, сирийцы, чтобы обеспечить свою безопасность, ввели в район несколько зенитных ракетных установок. Это не понравилось Тель-Авиву. «Пусть сирийцы уберут ракеты,— потребовал премьер-министр Израиля Бегин, — или мы их уничтожим». Почему так нагло ведет себя Бегин? Да потому, что администрация Рейгана поддерживает экспансионистские амбиции Израиля, и, как пишет сирийская газета «Тишрин», Тель-Авив «не в состоянии пуститься на военную авантюру, не будь у него американской военной, политической и экономической поддержки».

Сионисты развязали необъявленную войну против палестинцев и против прогрессивных сил Ливана. Палестинцы, проживающие в Ливане, находятся здесь не по своей воле. Изгнанные сионистами со своей родины, они нашли приют в этой стране, но и здесь израильские «фантомы» обрушивают на их лагеря тонны смертоносного груза.

Но не смирились со своей участью миллионы палестинцев как на захваченной сионистами арабской территории, так и в палаточных городках, разбросанных по многим соседним арабским странам. Палестинцы требуют возвращения на свою родину, освобождения ее от оккупантов. А для этого у них есть и боевая мощь и поддержка друзей во всем мире. Это-то и страшит агрессоров. Боятся потерять захваченное, боятся мира. Оттого-то и раздувают новый пожар на Ближнем Востоке и заручаются поддержкой своих империалистических союзников, и прежде всего Соединенных Штатов Америки. Но время работает против них. Крепнет единство палестинского народа, громче звучит призыв во всем мире к мирному урегулированию ближневосточного кризиса на справедливой основе, и прежде всего на основе признания прав палестинского народа.

Израиль концентрирует войска у границы с Ливаном, они приведены в повышенную боевую готовность. В то же самое время две группы кораблей ВМС США (всего около 30) курсируют вдоль ливанского побережья во главе с авианосцами «Индепенденс» и «Форрестол». Их миссия вполне ясна: запугать арабские народы, заставить пойти на новые уступки Израилю, поддержать Тель-Авив в его агрессивных стремлениях.

Обстановка в Ливане накалена до предела. Военный пожар, если он вспыхнет в этом районе, трудно локализовать. Не война, а мир нужен Ближнему Востоку. А для этого необходимы усилия всех миролюбивых сил. Советский Союз выступил с предложением, которое дает хороший шанс поработать коллективно в целях стабилизации обстановки на Ближнем Востоке. Речь идет о созыве международной конференции по этому вопросу. Наше предложение на этот счет встретило широкий положительный отклик в арабских странах и во многих других государствах.

В. ДУНАЕВ

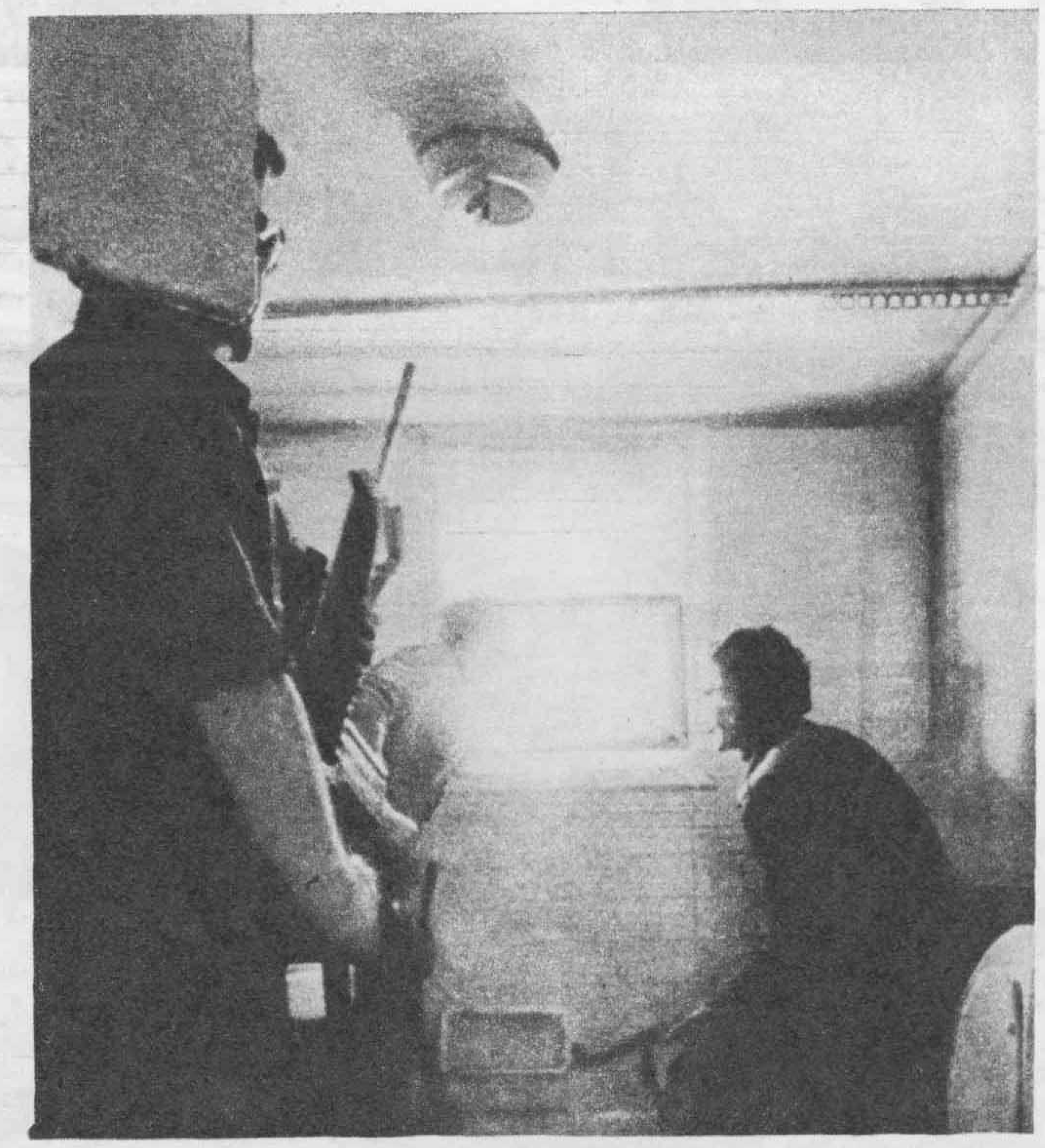
Жители столицы Ливана спасаются от артобстрела фалангистов.

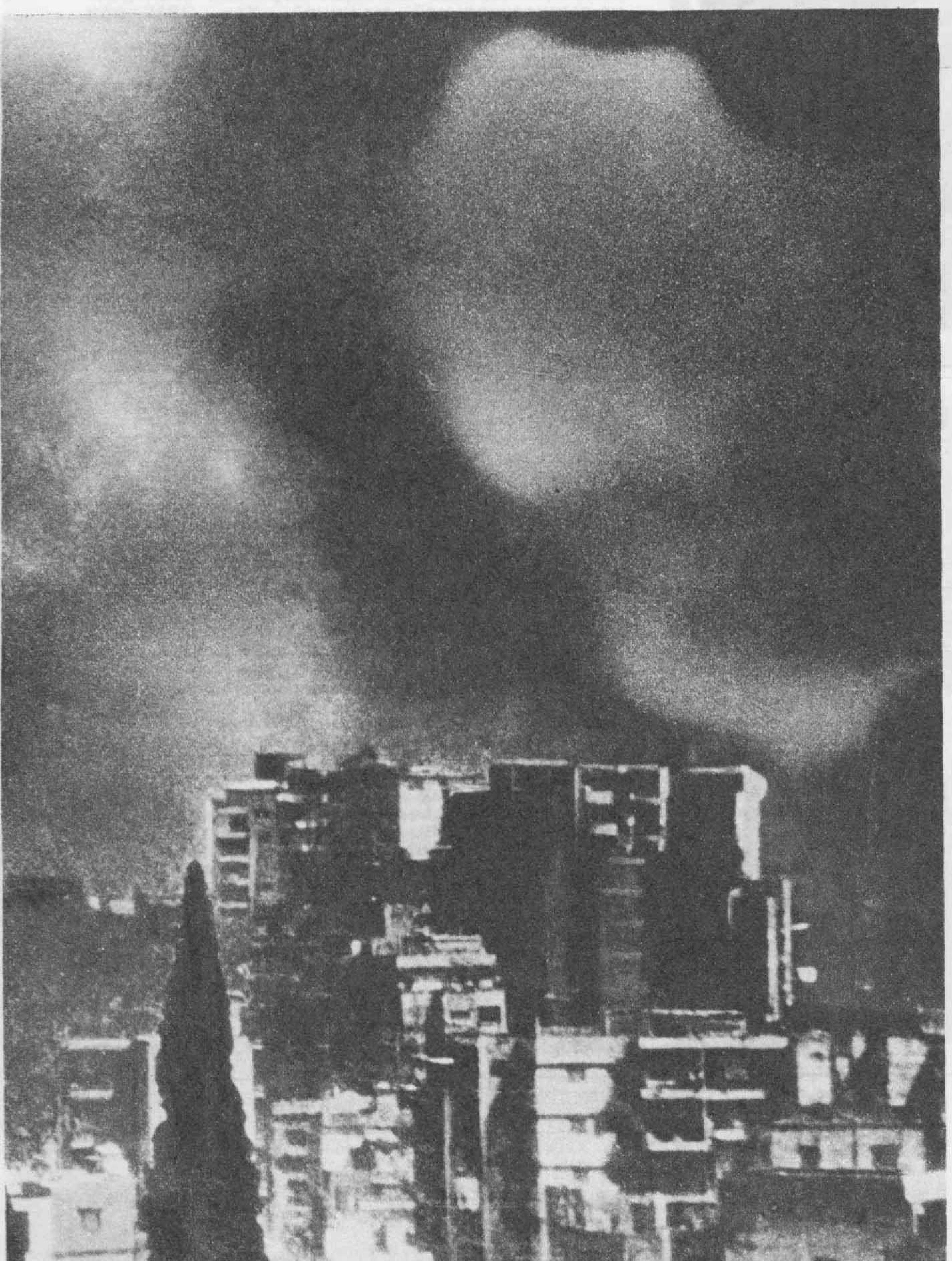

Здесь была больничная палата.

Правохристианские снайперы в засаде.

Бейрут в огне пожаров.

ТВЕРДАЯ ПОЗИЦИЯ

20 мая в Советском комитете солидарности стран Азии и Африки состоялась пресс-конференция делегации Демократического фронта освобождения Палестины (ДФОП) во главе с генеральным секретарем Фронта Наифом Хаватме. В состав делегации входили заместитель генерального секретаря ДФОП Ясир Абд Раббо, члены Политбюро Фронта Тайсир Халед и Абу Лейла.

Наиф Хаватме познакомил советских журналистов с обстановкой на Ближнем Востоке, в частности в Ливане. Он решительно осудил предпринимаемую Израилем и его агентурой при поддержке американского империализма эскалацию агрессивных действий против суверенного Ливана, его национально-патриотических сил и отрядов Палестинского движения сопротивления. В заключение Наиф Хаватме выразил глубокую благодарность КПСС и советскому народу за принципиальную и последовательную поддержку справедливой борьбы палестинского и других арабских народов.

Л. Попов и Д. Прунариу расписываются на борту корабля «Союз-40».

26 мая после двух с половиной месяцев работы на долговременной орбитальной станции «Салют-6» космонавты Владимир Коваленок и Виктор Савиных возвратились на Землю.

Они покинули станцию через четверо суток после прощания с советско-румынским экипажем — Леонидом Поповым и Думитру Прунариу.

КОСМИЧЕСКИЕ ВЕХИ

Опустела станция, погашены огни, вновь кружит она над планетой, словно погруженная в анабиоз. Затих Центр управления полетом. Подводятся итоги этой небывалой в истории космонавтики эпопеи. Завершены два принципиальнейших этапа, установлены две, можно сказать, монументальные вехи в освоении космического пространства.

Во-первых, работой советско-румынского экипажа полностью выполнен план участия в пилотируемых полетах девяти социалистических государств по программе «Интеркосмос».

Во-вторых, транспортный корабль экипажа Попов — Прунариу стал последним кораблем серии «Союз». Сорок кораблей — целая эпоха длительностью в четырнадцать лет. Но всему свое время. А время «Союзов» ушло, пришла новая техника.

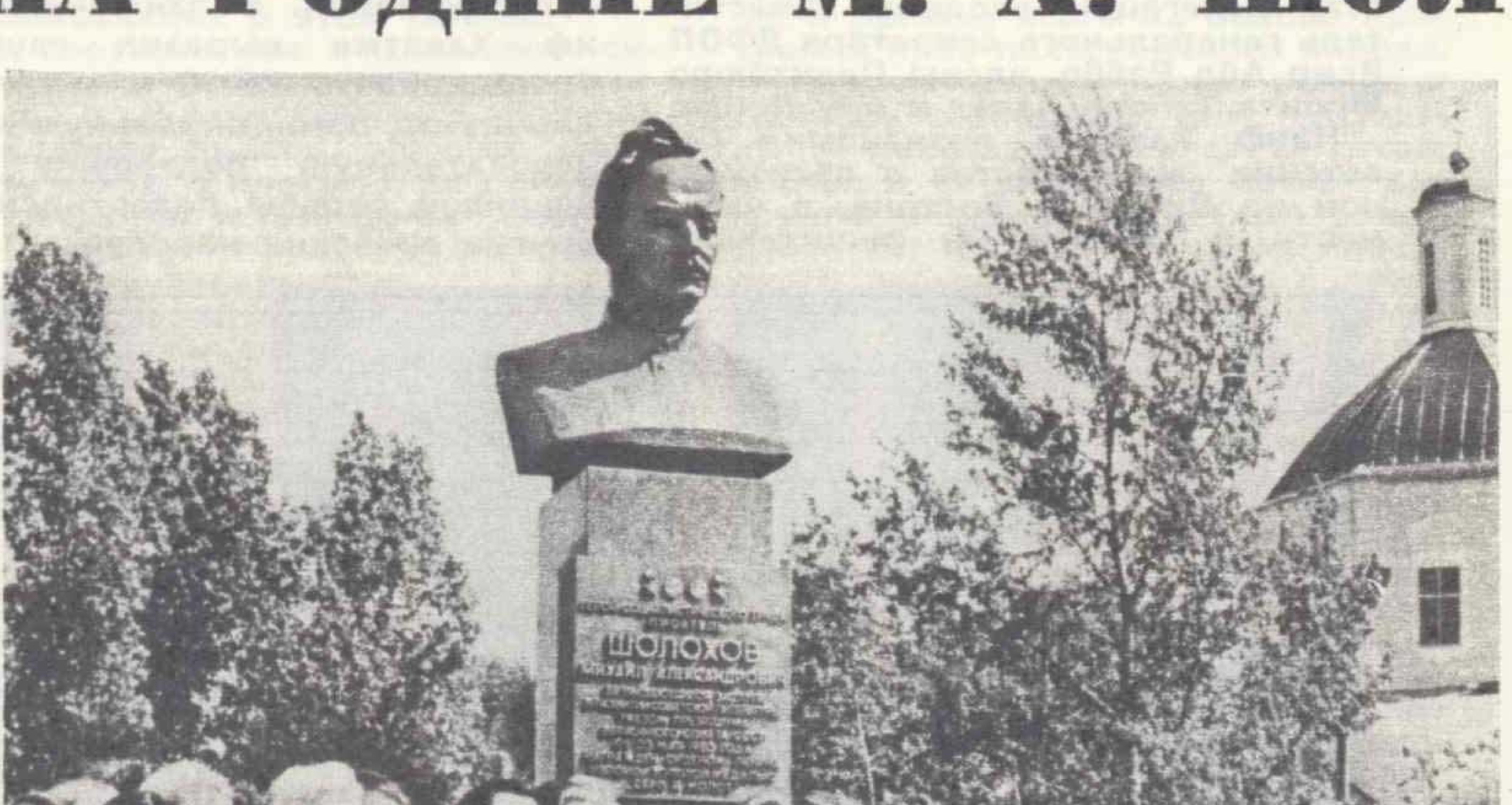
Эта техника — корабль «Союз Т» — была четырежды испытана в период полета станции «Салют-6», испытана как в беспилотном, так и в пилотируемом вариантах. Оценки ее работы самые высокие.

Новый корабль оснащен бортовой электронно-вычислительной машиной. Так, ЭВМ при

В. Коваленок и В. Савиных.

Телефото
В. Кузьмина и А. Пушкарева
(ТАСС)

НА РОДИНЕ М. А. ШОЛОХОВА

На вешенской земле — праздник. Здесь, на берегу тихого Дона, открыт бюст дважды Героя Социалистического Труда М. А. Шолохова. Событие совпало с другим — днем рождения великого земляка вешенцев.

Торжественный митинг открывает первый секретарь Вешенского райкома КПСС Н. А. Булавин. Член Центрального Комитета КПСС, депутат Верховного Совета СССР, первый секретарь Ростовского обкома КПСС И. А. Бондаренко разрезает ленту, и перед собравшимися открывается бронзовый бюст писателя работы скульптора лауреата Ленинской премии А. С. Новикова и архитектора В. А. Климова.

Выступает первый секретарь правления Союза писателей СССР, Герой Социалистического Труда Г. М. Марков:

— Когда мы говорим об исключительных чертах шолоховского творчества, мы говорим, по сути дела, о том наилучшем, что создано искусством социалистического реализма, о том, к чему стремится каждый художник в отдельности и вся литература в целом: о способности воплощать идеалы социалистического общества, показывать жизнь во всей ее многосложности, нравственной силе, проникать в глубины человеческого характера. Михаил Шолохов стал наравне с Горьким и Маяковским среди первых классиков советской литературы. Но и сегодня он бессменный правофланговый нашей литературы, крупнейший художник современности. Книги Шолохова значатся в числе самых читаемых книг.

Именно об этом,— говорит Георгий Марков,— как мне представляется, подумает тот, кто придет к этому бюсту, на эту площадь завтра, через год, зимой или летом, юноша или седой ветеран, колхозник или писатель, земляк или человек из дальних краев...

Ф. МЕДВЕДЕВ

Станица Вешенская.

На снимке: открытие бюста дважды Героя Социалистического Труда М. А. Шолохова.
Фото Н. Козловского

сближении и стыковке, просчитывая баллистические параметры, ведет корабль строго по кратчайшей траектории, а значит, и с минимальными расходами топлива.

На борту корабля перед глазами космонавтов теперь дисплей, на который выводится множество самых различных параметров, что позволяет экипажу строго и безошибочно судить о правильности своих действий, о режиме и возможных отклонениях в работе бортовых систем и научной аппаратуры. Принципиальные изменения внесены в двигательную установку корабля. Теперь, в частности, все ее двигатели работают на едином топливе. В целом установка стала более экономичной, эффективной и надежной в работе.

Важным является и еще одно обстоятельство. «Союз Т» сконструирован так, что может использоваться не только как транспортное средство для доставки экипажей на станцию, но и как самостоятельная орбитальная лаборатория, причем, если потребуется, то и длительного действия.

Новый корабль может брать на борт трех космонавтов. Этот вариант был опробован в декабре минувшего года экипажем Л. Кизим — О. Макаров — Г. Стрекалов.

Станция «Салют-6» была выведена в космос 29 сентября 1977 года. За это время она приняла на борт 16 экспедиций. Весь этот период работа велась по принципу: основной — долговременный экипаж плюс экспедиция посещения.

«Салют-6» явила собой новое поколение орбитальных станций. Введение двух стыковочных узлов вместо одного, как это было прежде, позволило увеличить бортовое штатное расписание. 11 экспедиций посещения побывало на станции, и в эти периоды на борту орбитального комплекса находились и полноценно работали четыре космонавта. Появление дополнительного стыковочного узла обусловило и возможность прилета к станции беспилотных грузовых транспортных кораблей. Так появились «Прогрессы». Один корабль доставлял на станцию до 1,3 тонны груза да еще тонну топлива. Если умножить все это на двенадцать — столько космических «грузовиков» причалило к «Салюту-6»,— то можно понять, какие новые жизненные силы получала каждый раз орбитальная лаборатория.

Но не только это обстоятельство обеспечило «долговременность». Мы беседуем с главным героем всей беспримерной эпопеи «Салюта-6» Валерием Рюминым, человеком, проработавшим на станции в общей сложности год и являющимся ныне заместителем руководителя полета.

— В ходе работы на борту мы впервые поняли, вернее сказать, обнаружили, что есть еще один существенный резерв продления жизни станции,— говорит он.— Это ремонт, а также замена отработавших ресурс узлов, блоков, систем. Вряд ли ошибусь, если скажу, что не менее половины их было заменено новыми, которые доставлялись с Земли транспортными кораблями. Первоначально мы планировали, что станция будет активно функционировать не более двух лет. А она и по сей день жива и здорова.

25 мая Звездный городок тепло и торжественно встретил вернувшийся из космоса советско-румынский экипаж — Леонида Попова и Думитру Прунариу. Завершен важный этап программы «Интеркосмос». Каждая социалистическая страна, посылая космонавта, готовила к полету и свои эксперименты, свою аппаратуру. Космонавт покидал станцию, но аппаратура его страны оставалась и работала. Так, длительные исследования проведены знаменитым теперь фотосъемочным комплексом МКФ-6м из ГДР, болгарскими приборами «Дуга» и «Спектр-15», чехословацким «Оксиметром» и многими другими. Космические эксперименты дружеских государств, их результаты являются общим достоянием ученых. Программа исследований на станции была спланирована так, что эксперименты социалистических стран дополняли друг друга. Например, на протяжении всего полета на борту работала установка «Сплав» — для получения новых материалов со свойствами, недостижимыми в условиях земной гравитации. И каждая страна предлагала свои исходные материалы для «Сплава». Теперь все результаты космических экспериментов — на Земле, идет их обработка.

Все расширяется круг научных задач, решаемых в пилотируемых полетах, все рентабельней становится освоение космоса, стремительно расширяется круг отраслей, заинтересованных в исследованиях с околоземной орбиты. И здесь возникают определенные трудности. Вот что рассказывает об этом Валерий Рюмин:

— Сейчас более четырехсот различных организаций предлагают нам свои задачи для решения на борту орбитальной станции. Кому и в каком объеме отдать предпочтение? Как определить приоритетность задач? Как наилучшим образом увязать их решение с работой систем станции, с деятельностью экипажа и наземных служб? В целом планирование программы полета, как долговременное, так и текущее,— одна из наиболее сложных сейчас наших задач, тут есть над чем думать и думать.

Другая трудность. Объем получаемых на борту результатов огромен, а их ждут, в них остро нуждаются ученые и хозяйственники. Но с оперативностью обработки дела обстоят пока не лучшим образом. И здесь есть над чем думать и работать, есть определенные организационные проблемы.

...Хочется верить, что все это трудности роста. Добавим: стремительного роста.

Р. ГЕОРГИЕВА,
В. СКВОРЦОВ

ОЛЬСТЕР: НЕЗАЖИВАЮЩИЕ РАНЫ

Вновь гремят автоматные очереди и горят подожженные автомашины на улицах городов Северной Ирландии. Английские оккупационные войска, или, как их деликатно называют в Лондоне, «силы безопасности», пытаются грубой силой подавить сопротивление населения этой страны.

Голодная смерть четырех узников тюрьмы Мейз (прежнее название — Лонг Кеш) вызвала эту новую волну протеста. Как известно, еще несколько десятков североирландских заключенных изъявили готовность начать голодовку с целью потребовать предоставления им статуса политических заключенных. Но, как явствует из заявления главы консервативного правительства М. Тэтчер, об этом «не может быть и речи».

5 ИЮНЯ — ВСЕМИРНЫЙ ДЕНЬ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

Продолжить формирование научно обоснованной сети заповедных территорий и национальных парков и проводить на их базе изучение природных систем и объектов с целью выработки рекомендаций по рациональному использованию природных ресурсов.

Из «Основных направлений экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года».

КРАСНАЯ КНИГА

Евгений ЖБАНОВ

Речка Лопасня перед впадением в Оку долго вьется, петляет, будто старается наивной этой хитростью продлить себе жизнь. Кончается она в зарослях тихо и незаметно. Только острие песчаной косы выдает ее устье.

Вместе с Владимиром Ивановичем Даниловым, старшим научным сотрудником Приокско-Террасного заповедника, вызвавшимся показать мне это историческое устье, мы изрядно поплутали. Он в берете, парусиновой куртке, с полевою сумкой на плече, решительно, с хрустом ступает резиновыми сапогами и похож, по сложившимся понятиям, скорее на геолога. В заповеднике работать — это ходить и ходить.

Здесь, у Лопасни, русское войско переправлялось на ту сторону, идя на Мамая. Было это в первые дни сентября, «стояла тишь великая и теплынь». А сейчас лето набирает силу.

Прошлой осенью, когда на месте Куликовской битвы я видел огромный, выпуклый, поистине степной простор зяблевой пахоты, эти вельветовые борозды, влажно блестящие на солнце, мне все время, несмотря на подлинность панорамы, чего-то не хватало вблизи. Не хватало кусочка древней степи. И оставалось с грустью сожалеть, что никогда уже впредь не увидеть нам, как у Дона «ковыль-трава расстилается», разве что на картинах.

Я говорю об этом Данилову (он наблюдает участки древней степи), причем говорю немного с вызовом, как если бы он был владельцем редчайшей коллекции, которую держал взаперти от людей. Но он спокойно, тоном мастерового замечает, что степь можно воспроизвести.

— Настоящую? С ковылем?

— Точнее сказать, луговую, ковыльно-типчаковую...

— Посеять, что ли?— поспешил я.

— Да нет. Тут посложнее. Стройматериал — это еще не здание...

Выбор заповедного уголка — не прихоть. Не потому, что хорошо бы и здесь, а потому, что именно здесь. С научным обоснованием ценности. И как не похожи степи Аскании-Новы на горы Алтая, так не похожи один на другой заповедники: у каждого свои «фамильные» черты. Словом, заповедники разные, а заповедное дело едино: охрана и научное наблюдение. Поэтому я выбрал просто ближайший к Москве, близ Серпухова, государственный Приокско-Террасный.

Представьте как бы сверху: лесная площадь в рамке семь на семь километров. Отлогими террасами она склоняется и примыкает южной своей стороной к пойме Оки (отсюда и название). Вот именно здесь, на левом берегу Оки, природа обширнейшей Русской равнины решила (простите за вольный стиль) позабавиться и, словно играючи, изобразила беглыми штрихами самое себя как бы в миниатюре. Вроде бы даже смешно говорить о южной и северной границах — расстояние семь километров. Но тем поразительнее: северная граница — это действительно Север!

Словно где-нибудь в низовьях Печоры — вязкие болотца со щетиной тростника, с корявыми редкими березками на кочках, с пышными подушками бледно-зеленого мха, похожего сверху на елочки (ему мы обязаны залежами торфа), и ползучими, в рубиновых капельках, стебельками клюквы. Разумеется, не преминут показать и крохотное хищное растеньице — росянку: она глядит невинным как бы глазком в раскрытых ресничках, но едва какая-нибудь мелкая мушка сядет на растеньице, реснички закроются, и мушка будет съедена.

А за болотцами — хмурые ели, как большие темные птицы; чешуйчатые сероватые стволы, таежный колдовской полусумрак над распластанной жирной травой,— чувствуешь себя неуютно, зябко. Но ведь это только шутка, намек на тайгу, вон уже и посветлело, заиграло листвой на солнце, засвистело птичьими посвистами. Зеленая симфония — леса Срединной России!

Даже при знакомстве накоротке заповедный лес ошеломляет не столько тем, что уже стало экзотикой для москвича, сколько грустной мыслью о том, какие богатейшие возможности таят в себе леса (которые уже с оттенком пренебрежения мы называем пригородными, вроде бы ненастоящими), если бы мы сами входили в них, как входят в дом к доброму, старому другу, где угощение лишь украшает застолье, но не составляет единственной цели посещения. Не будь заповедника, мы, наверное, уже сочли бы за сказку, что вблизи от столицы, на таком «пятачке» может обитать 48 видов зверя: от самого крупного в СССР — зубра, в тонну весом, до самого мелкого — землеройки, которая весит всего полтора грамма. Потому что берегли.

Но вот ближе к «югу» чистые боры, могучие дубы и липы — «широколиственная осень», а рядом, на песчаных взгорках, тонкие сосны на белых кораллах «оленьего мха». В общем-то заповедник — типичная мозаика лесов нашей средней полосы, и нет здесь для науки особых географических загадок. Кроме одной — на самой нижней, южной террасе, уже открытой на окскую пойму. Сюда привел меня Данилов неспроста.

Лес расступается, сквозящими гривами расходится поверх отлогих валов, образующих как бы ложбинки, и по ним вразброс лежат участки древней степи. «Долы» — так называют их.

Степные растения? Здесь, на лесном берегу Оки? Оторванные от своего ареала порой на сотни километров?

Загадка приокских Долов занимает ученых больше века. Поныне мнение разделяется: одни находят в Долах остатки аборигенной растительности ледниковых времен, другие видят ботанический след уже человеческой истории и полагают, что семена «степняков» занесены с набегами степных кочевников. Так или иначе, но милостью природы дожили Долы до наших дней, и теперь люди содержат их как сокровищницу — за металлической сеткой ограды.

У входа на высоко приподнятом щите читаю списки дольней флоры. Ковыль Иоанна, Тюльпан Биберштейна, Валериана российская...

Иные — уже в Красной книге.

Хочу заметить, что понятие «степь» мы обычно отождествляем с чисто ландшафтным представлением «степного простора». Наука же предпочитает критерий более четкий — тип растительности, те самые списки «степняков», которые представлены здесь чуть ли не всем своим множеством — около ста наименований. Долы небольшие, можно камушком перебросить, но это — степь. Только расширить мысленно до горизонта! Кустистая, выше колена трава. Такая густая, что бежать по ней едва ли под силу человеку, а ляжет наземь — не заметишь, пожалуй, и в трех метрах. Какое-то буйство жизни!

Данилов ходит по краю, нагибается, двумя ладонями раздвигает травяную чащобу, показывает обозначенные колышками учетные «сообщества», где считают каждый стебель и колосок. О душа ботаника: ходит словно поклоняется земле, с языческим восторгом читает цветы и листья.

Что означает — исследовать Долы? Составляющие их растения давно известны наперечет, более того, степное множество давно разложено, как говорится, по полочкам — в арифметических соотношениях между видами растений. А между тем Данилов ведет наблюдения уже пять лет.

Степь не простое арифметическое множество растений. Растения живут не в одиночку, не каждое само за себя, а в причудливых границах первобытных сообществ, где ковыль по своей массе главенствует, но вместе с ним — еще десятки строго определенных видов. Друг без друга они не могут. Посей ковыль — и без сообщников он погибнет.

Жизнь в сообществах восходит ярусами: одни цветут вовсю, а другие только еще подрастают, готовясь к «звездному часу». В то же время все сообщества живут в едином биологическом ритме степного тела.

В конце апреля степь пробуждается лапчаткой и становится ярко-желтой. Потом зацветает ковыль — и степь шелковисто-коричневая. Потом выходят незабудки — и степь становится сочно-голубой. Потом смолка — и степь жгуче-розовая среди зеленых волос ковыля. И, наконец, ближе к осени — белая, словно снег, перед тем как потухнуть, побуреть, уснуть.

Задача ботаника — выявлять закономерности жизненных процессов. Чтобы создать для наблюдений только исходный плацдарм, необходимо было сначала определить, отметить, очертить размытые границы сообществ, а их 500! Нанести на микрорельефную карту. Ведь вопрос в том, чтобы не на глазок, а в цифрах, в динамических рядах, по месяцам было видно, какие изменения происходят в каждом сообществе в зависимости хотя бы только от погодных условий и микрорельефа. А если увязать с жизнью всей фауны? С почвенными процессами? Тут работа не одному ботанику — тут и зоолог, и орнитолог, и химик, и бактериолог.

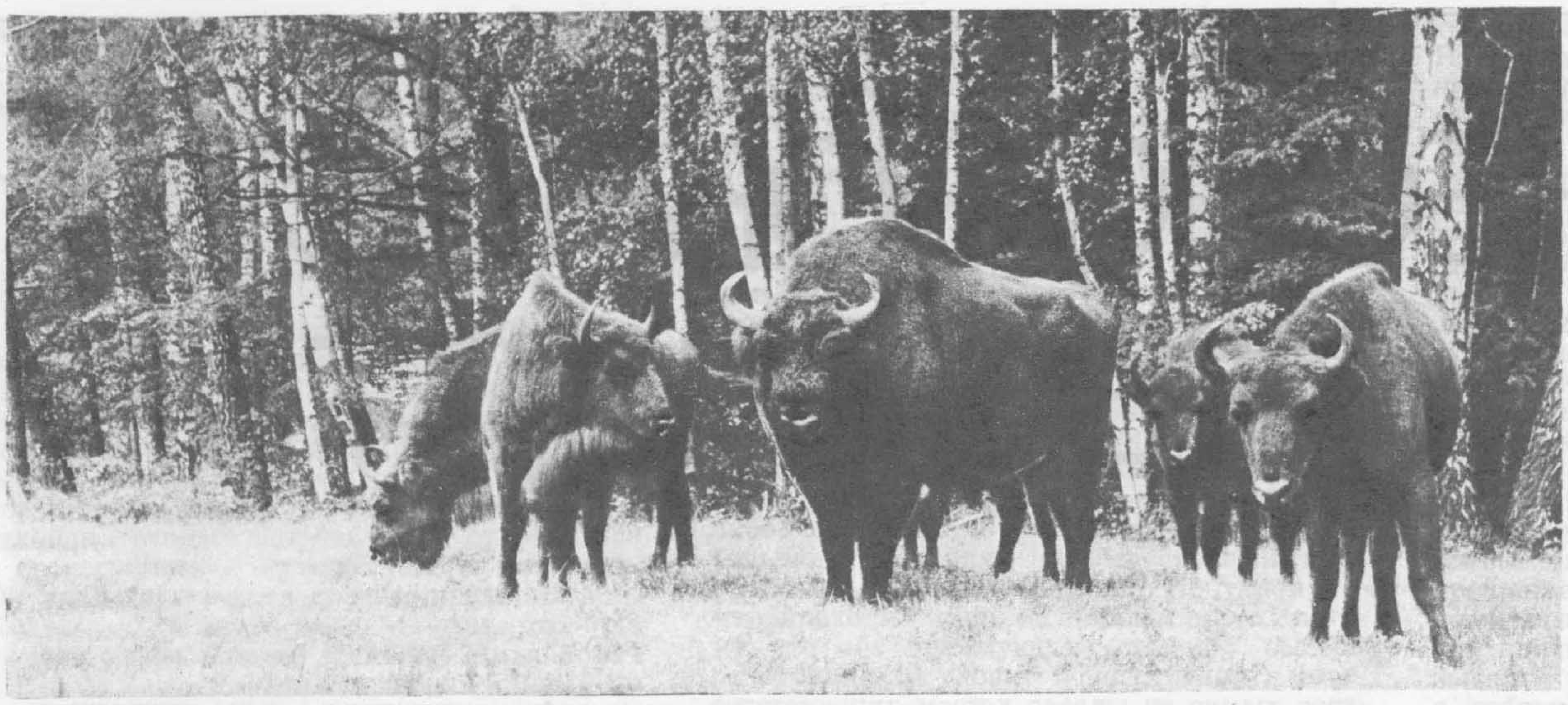
Мы прекрасно понимаем, ценой каких усилий историков, художников, архитекторов, инженеров, мастеров-умельцев стоило воссоздать разрушенный Петергоф в прежнем блеске. Но согласитесь, были бы слепы и, может быть, тщетны усилия, если бы не сохранились рисунки, эскизы, чертежи — иными словами, документация.

Условно говоря (ибо модель живого организма куда как сложнее наитончайшей модели человеческого искусства), в заповедных Долах создается своего рода степная документация. Эталонные параметры. Кто знает, быть может, когда-нибудь степными массивами будут возвращать полям их первозданное плодородие? Это работа на будущее.

Их всего восемь человек, научных сотрудников. Старшее поколение ученых — супруги Заблоцкие; они здесь уже более тридцати лет. Лидия Васильевна занимается самыми крохотными зверьками, Михаил Александрович самым крупным — зубром, трагической судьбой которого проникся еще до войны; ездил в Беловежскую пущу изучать этого древнейшего обитателя земли, когда ворвался в жизнь сорок первый,— и пришлось командиром артиллерийского расчета пройти от Ладоги до Балатона, чтобы с двумя боевыми орденами Красной Звезды вернуться к своему мирному делу, ставшему делом всей жизни. А представителю самого молодого поколения — лесоводу Николаю Арнольдовичу Костенчуку — нет еще и тридцати от роду. Добавлю, что у научного отдела заповедника своя пятилетка — научная: опубликовано 29 исследовательских работ по материалам наблюдений.

Само собой понятно, что полнота научных наблюдений за природой возможна лишь в тех местах, где полнокровна природная среда, где живой мир играет всеми красками жизни, или, скажем строже, сбережен генетический «стройматериал». А заповедники — главные его хранилища.

Помню, рассказывала Лидия Васильевна Заблоцкая, как года два назад принимала коллегу-зоолога из Англии. Показали зубровый питомник, боры, бобровые плотины и

Встреча с зубрами. **Фото автора**

ПРИРОДЫ

под конец повезли в Долы. Все цветет и благоухает, гость улыбается и расспрашивает, как вдруг наклонился и уставился в одну точку — даже как-то обидно получилось. А гость с удивлением смотрел на голубого мотылька. Потом поднял голову и вздохнул: «У нас уже не увидишь. Нигде».

Вообще «нигде»? Как это страшно! Ученые в наше время очень чутки ко всему, что может исчезнуть с лика земли вообще. Природа защищается, борется за жизнь, но это — пока не нарушены пределы ее самозащиты.

Увы, в мире есть уже Черная книга — мемориальные списки ушедших навсегда. Невосполнимо. А кто заранее скажет, какую нитку тянет тот же голубой мотылек во взаимосвязях природной жизни? Быть может, именно от него, презренного мотылька, зависит жизнестойкость какой-нибудь столь же презренной травинки. Но, как известно, презренная плесень дала человечеству антибиотики, спасшие миллионы жизней. И современная наука не склонна к безапелляционному осуждению на вечную бесполезность чего-либо в Природе.

Нам есть что оберегать для себя и будущих поколений.

На 22 миллионах квадратных километров нашей страны, из которых треть — лес, обитает 350 видов зверей и 650 видов птиц; многие только у нас еще находят свой приют. От Карелии до Камчатки, охватывая всю разнообразнейшую географию нашей земли, часовыми живых сокровищниц стоят Заповедники. Еще какой-то десяток лет назад их было 90, сейчас — свыше 110...

Нам есть что охранять, но нам было бы много чего и терять, если бы вся охрана живой природы сводилась только к размножению ее заповедных пристанищ. Размаху технического прогресса уже не препятствие расстояния. Уже, пожалуй, не найдется такого медвежьего угла, который был бы технически вообще недоступен хозяйственной деятельности человека. Вся земля наша становится хозяйством. (Замечу кстати, что в нынешних условиях и охранение заповедной земли тоже своего рода хозяйство: это и автомобили, и бульдозеры, и тракторы, штат рабочих, а в Уссурийском заповеднике, где доводилось бывать, меня прямо-таки поразила мощь противопожарной техники.) Словом, вопрос в том, каким путем вести хозяйство, каким быть хозяину.

Кто видел Голодную степь преобразившейся, эти белоснежные карты хлопка, окруженные хороводами шелковиц, тот не усомнится в том, что технический прогресс в силах не только уживаться с природой, но и пробуждать в ней спящие силы жизни. Кто видел, как на химико-металлургическом заводе в Северодонецке в прудах — после очистки ядовитых стоков — плавают зеркальные карпы, тот поймет, что безжизненностью рек природа мстит не техническому прогрессу, а бесхозяйственности. Ибо природа, по замечанию Герцена, не может перечить человеку, если человек сам не перечит ее законам.

Были времена, когда, словно зачарованные благами технического прогресса, порой и закрывали глаза на «некоторые» издержки роста — в виде почерневших рек и лесных пустырей. Когда гражданского мужества стоило отводить возникавшие угрозы то над Байкалом, то над Брянским лесом. Когда иной хозяйственник, вожделея сиюминутную выгоду, и на заповедные земли уже смотрел вроде как на архитектурные излишества, непозволительную роскошь, призванную лишь ублажать каких-то там чудаков-натуралистов; случалось, даже добивались их закрытия. Увы, крылатое выражение «покоряем пространства» понималось порой слишком буквально.

Нет, нам чужда психология одной одноневки, нам небезразлично, в каком виде достанутся после нас леса и воды нашим детям и внукам, каким предстанет им лик родной земли.

Бюджетные ассигнования на охрану окружающей среды составили за десятую пятилетку около 11 миллиардов рублей, а это новые очистные сооружения, новые эффективные системы контроля и научные изыскания. Приняты законы об охране и использовании животного мира и атмосферного воздуха. Охрана природы возведена в степень конституционного принципа и в Основном законе страны провозглашена обязанностью каждого гражданина СССР.

Как мы знаем, проблема окружающей среды — проблема будущего человечества — стала в мире одной из животрепещущих. Сейчас начинается осуществление программы международного сотрудничества «Человек и биосфера», цель которой — создать по всему земному шару сеть специальных станций для мониторинга.

Что такое мониторинг?

Со временем будет это слово знать каждый школьник, как слова «космос», «кибернетика», «лазер», но пока оно не успело войти даже в словари. Итак, мониторинг—это непрерывное наблюдение за качеством окружающей среды и прогноз на будущее в случае дальнейших отклонений от эталонной чистоты. Что же считать эталоном? Вот здесь-то и выпадает неоценимая роль заповедным землям. На их основе уже созданы заповедники нового типа — биосферные. Недавно биосферным стал и Приокско-Террасный.

Схема такова. «Старая» территория остается заповедным ядром, к нему примыкает переходная зона — слабого воздействия хозяйственной деятельности, в данном случае территория опытного лесного хозяйства «Русский лес» и далее — зона уже активной хозяйственной деятельности, обнимающая весь Серпуховской район Московской области. В каждой зоне несколько биосферных пикетов, где с помощью датчиков — по вертикали, с глубины шесть метров и до 10-метровой высоты, то есть охватывая основной биосферный столб,— снимаются самые разные показатели происходящих биологических, химических и физических процессов. Сравнительный анализ дает представление о мельчайших сдвигах — в лучшую или худшую сторону.

Научно-техническую разработку мониторинга окружающей среды ведут крупнейшие ученые мира, с обобщением всего нашего отечественного и зарубежного опыта.

Не могу все же не отметить, что взаимное обращение к опыту обнаружило два принципиально разных начала: в отличие от западных наши заповедники начиная с первых же по Ленинским декретам создавались сразу как научные учреждения. Из года в год, иногда десятилетиями заносимые в «Летописи природы» сведения о сезонных явлениях: даты вскрытия рек и прилета птиц, сроки цветения, урожайность семян, грибов, ягод и т. п.; все это в соединении с данными ежегодных «переписей» лесного населения, с регистрацией всякого рода заболеваний, не говоря уже о комплексных наблюдениях последних лет, дало в руки ученым уникальный хронологический документ — точное знание того, какие отклонения (быть может, резкие) вполне укладываются в колебательный механизм естественной эволюции, а какие (быть может, незначительные) вызваны уже человеческой деятельностью. Для мониторинга это прежде всего. Иностранные специалисты приезжают за опытом в Приокско-Террасный заповедник.

Помню, под вечер возвращаемся с Даниловым, уже на машине. Дорога мечется в изгибах стволистых стен.

«Смотрите! Смотрите!» Шофер резко затормозил метрах в тридцати. О чудо! Недвижно, молча громоздилось стадо зубров. Стоят. Бурые, с горбато изогнутыми мохнатыми холками. Горой возвышается среди них бык, упрямо склонивший голову, весь грозно вздыбленный, с коротким, сухим, оседающим туловищем. Между прочим, горб у зубра не жировой, не верблюжий — это разросшиеся шейные позвонки, на которых крепятся богатырские шейные мускулы. Он настолько силен, что в брачном бою способен перебросить через себя набегающего соперника. Мне позволили подойти поближе, чтобы сфотографировать. Не переставая жевать, бык безразлично посмотрел на меня каштанами глаз из-под рыжей челки и отвернулся.

Я спросил: это потому, что он ручной, привыкший к человеку? Оказалось, нет, не поэтому — просто он удивительно доверчивый и миролюбивый, этот зверь. Он настолько уверен в своих силах, что не видит ни в ком угрозы. Тем более во мне с моим фотоаппаратом.

Здесь, в приокских лесах, с их борами и дубравами, люди вернули зубрам места древнейших обиталищ. В заповеднике находится Центральный зубровый питомник, и зубров, даже тех, кто зимует в лесу, так сказать, уже на вольных хлебах, два раза, утром и вечером, оповещают звуками горна: если желаете, приходите к душистому сену, солонцам и родниковой воде.

Сейчас зубры населяют 15 заповедников нашей страны. До того дня, когда его вычеркнут из Красной книги, потребуются еще годы и годы труда, и наша страна идет первой по пути к его возрождению. Не забывайте: разорительные удары второй мировой войны сократили численность дикого зубра до грани полного исчезновения...

Маленький уголок русского леса — капля в море лесов, но, пройдя его, я совершил маленькое путешествие — словно через всю страну.

Многолика она, природа наша. А все же лик земли родной — один-единственный. Как лицо матери. И потому вся земля наша — заповедная.

ЖИЗНЕСПОСОБНОСТЬ ТВОРЧЕСТВА

К 75-ЛЕТИЮ С. А. ГЕРАСИМОВА

В. БАСКАКОВ,
директор Всесоюзного научно-исследовательского института киноискусства, доктор искусствоведения

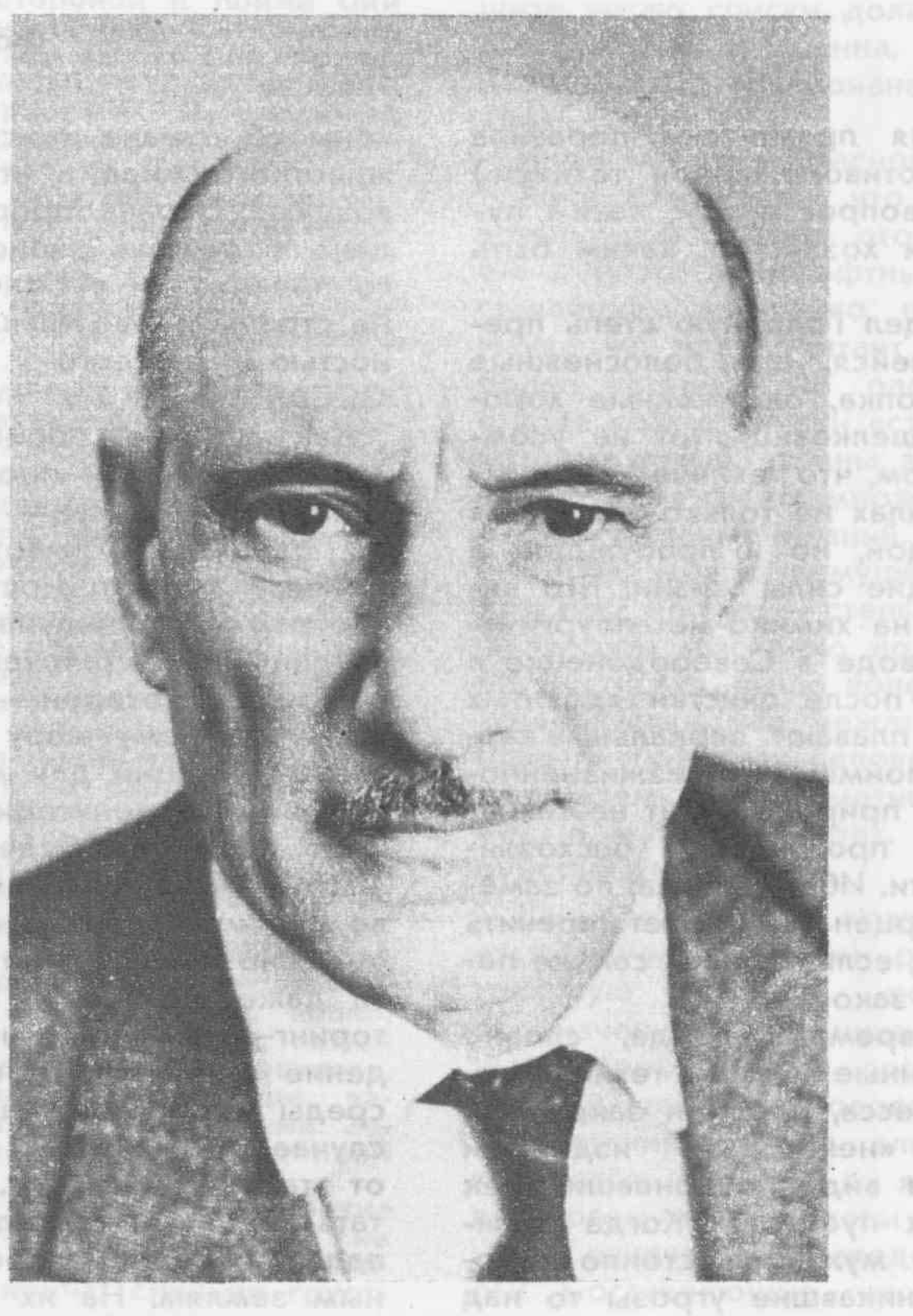
Есть художники, всем своим творчеством, всей жизнью связанные с поступательным движением страны, социалистической культуры, литературы и искусства. Именно таков Сергей Аполлинариевич Герасимов. Кинорежиссер, писатель, актер, общественный деятель. Он раз и навсегда определил свое призвание, смысл своей жизни в искусстве: служить человеку труда. Служить тем высоким идеалам, которые, по его словам, определяют «жизнеспособность нашего творческого метода, подчеркивают его кровное родство с самой человеколюбивой системой общественных отношений». Доказательством этой жизнеспособности творчества являются все фильмы С. Герасимова: «Семеро смелых», «Комсомольск», «Учитель» — вплоть до «Молодой гвардии», до «Тихого Дона», до лент, которые созданы в военный и послевоенный период, а затем и в 60—70-е годы, и все эти фильмы говорят о самом главном и о самом важном. Эти фильмы обогащают и поднимают человека нового мира.

Кинематограф Герасимова — это и советская литература: Михаил Шолохов, Александр Фадеев, Алексей Толстой. Это и классика русской и мировой литературы — Лермонтов, Стендаль. Это и фильмы по оригинальным сценариям, написанным режиссером. Тут и сама история и сегодняшний человек нового общества... Осмысленно, живо, в органически убедительном сплаве характера и поступка воплотились они в лентах Герасимова.

Начав свою режиссерскую деятельность, Сергей Герасимов увидел свою задачу в создании художественных произведений, исполненных подлинной народности, глубокого социального анализа. Новаторство герасимовских фильмов — это раскрытие новых черт действительности средствами искусства. Мы видим в этих фильмах и глубинные свойства человеческого характера и реальные приметы эпохи. Его простота не натурализм, не упрощенчество, но высшая степень художественного постижения действительности.

Сегодня лучше, чем вчера, видны открытия экранного искусства. Вспомним в фильме «Учитель» чтение с экрана — прямо в зал — чеховского рассказа, вспомним спокойную речь героев: умение передать в житейских деталях черты социального бытия героев... Все это новаторский вклад, которым щедро пользуется сегодня весь наш кинематограф. Вспомним, с какой убедительной силой зазвучали в фильме «У озера» стихи Александра Блока из «Скифов», прочтенные с экрана...

Это, конечно, лишь частности идейно-эстетической системы, которая свойственна творчеству Герасимова. Но тогда, в 30-е годы, все это надо было еще постигнуть. Надо было осветить, завоевать все это, чтобы дать людям, строящим Комсомольск, покоряющим Арктику, несущим знания в деревню, созидающим новую мораль, глубокое понимание своей исторической роли на земле, своего места в жизни. Дать не в лозунгах, а эмоционально, воздействуя прежде всего на чувства зрителя.

Все последующее творчество Сергея Герасимова шло в этом же направлении, будучи продолжением и развитием тех принципов искусства, которые выдвинул он в предвоенные годы. Современность. Большой мир великих творений литературы. История...

В годы войны созданы фильмы «Непобедимые» (совместно с М. Калатозовым) и «Большая земля» — о людях труда, ставших воинами.

«Непобедимые» снимались в блокадном Ленинграде. Лучшие эпизоды этого фильма связаны с изображением голодного, холодного, но несломленного города. А фильм «Большая земля» был первым фильмом о тыле. В нем достоверно, искренне играла Тамара Макарова, продолжив галерею образов, созданных ею в предвоенные годы. И тут уместно вспомнить о «Маскараде», созданном к 100-летию со дня смерти М. Ю. Лермонтова, законченном в канун войны и вышедшем на экран, когда начались бои с фашизмом.

Я помню блокадный Ленинград и «Маскарад» на экранах тех немногих кинотеатров, которые работали в городе. Позже еще раз смотрел этот фильм во фронтовых условиях. Казалось бы, что может быть более далеким, чем содержание этой драмы в обстановке трагической, охватившей город и всю страну? Но фильм смотрелся с огромным интересом и в Ленинграде и на фронтовых кинопередвижках.

Военная кинохроника, самоотверженная работа на всех фронтах, которой руководил с 1943 года С. А. Герасимов, помогла ему сразу после войны включиться в дело, принципиально важное не только для него самого как художника, но для всей советской кинематографии. Я говорю о «Молодой гвардии» по роману А. А. Фадеева, который жил подвигом юношей и девушек Краснодона, поднявшихся на борьбу против страшной и вроде бы непобедимой силы.

«Молодая гвардия», найдя достойное воплощение на экране, стала своеобразным мостом от великого кинематографа тридцатых годов к картинам о войне с фашизмом, созданным в конце пятидесятых годов... Тогда же Сергей Герасимов осуществил свою давнюю мечту, экранизировав «Тихий Дон».

Великое счастье для кинематографа — иметь дело с литературой такого масштаба. Мир героев Шолохова, высокая правда истории, драматизм судеб, психологическая точность каждой ситуации — все это властно входило в кинематограф.

И, думается, самый факт смелого обращения к великому шолоховскому творению имел большое принципиальное значение для общих судеб кино. Ведь вслед пошли другие экранизации Шолохова, и эта традиция, несомненно, будет продолжена дальше.

Связи кино с большой литературой не могут не обогащать искусство экрана кино и телевидения. Но это происходит только тогда, когда кинематограф понимает свою ответственность перед зрителями и литературой. Поэтому представляется столь важной и последняя работа режиссера — его фильмы, идущие сейчас на экранах: «Юность Петра» и «В начале славных дел», экранизация первой книги романа А. Толстого «Петр Первый»...

Многогранная творческая жизнь нашего сегодняшнего общества вызвала дальнейшее углубление реалистического изображения действительности, обогатилась тематика, стилистика художников. И в этот поток органически вписаны фильмы С. Герасимова «Люди и звери», «Журналист», «У озера», «Любить человека», «Дочки-матери»... Фильмы очень разные. Среди них есть более удачные и менее удачные. Но все они объединены страстным, увлеченным поиском новых черт человека. Художник стремится создать образ времени, образ нынешней жизни в ее главных проявлениях. Прекрасные актеры — перечислить их немыслимо — именно в этих лентах создали самые сильные свои работы, впервые утвердили себя...

Имя Сергея Герасимова тесно связано со старейшей кинематографической школой мира, ВГИКом, ровесницей нашего кино. Десятки учеников мастера обогатили своим творчеством революционное искусство мира. В статьях, выступлениях, беседах С. А. Герасимов горячо поддерживал кинематографическое творчество Шукшина... Их встреча «У озера» была встречей художников-единомышленников.

Герой Социалистического Труда, народный артист СССР, доктор искусствоведения, профессор С. А. Герасимов, один из созидателей творческого метода нашего кино, подчеркивает кровное родство этого искусства с самой человеколюбивой системой общественных отношений — системой социализма-коммунизма.

Это самая существенная черта в труде и творчестве художника.

Михаил АЛЕКСЕЕВ

РОМАН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

ДРАЧУНЫ

III

Упованиям моим на то, что можно избежать домашнего наказания, не суждено было исполниться. Правда, вернись я хотя бы на полчаса позже, все и обошлось бы по-хорошему. Черти меня принесли (им-то, чертям, чего я сделал плохого?) в момент, когда мой папанька заводил Карюху в оглобли, чтобы запрячь ее и отправиться в свое субботнее путешествие к мельнику. Он явно задержался с этим предприятием. Поджидал, похоже, меня. О том, что произошло возле школы, Николай Михайлович узнал от отца Василия, жившего с нами по соседству,— батюшка уже успел отслужить вечерню, отужинать в окружении многочисленных своих чад (маленькая, как ребенок, тощая попадья не пропустит и года, чтобы не принести мужу еще одного поповича или поповну) и навестить шабра, поменявшись с ним последними новостями. Как-никак, но батяня наш секретарствовал в сельсовете, где этих вестей-новостей собирается со всех, что называется, волостей.

Завидя мою физиономию, разукрашенную пацаньими кулаками, родитель мой поубавил свой гнев, увернул его до крайности, как фитиль в лампе по соображениям экономии. Он даже не воспользовался чересседельником, коий был у него под рукой, а лишь, ни о чем не расспрашивая, дал мне легкого подзатыльника, весьма, впрочем, болезненного, поскольку место это на моей голове уже успело познакомиться с ручищей дяди Ивана, куда более увесистой и немилосердной. Может быть, отец торопился и главное объяснение со мною отложил до другого раза, но, с трудом пропихивая через задранную высоко вверх Карюхину морду хомут и матюкаясь, по обыкновению, он успел бросить в мою сторону:

— Погоди, паршивец! Я еще с тобой поговорю!

Однако эта угроза была уже не угроза. Наказать меня полною мерой отец мог лишь под горячую руку. И если он не сделал этого сейчас, то позже не сделает и подавно. Но Ванька?.. Он не выходил из моей головы. Мне не терпелось встретиться с ним и вновь сразиться. «Уж я ему покажу!» — мстительно думал я, не зная в тот день, что душевное мое смятение усилится и обострится, когда к чувству обиды на бывшего друга прибавится сознание огромных, невосполнимых потерь и утрат, неизбежно последовавших за этой неожиданной ссорой.

Начать с того, что на другой же день я смог убедиться, что уже не могу без риска быть перехваченным Ванькой и его сподвижниками проведать своих двоюродных братьев, потому что их отец, а мой дядя Петруха еще раньше нас покинул дедово подворье и поселился с большой своей семьей на Хуторе, в дальнем его конце, так что путь к «сродникам» лежал через Ванькину улицу.

Планируя подстеречь Ваньку на дороге к его дяде, я совершенно упустил из виду, что он мог сделать то же самое со мною по дороге к дяде моему. И Ванька сделал это. Сделал первым, перехватив меня на своей улице вместе с Федькой Пчелинцевым в момент, когда я направлялся к дяди-Петрухину дому, чтобы в кругу веселых его сыновей, с которыми еще недавно жил под одной крышей, поврачевать не столько физические, сколько душевные раны. Отомщен я был лишь через неделю, когда, в свою очередь, подстерег Ваньку в Непочетовке и с помощью Гриньки Музыкина хорошенько отдубасил.

Так началась наша с Ванькою охота друг на друга. Теперь ему и мне приходилось ждать темноты, чтобы под ее покровом проскользнуть незаметно мимо неприятеля, либо совершать обходный маневр, делать большого кругаля, чтобы опасный путь оставался далеко в стороне. Но такой номер проходил лишь на первых порах, потому что обе враждующие стороны быстро раскусили эту уловку и устраивали в соответствующих местах засады из самых востроглазых и отчаянных ребят — своих союзников: из моей компании такую роль взяли на себя Гринька Музыкин и Петенька Денисов-Утопленник, ну, а из Ванькиной — два его друга, Пчелинцев Федька и Васька Мягков, живший по соседству с Жуковыми. Все они вызвались на такое рискованное дело добровольно, а потому и были особенно надежны в отрядах.

Со временем закадычный друг Самоньки, а мой родной брат Ленька, так же, как и мы, нимало не подозревавший, что с этого Самоньки-то все и началось, принужден был провожать меня чуть ли не до самого дяди-Петрухиного дома, но это не предотвращало драки, а скорее усугубляло ее, прибавляло ей ярости и увеличивало в размере, потому что к Ваньке Жукову и его сверстникам в таком разе обязательно подключался его старший брат Федька, который был если и не сильнее, то гораздо задиристее Леньки — такова порода всех Жуковых. В результате влетало и мне, и моему братцу, и еще многим другим с Непочетовки и Хутора, самою логикой обстоятельств вовлеченным в подобные уличные события.

Горше всего было то, что некогда веселое путешествие, сулившее одни радости, превратилось вдруг в «хождение по мукам». Прежде оба мы, побывав у родственников либо исполнив другое какое-нибудь поручение на селе, любили забежать на обратном пути друг к другу. При этом каждый торопился показать товарищу все свое богатство. Я, например, специально для Ваньки извлекал из тайника козны. Вместе мы их пересчитывали, пересортировывали, отбирали, которые покрупнее, на битки; из другой печурки доставалась оловянная пластинка — заводское клеймо на веялке, отодранное мною в дедушкиной риге на Малых гумнах; мы расплавляли его в жестяной банке на раскаленных углях и заполняли оловом битки, чтобы они были поувесистей и более подходящими для сокрушения кона во время игры. Потом выходили во двор и гоняли моих голубей. Ничего, что они были обыкновенные сизари, постоянные обитатели церковных и иных «казенных» чердаков, что ничем не походили на белых и оранжево-красных, выведенных учеными-голубеводами, — такие водились в специальной клети над поветью во дворе отца Василия и, вспугнутые старшим поповичем Тимонькой, кувыркались в воздухе так и сяк, выделывая высоко над ажурной батюшкиной трубой бог знает какие штуки. Нашим до этих далеко. Но силою безграничной фантазии мы возводили их в ранг самых что ни на есть породистых и благородных. Взобравшись на крышу сарая, я махал там палкой, а Ванька, засунув в большой свой рот пальцы обеих рук чуть ли не до второго сустава, издавал разбойничий посвист, и напуганные до смерти голуби, не понимая, чего мы от них хотим, звонко хлопая крыльями, метались над моей головой не хуже зобастых поповских баловней-турманов.

В поднятом нами «дыме коромыслом» обязательно принимал участие Жулик, маленький, лохматый, черный пес с лисьей мордой. Прежде его имя было Жучок, но поскольку лису он напоминал отнюдь не только одной внешностью, то и был перекрещен в Жулика. Пес, кажется, нисколько не огорчился этим, быстро привык к новой кличке, но не забывал и прежнюю, отзывался и на нее, ежели его подманивали с добрыми намерениями, а не для того, чтобы дать пинка за очередную кражу. Подстегнутый Ванькиным свистом, Жулик носился как угорелый, оглашая двор неистовым, визгливым лаем, так что даже равнодушная ко всему, кроме еды, старая наша Карюха отрывалась от корма, подымала тяжелую морду и недовольно всхрапывала, вспрядывая ушами. Непременно выкатывалась откуда-нибудь и наша свинья Хавронья, и Ванька, словно бы только и ждал этого момента, вскакивал ей на спину и, как лихой наездник, мчался на ней верхом, пока взбешенное животное, круто крутнувшись волчком, не сбрасывало его наземь. Недовольное, гулкое хавроньино «охр-охр-охр» еще долго слышалось из хлева, куда свинья вновь убиралась подобру-поздорову. Куры, если такое случалось летом, спешили укрыться возле плетней, под горькими лопухами и высоченной крапивой, опасной для наших босых ног, но совершенно безобидной и даже спасительной для квочек. Лишь петух Петька, кроваво-красный, как заходящее солнце, считал своим долгом не прятаться и защищать всполошившийся свой гарем громогласным криком с какого-нибудь возвышения.

Счастливые, в такие дни мы бывали чрезвычайно шумливы. И когда расходились выше всякой меры, на пороге появлялась моя мать и, всплеснувши руками, сокрушенно восклицала:

— Нечистый вас побери! Моченьки моей от вас нету!.. Вы што же тут вытворяете?! Уймитесь же ради Христа!..

Мы унимались, но не ради Христа, который находился бог знает где и не мог нас слышать, а ради моей кроткой, бесконечно доброй мамы, у которой этот «нечистый» был единственным помощником,— только им и могла она припугнуть нас, мальцов, да «хабалина» мужа, который, напившись у мельника ли, у других ли выпивох (а ими на селе хоть пруд пруди), приходил домой и, покуражившись, налетал на жену с кулаками, сводя с нею какие-то давние и непонятные для нас, их детей, счеты.

Прекращали мы свою беготню по двору еще и потому, что для Ваньки приспела пора возвращаться домой. Расставались весело, страшно довольные друг другом, потому что могли в любой день встретиться вновь, теперь уж у Ваньки. А там, пожалуй, было еще интересней. В определенный час Ванька выходил за калитку, хватал меня за руку и сразу же вел в избу, чтобы

Продолжение. См. «Огонек» № 21.

перво-наперво показать свое стремительно увеличивающееся кроличье стадо.

Мы не сооружали для своих трусов (очевидно, за робость так зовут в нашем селе кроликов) специальных помещений, клеток там или чего-то другого, а содержали их большей частью под полом дома или в погребицах. В Ванькиной избе пол был земляной, и кролики жили прямо на этом полу, издырявленном сплошь их глубокими норами. Хотя крольчихи, отметав потомство (они делают это несколько раз в году), тщательно замуровывали, закрывали вход в нору (до сих пор не могу понять, как в ней не задыхались крольчата), Ванька безошибочно находил эти норы и знал, из какой и когда должны появиться крохотные либо белые, либо серые, или черные пушистые живые комочки. Об их скором появлении оповещал меня заранее, и я приноравливал свой приход к товарищу именно к такому моменту. Усаживались у норы, из которой только что вылезла мать-крольчиха и которую она оставила открытой, мы, чуть вздрагивая от нетерпения, ждали. И как бы ни следили, все-таки не улавливали мига, когда трепетный клубочек оказывался возле норы и, смешно шевеля рассеченной надвое верхней губой и передергивая усиками, обнюхивался, зыркал туда-сюда красными глазенятами, стриг, точно ножницами, длинными (в два раза длиннее его самого) ушами. Замерев, придерживая предупреждающе друг друга за коленку, мы давали новому жителю земли освоиться, познать первые азы жизни на белом свете. Осмелев, крольчонок непременно удалится от входа своего убежища, убежит от него настолько, что его можно подхватить, взять в пригоршню, поднести поближе к глазам и хорошенько разглядеть. Ничего, что маленький натерпится страху,— пускай привыкает, ведь отныне ему предстояло быть рядом с этими большими и страшными только на первый взгляд существами, называемыми людьми. За первым из норки скоро появлялся и второй, за вторым — третий — и так до семи, а то и больше штук. Ванькиной гордости не было границ. Подержав в руках крольчонка, он осторожно передавал его мне, и ежели тот не пищал, я грел малыша в своих ладонях минуту-другую, а затем с еще большей осторожностью опускал на землю. Перетрусивший зверюшонок не вдруг отыскивал нору, а поначалу забивался в угол избы и, сжавшись в чуть видимый клубочек, сидел там до тех пор, пока к нему не возвращалась сообразительность. По глазам моим, по восторженным вскрикам Ванька догадывался, какой из крольчат мне больше всех понравился, и на прощание великодушно обещал: «Я подарю тебе энтова. Он от самой большой трушихи. Вот только подраштет немного». И не забывал исполнить своего обещания. Теперь и у меня под полом обитала кроличья семья. Не такая, правда, большая, как у Ваньки, но все-таки и немалая. Серая крольчиха опять уж сукота, скоро окролится, и стадо сразу увеличится штук на семь, а то и на восемь.

Но будет ли радость от такого прибавления, когда о нем не узнает Ванька и когда нельзя уж будет похвастаться перед ним и получить совет, как ухаживать за кроликами, какую траву носить им?

Вопрос этот, разумеется, не стоял передо мною вот так прямо и обнаженно. Но он уже жил во мне и будет жить долго рядом с множеством других, таких же беспокойно-тревожных — тех самых, о которых я уже говорил и от которых все во мне и вокруг меня подергивалось — и чем дальше, тем больше — какою-то липкой, привязчивой, сероватой, нерадостной и унылой пеленой, которую я хотел, но не мог разорвать. Пелена эта делалась все плотней по мере того, как становились все очевиднее и острее последствия нашей с Ванькою размолвки.

Что-то тесновато стало на душе. Я, правда, пытался восполнить свою утрату тем, что еще плотнее приблизил к себе других сверстников, таких, скажем, как Колька Поляков, Минька Архипов, Гринька Музыкин, Петенька Денисов-Утопленник и даже Янька Рубцов. В школе на другой же день упросил Марью Ивановну, чтобы она пересадила меня за парту, за которой сидел Миша Тверсков — тихий, не по годам серьезный и очень способный к учению мальчишка, ни разу не принимавший участия ни в одной ребячьей потасовке, в том числе и в нашей с Ванькою. Миша был единственным сыном в многодетной семье Степашка́ и Аксиньи Тверсковых. Ростоком он вышел в отца, который был очень уж мал сам по себе, но еще более мал рядом с дородной, восьмипудовой, похожей на гору Аксиньей. Супружеская эта пара была предметом постоянных упражнений у сельских пересмешников и моего отца — в первую очередь. «Степашок,— донимал он Тверского-старшего,— и когда вы только перестанете со своей Аксиньей плодить одних девок? Где ты наберешь для них женихов? Глянь, как они у тебя прут! Скоро Аксинью догонят и перегонят. Кто рискнет взять такую замуж?.. На нее еды не напасешься! Ей, матушке, навильником надо будет подавать на стол!.. Не говоря уже обо всем другом... прочем... Гм-гм!..» — похмыкивал мой родитель.

До Миши у Степашка успели народиться пять дочерей, и Миша Тверсков обязан был своим появлением на свет божий страстному желанию отца заполучить от своей Аксиньи сына. Заполучив наконец, Степашо́к почему-то не остановился, не поставил точки, а произвел после Михаила еще трех дочерей. На всех восьмерых даже не отыскалось разных имен, и потому в семье Степашка́ были две Марии и две Евдокии, и различали их только тем, что называли Маша-старшая и Маша-младшая, Дуняшка-старшая и Дуняшка-младшая; иногда путались: старшую называли младшей, а младшую старшей. И это немудрено, ежели иметь в виду, что разница в возрасте у дочерей исчислялась всего-навсего одним годом, так что иная из младших, угодив в мать, обходила в росте старшую на целую голову. Хоть и беден был Степашо́к, но от отца Василия, видно, не желал отставать: у того до Тимоньки было пять девчонок и после Тимоньки еще три, и у этого — то же самое. Впрочем, на этом сходство двух этих семей и оканчивалось: наличие такого большого количества ртов для отца Василия не было обременительным (об этом позаботился весь батюшкин приход), для Степашка же оборачивалось грузом, явно неподъемным для однолошадного и не шибко изворотистого мужичка. Не приди на помощь «обчество», хранившее в гамазее определенный запасец ржицы для таких вот бедолаг да еще для погорельцев, тошнехонько пришлось бы Степашку, да и Аксинья поубавилась бы в теле — собственного урожая им хватало лишь до рождества.

Единственного среди восьмерых сестер Мишу, конечно, не могли не баловать его родители, но баловнем он не стал. Потому, может быть, что по характеру своему с самых малых лет оказался слишком строг к себе, а может, и потому, что у неимущих отца и матери попросту ничего не было такого, чем бы они могли выделить сына от других детей, разве что повышенной любовью и лаской.

Так подробно я рассказываю о Мише Тверскове потому, что он тотчас же взял меня не только за свою парту, но и под свое покровительство, исключавшее, однако, его участие в драке на чьей-либо стороне.

Драки наши продолжались, становясь со временем все яростнее и жесточе. Случались они так часто, что полученные раны в одной не успевали зажить, затянуться, даже чуть подсохнуть к следующей. Было бы еще полбеды, если б в них участвовали лишь два пацана (велика печаль!), но ведь неотвратимо втягивалось все большее число людей разных возрастов, и глухая волна ежели и не открытой вражды, то неприязни и отчуждения грозила выйти из берегов и захлестнуть все село, жители которого с давних лет переплетены тесными узами родства — сватовства, кумовства и других привязанностей, продиктованных разными соображениями и обстоятельствами.

IV

Вечером следующего после заглавной потасовки дня наши отцы (матерей, ежели они не вдовы, директор никогда не вызывал), собравшись в школе, вместе с Иваном Павловичем сделали энергичную, но не очень результативную попытку отыскать ее зачинщиков,— нельзя же применить высшую меру наказания, каковой являлось исключение из школы, к целому классу! Кто-то из разумных мужиков сразу же уточнил: надо, мол, искать зачинщика, но не зачинщиков, потому как «зачин мог исделать» кто-то один, а не два и не три одновременно. С этим согласились. Оставалось назвать этого одного. После долгого, неловкого и тягостного для всех молчания Григорий Жуков, предчувствуя, что кто-то упредит его и первым назовет Ванюшку (больно уж задирист, подлец!), осторожно, со всяческими оговорками, подбираясь к основной своей мысли ощупью и поперхнувшись под конец, хрипло, вполголоса произнес мое имя, сославшись на то, что сын-де, Ванюшка то есть, «готов подтвердить ето самое».

— Нашел свидетеля! — Правый ус Ивана Павловича (у него был чуток длиннее левого) шевельнулся в ядовитой усмешке, которую очень трудно уловить на лице учителя.— А не с Ванюшки ли вашего все и началось?

— С него, с него! — радостно подхватил Иван Морозов.— Я сам видел. Как он, паршивец, налетел и того... этого!— Церковный сторож ничего не мог видеть, потому что прибежал с отцом Василием из церкви, когда побоище было уже в полном разгаре. Солгал потому, что хотел выручить племянника, на которого собирались свалить вину со всеми вытекающими последствиями.

«Не хватало того, чтобы Мишку исключили из школы! С него довольно и того, что я всыпал ему чертей вчерась!» — подумал про себя мой отец, а вслух сказал, взглянув на своего давнишнего друга и собутыльника с укором:

— И тебе не стыдно, Григорий Яковлевич, возводить поклеп на других? Нашел драчуна! Да мой Мишка отродясь ни с кем не связывался. Ежли б речь шла о Ленька... Тот может... А Мишка — ну, нет, шалишь, Григорий!.. Порасспрашивай-ка хорошенько своего сукина сына! Сам знаешь, что не было на селе такой драчки, в какую не встрял бы твой Ванька! Ведь он чистый петух у тебя!

— Сам знаю, што не ангел. Но разобраться все ж таки надо. А то как же так... сразу. Все на него... Так рази можно?..

Иван Морозов, у которого слух сильно притупился от звона стопудового колокола, оттягивая мочку уха, чтобы хорошенько расслышать, что там говорят другие, и, по-видимому, испытывая легкое угрызение совести, вновь подал свой голос:

— Надоть притащить за волосья негодников и допросить их тут как следоват!

Но еще прежде, чем «подсудимые» явились перед строгие очи взрослых, эти последние пришли к единодушному выводу, что драку затеяли мы с Ванькой. И чтобы выяснить, кто же все-таки из нас двоих начал первым, в школу притащили нас — не за волосья, правда, а за руки, и сделал это наш сосед отец Василий, имевший на меня зуб, потому что я не мог отказать себе в удовольствии где-то в конце августа, на второй спас, забраться в батюшкин сад и набрать в нем полную пазуху анисовых яблок, вкусных и пахучих до невозможности. Но так как Ванька в этих случаях за редким исключением был со мною, то поповский «зуб» целился и в него. Поэтому, надо думать, и приволок нас отец Василий с очевидным удовольствием.

Однако добиться от драчунов чего-либо не удавалось. На все вопросы мы отвечали

упрямым молчанием, не подымая глаз ни на мужиков, ни друг на друга. Молчали из-за гордости, из нежелания прослыть ябедой, то есть человеком, наиболее презираемым в мальчишеском общежитии.

— Что ж, гос... (Тут вновь у Ивана Павловича едва не вырвалось слово «господа», и вновь он вовремя перехватил его и придавил).— Что ж, придется исключить обоих.

— То есть как это исключить? — Белые глаза моего папаньки округлились и стали совсем матовыми.— Как исключить? За что?

— За што? эхом отозвался побагровевший Григорий Жуков, в один момент ставший опять союзником моего отца.

— Да, дорогие папаши, исключить! — повторил Иван Павлович строже, хороня усмешку под правым, чуть шевельнувшимся усом. Сделав паузу, в течение которой напряжение в классе приблизилось к критической отметке, закончил: — Для начала — из пионеров. А там посмотрим...

Такой оборот дела скорее успокоил, нежели расстроил наших родителей, но зато испугал нас с Ванькой, да так, что мы разом, точно нам кто скомандовал, дали реву — куда только подевалась наша гордыня?! Стоявшая позади и не принимавшая никакого участия в судилище Марья Ивановна положила руки на наши плечи и, скрывая от всех свои покрасневшие и увлажнившиеся вдруг глаза, быстро увела нас в свою комнату, где и постаралась успокоить:

— Это он так... чтобы припугнуть маленько. Никто вас не исключит из пионеров. Вы ведь не будете больше драться? Не будете, да?

Мы не были уверены в этом, а потому и отмолчались.

«Негодники»,— подумала Марья Ивановна с ласковой, материнской грустью и, сунув каждому по леденцу, легонько подтолкнула к двери:

— Ступайте домой и готовьте уроки. Эх вы, драчуны!

Выскочив на улицу, мы обменялись оплеухами и, погрозив еще друг дружке кулаками, опрометью понеслись, «залишились» в противоположные стороны: я в направлении Непочетовки, Ванька — своего Хутора. Отбежав с полверсты, я вдруг вспомнил об одном удивившем меня явлении: посылая вслед мне угрозы, составленные из многих порицательных слов, Ванька вполне обходился без шепелявенья. Когда и как он успел избавиться от этого изъяна в своей речи? Не повзрослел ли он на пару лет после нашей горячей схватки? Говорят, от сильного потрясения нормальный человек может стать заикой, а заика — нормальным. Не то ли самое происходит и с шепелявыми? Во всяком случае, я отчетливо различил в Ванькиной бранливой словесной очереди «с» и «з», каковые еще позавчера превращались у Ваньки в «ш» и «ж».

Между тем на школьном собрании, проходившем под председательством Ивана Павловича, было принято решение, из которого следовало, что считать зачинщиками надобно нас обоих, а меру взыскания должны определить родители. Но поскольку они уже «взыскали» с нас, не дожидаясь этого решения, а за один проступок двух наказаний не выносят, то мой и Ванькин отцы, посовещавшись немного еще меж собой, пришли к заключению, что для младших сыновей действительно хватит и тех «чертей», которых они уже им «всыпали».

От школы Николай Михайлович и Григорий Яковлевич какое-то время шли вместе, пока на перекрестке двух улиц, Садовой и Завидовской, не расстались. Шли и мирно калякали. Про нас же было сказано то, что и до́лжно: «Ребятишки, чего с них возьмешь. Подерутся и помирятся. Только и делов!»

— Заглядывай, Миколай! — сказал на прощание Григорий Яковлевич.

— Загляну как-нибудь. Да и ты мимо-то не проходи. Заглядывай. Восейка[1] мельник завернул ко мне. Просит навестить его. Может, вместе прокатимся в следующую субботу. Как ты?

— Да я что ж... С удовольствием!

Все как будто чин-чином, но ни мой, ни Ванькин отец почему-то так и не «заглядывали» друг к другу, и к мельнику Николай Михайлович отправился один, не сделав ни малейшей попытки прихватить с собой «Гришку Жучкина», как называл его за глаза. Не заглядывал к Жуковым и мой средний брат Ленька, хотя до этого дружил с Федькой, который почти на равных мог сыграть с ним в козны и в карты,— достоинство, конечно, редкое, и брательник мой не мог не ценить его. Сейчас и эта дружба распалась. Что касается до наших матерей, то их ссора началась на следующий день за нашей. Узнав о драке возле школы все от того же отца Василия, мама моя, побросав все домашние дела (а их у нее было «сэтолько», то есть великое множество), тотчас оказалась у подворья Жуковых, и началась ее перепалка с Ванькиной матерью. Перестрелка, как и принято меж бабами на селе, велась через плетень, превращавшийся в таких случаях в баррикаду; мама начала с того, что без всяких предисловий объявила:

— Эт, Веруха, твой все натворил! Баяла я своему дурачку: не водись ты с этим разбойником Жучкиным! От ихней породы жди одной беды. Руки ваших сынков, Веруха, то в драку, то в чужой карман тянутся. Знам мы, какие они... Не дай и не приведи, господи!..

Веруха вскинулась:

— Эт за што же ты, Фросинья, нас срамотишь?! А?.. Што мы иделали такова, штобы слышать твои поношения?.. В чьи это карманы мы залезли?.. А?.. Да как же тебе не стыдно, Фросинья?! Ты бы лучше за своим сопливым надглядывала. С виду-то он у тебя тихоня, а вреднющий страсть какой. Послушала бы, што сказывает о нем ваш шабер отец Василий. Ведь житья от ваших Леньки да Мишки ему нету!.. Все постащат и в саду и в огороде, подлецы!.. А Мишке, щенку свому, передай, штобы и ноги у нас его не было!..

— Нашла чем стращать! Он и сам ни в какие ве́ки не придет к твому душегубу. Плевать ему и на вас на всех!

— А ты бы не плевала в чужой-то колодезь, как бы не пришлось напиться из него. Убирайся подобру-поздорову от моего дому, а то... неровен час...— Ванькина мать не договорила — только послала в сторону моей матери звучный плевок и шмыгнула в сени, громыхнув дверью так, что с оконных стекол посыпалась свежая за-

[1] Местное слово, употребляемое в смысле «на днях» или «недавно».

мазка, а куры, которые до этой минуты спокойно лакомились ею, с паническим кудахтаньем покинули завалинку и разлетелись кто куда по всему двору. Мать моя что-то еще выкликнула, но голос ее был начисто потерян в переполошном курином крике.

Исходя благородным гневом, Ефросинья Ильинична всю дорогу к своему дому продолжала поругивать Жуковых и так громко, чтобы вняли ей другие бабы, которые, заслышав перебранку, тоже приостановили свои дела, радуясь в душе, что подвернулся для этого подходящий случай. В эту минуту и они, верно, решали, какую сторону принять: Фросиньину или Верухи. Не в обычаях деревенских женщин оставаться безучастными в подобных обстоятельствах. Одна уже успела определиться, выкрикнув:

— Право слово, эт он, Ванька, и заварил кашу!

Другая возразила:

— Ты б, Акулина, повременила со своим приговором. Мишка, хохленок энтот, тоже не даст спуску. Он младшенький у Фросиньи — вот она его и балует. Его бы сечь надо кажный божий день!..

— А ты, Матрена, секи уж своих, а на чужих не замахивайся!

— Я и не замахиваюсь. А так только говорю. К слову пришлось,— примирительно ответила Матрена и, махнув рукой, скрылась в глубине своего двора. Оттуда откуда-то и закончила: — Нечистый их разберет, кто из них правый, а кто виноватый!..

Поприбавилось супротивников и у моих и у Ванькиных друзей. Оказавшись по разным причинам в Непочетовке или на Хуторе, либо в местах, тяготеющих к этим улицам, они так же, как и мы, действительно грешные, были жестоко биваемы ребятами, какие еще недавно являлись не только Ванькиными или моими, но и их приятелями. Теперь те и другие затевали меж собой драки отдельно от нас, автономно, так сказать. Отпочковавшись от наших, они, эти их стычки, приобретали как бы самостоятельное значение и по накалу ничуть не уступали нашим. Не надо забывать, что у всех этих ребят (на девчонок наши распри почему-то не распространялись) были отцы, матери, братья, которые, если б и захотели, то вряд ли долго оставались бы нейтральными. Наш Ленька, например, успел уже несколько раз сцепиться с Федькой без всякого участия с нашей (моей и Ванькиной) стороны. Ночью, прижимая меня поплотнее к своему разгоряченному, не остуженному еще после схватки телу, шептал мне на ухо хвастливо: «Ну, я ему всыпал — долго помнить будет!» Из этих слов можно было заключить, что сам-то Ленька вышел из боя целехонек, но перед утром ни свет ни заря вскакивал, как ужаленный, с постели и убегал из дому. Ясно, Ленька не хотел, чтобы мы приметили на его лице следы ночного сражения.

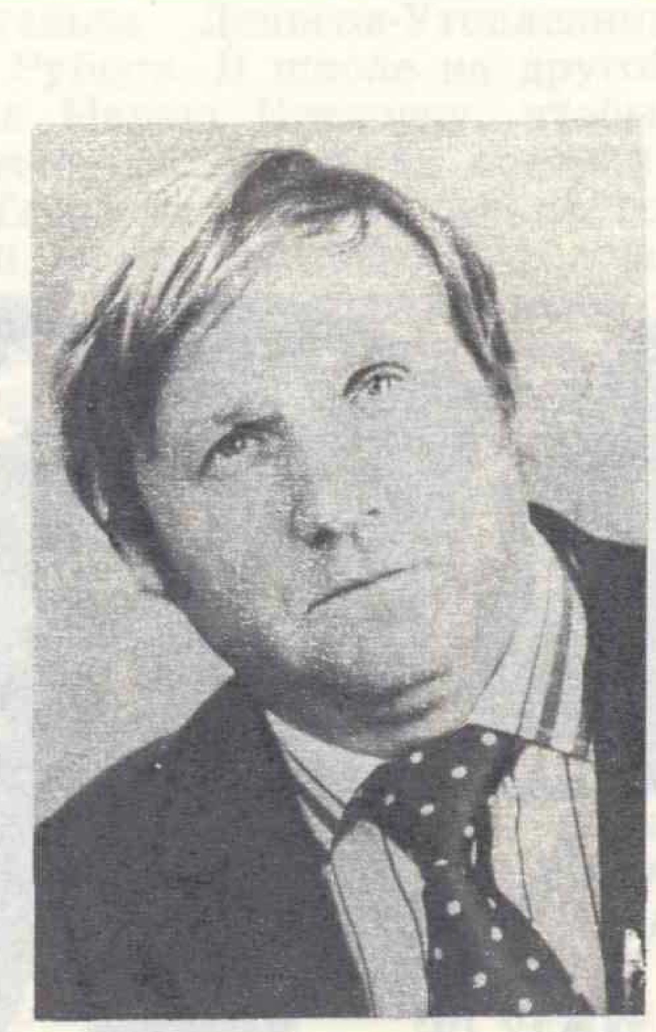
Не вмешивались в наши дела лишь старший брат Александр, оставивший за Ленькой право защищать меня, и сестра Анастасия. Они и раньше не ходили к Жуковым, потому что в их семье не было для моего старшего брата и сестры ровесников. Настя к тому же заневестилась: у нее были свои заботы, куда серьезнее наших.

Но так ли уж они были несерьезны, наши дела?

Утраты и потери, о коих сказано мною лишь мимоходом, с течением времени делались ощутимее. И далеко не для одних нас с Ванькой. Только никто либо не хотел сознаться в этом, либо не мог отдать ясного отчета. И недобрые круги разбегались по селу, как разбегаются они по воде от брошенного кем-то ради баловства камня, захватывая в свою орбиту все большее число действующих лиц. Бросивший же этот камень человек давно позабыл, что он его бросил, как забывается оброненный кем-то непогашенный окурок, от которого занялся большой пожар.

Продолжение следует.

СТУЧИТС

Владимир ЦЫБИН

●

ИЗБЫТОК

Весь мир стоголосый
в томлении зыбком,
и соки и росы
исходят избытком.
И сосны и липы —
весь мир многоликий —
до края облиты
истомою липкой.
Любя и рискуя
бесстрашно все время,
всем сердцем расту я
вот в это каленье.
Испытан я ныне,
как в дальнем начале,
как путь по пустыне,
удушьем печали.
Как в сумерках вепрь,
и слышу и чую —
проломится ветер
в погоду сухую.
Даль,
в тучах расщелясь,
зарею прогрета,
завернута в шелест,
завернута в лето.
Неужто все канет,
как скорбная дата?
Весь мир истекает
в просторы куда-то...

ВОЗВРАЩАЯСЬ

Мир снова — прежний и огромный,
и стало снова в нем светло,
когда под гул аэродромный
с высот на твердь тебя свело.
Все та ж земля,
все та ж планета,
и город, как и все,— взгляни;
ну, может, чуть теплей, чем где-то,
нежней здесь трудятся огни.
Не зря ж вдали так грустно было
без этой плавной синевы,
не зря тебе везде — чужбина,
везде чужой ты — без Москвы...

●

Вздох почек слышу за версту
среди разлива вод и гула.
На весь апрель,
на всю весну
о чем же рощица вздохнула?..
Вздохнула, дрожь передала
в меня, и в душу мне, и в тело.
Я понял от ее тепла,
что все, что было,
отболело.
Боль отболевшая права.
Как медленно
она стихала,
пока покорная листва
из завязей на свет стекала.
И, приняв боль в себя,
расту...
Как в крылья, льется высь в ладони,
и прошлогоднюю весну
опознаю в воскресшем звоне.

ЧУДО-ЧУДО-ЧУДНОЕ

Назвенелось трубное
лето в скопе трав густом —
чудо-чудо-чудное
приключилось с августом.
Где прошли за сказками
бабушкины вымыслы,
дождиком обласканы,
там опята выросли.
Погрозит день осенью —
хрусткие и гладкие,
врассыпную бросятся
все, сверкая пятками.
Милою потеряны
были не ко времени
в шорохе и зелени.
Где они шевелятся,
где нечайно выпали —
там сухие шелесты
эхом пересыпаны.
По лесу, все по лесу
травами прогорклыми
день спешит к костёрищу
вслед за приговорками.
Где он встал как вкопанный,
где очнулся: «Я куда?» —
там, сочась натеками,
осыпалась ягода...

ПЕРВЫЕ КАПЕЛИ

Течет погода тихая,
по травам льется прель,
в грудь
тикает мне тихая
зеленая капель.
И новое и давнее
все больше узнаю,
стучится время дальнее
сильнее в грудь мою.
Стучится дума скромная,
советник всех годов,
душа новорожденная
еще не знает слов.
В неукротимом реянье,
в рассеянье ветвей
капели столько времени,
сколь и душе моей.

●

Стоит капельный гвалт,
вызванивая лес,
вытаивает март,
как будто леденец.
Я в эту даль расту
и в эту глушь теперь,
распахнут на весну,
распахнут на капель.
Не жить мне с сердцем врозь,
вбирая свет и грусть,
здесь, где капельный воск
весь день тягуч и густ.
И звончатую рань
и немоту свою
я, словно сердца дань,
капелям отдаю.
Неужто остужу
на них себя сполна?
Тревогой я бужу
сердцебиенье дня.

Я ВРЕМЯ В ГРУДЬ МОЮ

●

Убывают сентябрины.
Потому, где шла роса,
стужа ягоды калины
раскалила докрасна.
От дождей дымы прогоркли:
дым прогорклый — дух земли,
тонких линий перечерки
все тропинки оплели.
Иней сыплет искры наземь,
высыпает в рощи звень,
обещая,
что прозрачен,
тих и ясен встанет день.
Даль, где снегом ветры пахнут,
что прошла к созвездьям вмиг —
это ею путь распахнут
в забытье миров других.
И такая тишь на свете,
реки сини так чисты,
что смиряется бессмертье
у порога красоты...

●

Когда в степи проснешься рано,
примнится, будто ты забыт,
но мир свободный, безымянный
напротив дум твоих стоит.
Видений странные наплывы...
Такая сила им дана,
что каждой речки, каждой ивы
ты вспоминаешь имена.
Наступит миг — и в хрупкой стыни
здесь, в нахоложенной тиши,
ты, устрашась, услышишь имя
забытое
своей души...

ЗНОЙ

Вот посыпалась в степь
пересохших потемок зола,
над ковыльным разливом
пикирует косо закат,
день на травах сгорел
в волнах зноя червонных дотла,
об июльский простор
разорвал я стремительный взгляд.
Вечный, высохший ветер
навалился сейчас на меня,
перекомканы тени,
переняли их мглу зеркала.
Ястреб в небо вонзился,
опрокинулся в космос, звеня,—
отпечаталось небо на крене упругом крыла.
Из ушедшего дня тишину
как мне надо достать,
чтобы горесть утихла,
что во мне не смогла отболеть,
чтобы сердце свое
ее нежностью запеленать,
чтоб, как полдень сожженный,
над жаркой землей прозреть.
Он жарою набряк,
он в меня нараспашку вошел,
дымью взгляд замутил,
жжет, как кровоподтек.
Это он мою кровь распалил,
раскалил, как глагол:
прожигая мне кожу и горло, по венам
потек.
Даль размякла, стекая
в разогретый зари краснозем —
так вот вечность спешит
через вспышку случайной тоски,
так прижатым к земле
и поднявшимся снова ростком
позабытая память столетий
тебе застучит вдруг в виски.
В спелый ветер закутаюсь я
и, раздумья пустив на росу,
в радость нового дня,
в шелест дерзкого ливня расту.
Миг всего — и взметнутся
потучневших дождей табуны
и промчатся по телу
прижатой к земле тишины.
Хлынет ливень густой,
раскачает вовсю зеленя,
и тюльпаны и ранние ветры
поцелуют вдруг в губы меня...

ВОСПАЛЕННОСТЬ

День гудит надо мною,
как при старте гудит самолет.
Мир со мной лишь умрет,
потому что он в сердце моем,
день мой первопрестольный
дождем и росой перевит,
перезревшей галактики
пульс мне в сердце давно перелит.
В этот мир,
погрузневший от выпавших за лето гроз,
каждой клеткой врастаю,
каждым нервом навеки пророс.
В память время спешит,
на немыслимых мчит скоростях,
мое сердце струится,
исчезая на млечных путях.
Слишком много тепла,
слишком много на свете огня.
Воспаленных границ
боль прошла,
боль прожглась сквозь меня.
Взрыв ударит —
и полдень планеты обрушится ниц.
Эти шрамы земли —
незажившие шрамы границ.
Млечным соком созвездий
переполнила вечность мой взгляд.
Землю дождь сотрясает,
накреняет к зиме листопад.
Сердце день перетек,
в сердце он до конца перетерт —
никогда не вернусь
в листопадный его перетек.
И вонзаются в осень
шальные стрекозы, звеня.
Теплый, радостный, ливневый
мир навеки моложе меня.

ПОСЛЕ МАРТА

На рассветы настроился черными гнездами
лес.
Слева — утро, а справа — закат вперевес.
Влево, вправо качаются суток весы,
распечатаны тесные почки теплом
и читает торжественно
депеши весны
нагулявший басы по заказникам гром.
Расползлись после марта
по оврагам давно холода.
Приложу свое ухо я к ветке любой,
чтобы выслушать, как в капиллярах вода
нежно дышит,
как льется в них день молодой.

У меня, как сумятицей песенных слов,
перевязана звенью тугою гортань.
Снова ливень ударит
по натянутым струнам ветров,
лопнет синь — и нахлынет на паводки рань.
Над землею зависли галактики грузной
края,
дышит медленно сонная звездь вдалеке,
потянувшись суставами всеми,
проснулась заря,
отоспавшись в тепле у меня на затекшей
руке.
На окраине марта, закутанной в талость
и дым,
собирается оттепель пролиться под утро
в росу.
Это я окликаю простор, становясь
молодым.
Выйду в чистое поле,
закутаюсь в гул и в грозу.
Я закутаюсь в ливень, завернусь я в него
потеплей,
я укутаю горло молодыми ветрами полей,
даль ко мне подползет и приникнет
к глазам.
Соболиные шлейфы
метеоры протянут с высот,
и рассыплет веснушки апрель по лесам,
и гроза мне
нежданною радостью грудь пережмет.
И, закутанный в ливень,
я дверь распахну и внесу
на осколки рассыпанный день и весну.

БАЛЛАДА О ВЕЧНОСТИ

Три сына, и каждый как будто скала.
Три разные доли мать детям дала.
Любимый взял счастье,
любовь взял второй,
последний взял время, махнувши рукой.
Хоть время ему положило предел,
но счастлив был первый, достиг, что хотел.
Исполнились все у счастливца мечты,
все было — довольство, любовь и посты.
Средь звонких, безоблачных дней
все равно
он думал: «Как времени мало дано!
Прок в счастье какой, если завтра умрешь?
Короткое счастье проходит, как дождь».
Он выбор свой проклял — и в том же году
спокойно скончался, со счастьем в ладу...
Второй был любимцем везде и всегда,
твердили о нем: «Человек хоть куда!»
Куда он ни взглянет, куда ни пойдет,
влюбленной толпой за любимцем народ.
«Скорей бы все кончилось!» — думал
бедняк,
и с этою думой ушел он во мрак.
А третий, расставшись с родными людьми,
а третий ни счастья не знал, ни любви,
и всех пережил он и знал наперед:
стерильная вечность без времени ждет.
Живет не живет он, ни молод, ни стар,
ни горечь, ни радость,
ни лед и ни жар.
И годы идут — не идут без примет,
ни жизни, пусть горькой,
ни гибели нет.
С живым, теплокровным оборвана связь.
И глянул он вдаль, по вселенной струясь,
чтоб землю увидеть. Но в стертой дали
давно уже не было милой земли.
— Зачем же я вечность избрал вгорячах?—
воскликнул
и в трепетных скрылся лучах.

НАБРОСОК

На поле ни тропинки, ни следа,
и оттого мне вслушиваться странно,
как медленно слагаются снега
в созвучья пробужденного бурана.
Я сам под время встал, как под обвал,
под тяжестью его не слышу муки
и этим снегопадом обвязал
все версты,
куда брошены разлуки.
Мне кажется, спокойно, не спеша,
не ведая ни страха, ни гордыни,
стоит напротив вечности душа,
не опознав саму себя средь стыни.
А там, вдали, где снеговая мгла,
даль просочилась в облачные щелки,
а крылья разметенные орла
застыли, будто часовые стрелки...

ТРЕТЬЯКОВКА

Игорь ДОЛГОПОЛОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

Когда в мае 1856 года молодой московский купец Павел Третьяков впервые приобрел картину, никому, конечно, и в голову не пришло, что случилось нечто значительное. Возможно, что и сам Павел Михайлович не сразу осознал всю глубину движения своей души. Однако минуло менее пяти лет, и представитель «темного царства», столь ярко описанного Островским, составляет «Завещание», в котором говорится:

«Я желал бы оставить национальную галерею... Для меня, истинно и пламенно любящего живопись, не может быть лучшего желания, как положить начало общественного, всем доступного хранилища изящных искусств, приносящего многим пользу, всем удовольствие».

С этого удивительного заявления до самой кончины почти сорок лет жизни Третьяков отдал все помыслы и чаяния святому делу собирательства лучших творений русских мастеров. Это был подвиг. С завидным упорством и твердостью, истово, самозабвенно шел он к заветной цели. С поражающей интуицией и вкусом, обладая особым художественным тактом и чутьем, порою отвергая советы, невзирая на хулу, этот человек менее чем за полвека создал фундамент собрания произведений русской школы, вложив в него само свое сердце. Спору нет, с Третьяковым был его брат, их окружали преданные друзья — Стасов, Крамской, Репин, страстно веровавшие в успех галереи в Лаврушинском переулке. Но запомним и повторим еще раз: всю тяжесть собирательства, всю чашу ответственности Третьяков испил до конца сам.

Май 1981 года. Кадашевская набережная. Отсюда видно, как из-за Москвы-реки будто живые вырастают из свежей весенней зелени гордые белые златоглавые храмы, стрельчатые башни древнего Кремля. Замоскворечье. Здесь, рядом с историческим центром столицы,— узкий, скромный Лаврушинский, ставший всемирно известным благодаря небольшому двухэтажному дому, именуемому в народе любовно и кратко «Третьяковка»... Старый московский переулок. Тишину нарушают шаги сотен людей, спешащих к красивой узорчатой ограде. Справа — белоколонный маленький домик XIX века, изумрудные кущи деревьев, слева из-за крыш выглядывает ажурная колоколенка в строительных лесах. Идет реставрация. Наконец, на серый асфальт легли кружевные синие тени ограды. Мохнатые ели с седыми лапами ветвей. Птичий гомон. За темными стволами горит сочная майская зелень газона. Автобусы, автобусы. Металлические поручни барьеров. Очередь. Народ встречает задумчивый, строгий человек. Крутолобый, с зорким, пристальным взглядом. Он сдерживает волнение. Тонкие руки, как бы усмиряя биение сердца, скрещены на груди.

Павел Михайлович Третьяков. Создатель ставшей поистине всенародной галереи запечатлен навечно в граните. За спиной его детище — чудо-терем, сотворенный по эскизам Виктора Васнецова. На декоративном фризе красочная майолика, рядом начертанные вязью слова: «...основана П. М. Третьяковым в 1856 году...». Богат узор фасада, и эта русская старина никак не вступает в конфликт с пестрой мозаикой живописных групп людей в современных весенних одеждах. Наоборот, все эти яркие колера согласно поют гимн прекрасному, красоте вечной жизни.

Фасад. На нем мраморная доска с врубленным в мрамор текстом:

ДЕКРЕТ
О НАЦИОНАЛИЗАЦИИ ТРЕТЬЯКОВСКОЙ ГАЛЕРЕИ

Принимая во внимание, что Московская Городская Художественная Галерея П. и С. М. Третьяковых является по своему культурному и художественному значению учреждением, выполняющим общегосударственные просветительные функции, и что интересы рабочего класса требуют, чтобы Третьяковская Галерея вошла в сеть общегосударственных музеев, направляемых в своей деятельности Народным Комиссариатом по Просвещению, Совет Народных Комиссаров постановил:

1) Московскую Городскую Художественную Галерею имени П. и С. М. Третьяковых объявить государственной собственностью Российской Федеративной Советской Республики и передать в ведение Народного Комиссариата по Просвещению на общем основании с прочими государственными музеями.

2) Коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины при Народном Комиссариате по Просвещению срочно выработать и ввести в действие новое положение об управлении галереей и ее деятельности в соответствии с современными музейными потребностями и задачами демократизации художественно-просветительных учреждений Российской Советской Республики.

Председатель Совета Народных Комиссаров
В. И. Ульянов (Ленин).
Управляющий Делами Совета Народных Комиссаров
Влад. Бонч-Бруевич.

3-го июня 1918 г.
Москва.

3 июня 1918 года. Вспомните, какие это были нелегкие для нового государства времена. Голод, разруха, гражданская война. И, однако, вот уже шестьдесят три года прошло с тех пор, как собрание Третьяковых стало называться Государственной Третьяковской галереей. «Государственной» — так предложил Ильич.

Красно-белое узорочье входа. Тяжелые дубовые двери, ажурная решетка. Массивный металлический декор. Прохладой пахну́ло из мерцающих сумерек. Рядом с вестибюлем экскурсионное бюро. На стене — объявление: «Прием записей на экскурсии прекращен до конца августа». Это означает, что лимит на заявки, поступающие по порядку два раза в год, в январе и в августе, исчерпан. Поток заявок на экскурсии огромен. Общая загрузка галереи до 2 миллионов посетителей в год.

Большая белая мраморная лестница. Хрустальные люстры. Гулко звучат шаги многих людей. Направо от входа открыта выставка современного искусства, посвященная XXVI съезду Коммунистической партии Советского Союза.

...Мы начинаем с вами экскурсию по залам постоянной экспозиции. Итак, перед нами анфилада залов. Майское солнце озаряет полотна, его лучи мерцают на золотых рамах, бегут по старому паркету. Третьяковская галерея. Она, подобно волшебному зеркалу, отражает многовековую историю России. Мы будто зрим лик нашей Родины, сбросившей иноземное иго в славной Куликовской битве, глядя на совершенные ритмы и песенное многоцветье творений гениального Андрея Рублева, положившего как бы основание русской живописной школы. И с первых же шагов это направление в искусстве поражает не только стройностью линий, радостным и просветленным колоритом, но прежде всего главным качеством — проповедью добра, духовностью и чистотой помыслов художников, стремившихся в своих творениях постичь правду жизни, красоту и величие Человека, прелесть родной земли. Это тяготение к гуманистическому, светлому началу, желание живописцев раскрыть сложность и многогранность бытия останется их моральным кредо на все грядущие столетия. И чем больше мы будем знакомиться с развитием русского искусства, тем все мощнее и объемнее предстает перед нами величие этой задачи.

Когда мы встречаемся далее в экспозиции с первыми творениями крепостных художников, то нас прежде всего изумляет их особо пристальное внимание к внутреннему миру человека, искреннее дерзание передать всю глубину души портретируемого. Пусть произведениям не хватает еще высокого мастерства, пусть язык парсун порою даже коряв, но в этих полотнах сама правда.

В эпоху Петра I в Россию хлынули мастера европейского искусства, создавшие ряд великолепных полотен. Но эпоха ушла, и вместе с ней уехали и художники, оставив свои произведения.

Когда русские живописцы Иван Никитин, Алексей Антропов и Иван Аргунов писали позже свои портреты, то в их картинах скорее отражено влияние не пришлых иностранцев, а русских парсун, отличавшихся правдивостью, попыткой без лести изобразить образ Человека. И вот эти-то художники оставили нам галерею современников, наделенных острой характеристикой, своеобычностью темперамента, ума. Конечно, не бесследно прошло для них и изучение превосходных портретов петровской эпохи, и все же Никитин, Антропов, Аргунов — уже истинные мастера отечественного искусства, создавшие пусть не всегда совершенные, но зато носящие своеобычный, недюжинный оттенок холсты.

Какой-то таинственной притягательной силой обладают полотна Федора Рокотова, вышедшего из крепостных крестьян и ставшего одним из первых русских академиков живописи. Когда мы любуемся его творениями, то нас чарует умение мастера улавливать нюансы душевного состояния модели. Манера его письма — валерная, мерцающая, легкая, серебристая — рождает впечатление неуловимости, трепетности мига бытия. Жемчужины его творчества — портреты А. П. Струйской и В. Е. Новосильцовой, прелестных женщин, окутанных дымкой утонченности, благородства. Федор Рокотов уже в XVIII веке достиг вершин европейского портретного искусства. Впрочем, как и его современник — блистательный и виртуозный Дмитрий Левицкий. Невероятно, но художники молодой России быстро и уверенно овладели этим сложнейшим и высочайшим мастерством. Так, уже в XVIII веке русская портретная живопись вышла на широкую дорогу утверждения своего, присущего лишь русской школе лица. Это мы замечаем и в глубоко лирических полотнах Владимира Боровиковского, исполненных порою в нежных, почти пастельных тонах, с подлинным артистизмом и отличающихся особой, несколько сентиментальной поэтичностью.

Но когда мы переходим в следующий зал, то нас буквально поражает Орест Кипренский, живописец бурного романтического темперамента, который сразу заявил о себе как о ярком, выдающемся явлении в портретной школе. Превосходная манера живописи портрета отца смутила некоторых европейских искусствоведов, приписавших это произведение кисти Рембрандта ван Рейна. Персонажи полотен художника необычайно жизненны и будто озарены светом его великолепно-

И. Репин. 1844—1930. ПОРТРЕТ ПАВЛА МИХАЙЛОВИЧА ТРЕТЬЯКОВА. 1883.

Государственная Третьяковская галерея.

К. Брюллов. 1799—1852. ВСАДНИЦА. 1832.

Государственная Третьяковская галерея.

И. Крамской. 1837—1887. НЕИЗВЕСТНАЯ. 1883.
И. Шишкин. 1832—1898. РОЖЬ. 1878.

Государственная Третьяковская галерея.

В. Суриков. 1848—1916. БОЯРЫНЯ МОРОЗОВА. 1881.

Государственная Третьяковская галерея.

К. Коровин. 1861—1939. У БАЛКОНА. ИСПАНКИ ЛЕОНОРА И АМПАРА. 1886.

Государственная Третьяковская галерея.

В. Маковский. 1846—1920. НА БУЛЬВАРЕ. 1886—1887.

Государственная Третьяковская галерея.

И. Левитан. 1861—1900. У ОМУТА. 1892.

К. Сомов. 1869—1939. ДАМА В ГОЛУБОМ ПЛАТЬЕ. 1897—1900. Государственная Третьяковская галерея.

го дарования. Незабываемы его портреты поэтов Пушкина, Жуковского, танцовщицы Телешевой, чарующий образ мальчика Челищева.

Перед нами огромный зал. Блистательный Карл Брюллов, воспитанник Петербургской академии. Его огромная картина «Последний день Помпеи», ныне находящаяся в Ленинграде, по словам современника, стала «для русской кисти первым днем». Брюллов воистину прославил отечественную живопись, и в этом зале Третьяковки мы любуемся его чудесными, искрометными творениями. Центр экспозиции — ослепительная, покоряющая юной красотой «Всадница».

Рядом с Брюлловым в одном помещении представлено творчество могучего Александра Иванова, и мы начинаем ощущать какую-то особую, глубоко русскую ноту в решении, казалось бы, на первый взгляд классических традиционных тем. Обостренная этическая задача всего творчества Иванова, его великий духовный заряд нашли выражение в одном гигантском творении — «Явлении Христа народу», занимающем целиком большую стену. Картина и особенно десятки этюдов, представленных рядом, написанных во время подготовки этого шедевра, ставшего целью всей его жизни, являют нам принципиально новый язык живописи, постигшей тайны пленэра задолго до французских импрессионистов. Художник-новатор Александр Иванов открывает нам прекрасную страницу в развитии отечественного искусства, и, покидая зал, мы уходим, потрясенные подвигом этого мастера.

Внешне скромные по размеру полотна Алексея Венецианова при внимательном и пристальном изучении поражают своим глубочайшим проникновением в самое сокровенное существо русской природы, души народной. Его холсты «На жатве», «На пашне», «Крестьянка с васильками» обладают особой чарующей прелестью, впервые показывая с такой полнотой образ русской крестьянки, быт деревни. Честный, пластически ясный язык художника помогает нам понять нелегкое время, в которое жил мастер, и дает возможность ощутить красоту и величие нашего народа. Эта плодотворная тема в русской живописи встречается в творчестве Василия Тропинина, оставившего современному зрителю ряд прекрасных полотен, лик простых людей — крепостных крестьян, из которых произошел он сам, ставший вольным лишь в 47 лет. Особенно прелестен портрет сына художника, в котором как бы отражены все светлые надежды и чаяния живописца. Излучают доброту и тепло холсты «Пряха» и «Кружевница».

Так, изучая творения мастеров, переходя из зала в зал, мы как будто листаем страницы истории государства, узнаем суровую правду жизни.

Эпоха Николая I зорко увидена в маленьких шедеврах русского самородка Павла Федотова. Атмосфера бездушной чиновничьей иерархии, тяжкого пресса государственной машины нашла выражение в холстах первого создателя критического жанра в нашей живописи. Как незабываемы его «Сватовство майора», «Свежий кавалер», «Анкор, еще анкор!», в которых с почти гоголевской силой и выпуклостью предстала казенная, канцелярская, купеческая Русь со всей ее несуразностью, жестокостью и бесправием. Федотовская гражданская горькая лира зазвучит позже в холстах Василия Перова и целой плеяды передвижников, жестоко обличавших нищету и обездоленность самых широких слоев народа, самодурство, чванство, грубость и произвол власть предержащих.

Особо отличает русскую живопись любовь к родной земле, приверженность к пейзажу, к отражению немого, но так много говорящего мира природы. Все эти чувства наших пейзажистов выразились в холстах, покоряющих своей музыкальностью, стремлением к раскрытию гармонии необъятных пространств полей, широких прозрачных рек, высокого ясного неба Отчизны. У истоков нашей ландшафтной картины стояли такие превосходные мастера, как Сильвестр Щедрин и Иван Айвазовский, сразу, с первых шагов поразившие Европу артистизмом своей кисти, сочностью и своеобразием палитры.

Но остановитесь подольше у знаменитого холста Саврасова «Грачи прилетели», и перед вами будто откроется окно в звонкую светлую весну, на вас пахнет ароматом свежести, запахом талого снега, вы услышите веселый грачиный грай. Пейзажи Федора Васильева, Архипа Куинджи, Ивана Шишкина, Василия Поленова, Ильи Остроухова, Исаака Левитана изумляют не только блеском колорита, свежестью и своеобычностью фактуры своих холстов, натуральностью передачи тончайших состояний природы,—в их полотнах, как, пожалуй, мало у кого в мировом искусстве, открывается сама тайна живой природы, гармоничность и юность ее вечной души. В этом — свойство пейзажей-картин наших мастеров, прославляющих непреходящую ценность красоты окружающего мира, что так важно в век научно-технической революции, сместившей многие представления о прекрасном... Но, впрочем, это уже другая тема.

Высокая художественная ценность, моральная значимость полотен русской школы обретают наибольшее звучание в картинах, призывающих зрителя к глубокому раздумью, к осмыслению явлений истории, к тому ощущению чудесности ассоциативного ряда живописи, когда события давних-давних веков вдруг начинают звучать с новой непостижимой силой. Пожалуй, наиболее яркое пластическое выражение этого свойства нашло воплощение и претворено в поистине грандиозных по охвату и глубине мысли огромных холстах Василия Сурикова — коренного сибиряка, в творчестве которого особо самобытно зазвучала история Руси, раскрылась сложная, порою грозная и величественная тема Родины. В его густо населенных больших полотнах «Утро стрелецкой казни», «Боярыня Морозова» звучит многоголосье людское. Художник заставляет зрителя двадцатого века вновь и вновь переосмысливать историю своей Отчизны, он зовет нас приникнуть к родникам души народной, призывает не забывать своих предков, обычаи, самый лик древней страны. Живописец не рисует нам картины, полные безмятежной тишины, благодатной идиллической легенды. Напротив. В своих суровых, глубоко реальных, психологических композициях Суриков берет одни из самых драматических страниц летописи, в его холстах люди страдают, гибнут, борются за свою единственную, по их мнению, правду. И в этой истовости — вечная жизненность его творений, глубоко национальных по духу поиска справедливости, добра, света. Зал Сурикова долго не отпускает зрителя, хочется часами стоять, рассматривая его гениальные холсты, звучащие с силой поистине симфонической.

Эта благородная тема своеобразно и подлинно новаторски отражена в эпически прекрасных полотнах Виктора Васнецова, широко распахнувшего окно в мир русской сказки, былины, легенды. Герои его картин — богатыри, любимые персонажи народных сказов, покоряющие нас небывалой свежестью пластического выражения, сочетающего подлинную, высокую поэтичность с великолепной реальной формой. Мы словно входим в дивный и прекрасный мир, ощущаем звучание древней легенды, музыку старой Руси. Неоценима патриотическая сила холстов Виктора Васнецова «Богатыри», «После побоища Игоря Святославича с половцами», пробуждающих у современного зрителя законную гордость за свою Отчизну, родину непобедимых богатырей, добрых и справедливых, готовых в любой миг вступиться за правое дело. Особое притягательное звучание имеют и полотна-сказки художника «Аленушка», «Иван-царевич на сером волке», в которых неизменно торжествует добро, свет побеждает тьму, красота разит зло и уродство.

В этом же зале мы знакомимся с творчеством Михаила Нестерова. В его тонких, проникнутых особо щемящим чувством причастности к истории своей Отчизны полотнах еще большее звучание обрело чувство общности человека и природы, которая составляет великую силу духовной целостности и чистоты. Совершенно отличные от картин Васнецова, холсты Нестерова привлекают нас сегодня необычайно свежим, своеобычным ощущением древней истории, мира легенд, сказаний. Виктор Васнецов, Михаил Нестеров, а позже Николай Рерих как бы возвращают нас к истокам нашего искусства, и мы невольно вспоминаем гармонию цвета и линий творений Рублева, его ясный и чистый голос, ратующий за непреоборимую силу добра.

Глубокое философское звучание несут замечательные картины Николая Ге, создавшего ряд прекрасных портретов, полотен на исторические темы и сумевшего по-новому осмыслить, перевести на язык современного ему искусства глубоко традиционные сюжеты, придав им небывалую до него экспрессию.

Экспозиция произведений Василия Верещагина. Девяносто лет тому назад создан потрясающий по своей пророческой силе холст художника «Апофеоз войны», на раме которого навеки начертано: «Посвящается всем великим завоевателям, прошедшим, настоящим и будущим»... Это картина-символ. Яркое солнце озаряет выжженную пустыню. Маячат руины разрушенного города. Нелепо торчат скелеты деревьев. На земле навалена пирамида человеческих черепов, зияют оскалы челюстей, чернеют провалы глазниц. Тишина. Только зловещие крики хищных птиц нарушают молчание смерти. Трудно найти более современную картину, рисующую результат безумного стремления завоевателей покорить народы, уничтожить миллионы ни в чем не повинных людей. Война всегда беда, но война сегодня — это общая гибель всего живого, и поэтому искусство Верещагина, почти всю жизнь посвятившего глубоким по смыслу, публицистическим полотнам, прозвучавшим даже в ту пору на весь мир, особо значимо и весомо в наши дни...

Гражданственность, глубокая заинтересованность в судьбах людских всегда отличали русскую живопись, но особо острое, боевое звучание она обрела в творчестве художников Василия Перова, Ивана Крамского и передвижников, мастеров станковых полотен, жанра, портрета и пейзажа.

Иван Крамской — создатель популярнейших картин «Неизвестная», «Неутешное горе», великолепных портретов. Он был руководителем Товарищества передвижных художественных выставок, объединивших выдающихся живописцев-реалистов той эпохи, среди которых, бесспорно, выделяется крупнейшее дарование Ильи Репина. Много, много страниц и книг исписано об этом замечательном художнике, и, пожалуй, ни о ком не высказаны столь полярные мнения. Одни величают его гением, другие чуть ли не бездарностью... Войдите в залы Репина в экспозиции Третьяковки, и вас обступит сама жизнь той поры. Десятки портретов замечательных современников Репина. Великолепные картины — панорама народного быта «Крестный ход», историческая драма «Иван Грозный и сын его Иван», и самое главное — полотна, отражающие наиболее острые темы тех насыщенных предреволюционной атмосферой лет — «Не ждали», «Арест пропагандиста», «Сходка», «Отказ от исповеди» — все, все это глянет на вас с холстов удивительного по темпераменту и мощи дарования художника. Не будем вступать в споры с эстетами, которые живы и поныне. Репин сегодня — фигура столь значительная в европейском и мировом искусстве, что не нуждается в какой-либо защите. Недаром его первую картину «Бурлаки» многие критики сравнивали с полотнами Курбе... Могу лишь привести один пример. Несколько лет тому назад в Москву приезжал тогдашний директор нью-йоркского Метрополитен-музея Хоувинг. Не знаю, может быть, за последнее время он изменил свое мнение, но мне удалось в те дни опубликовать интервью с этим специалистом, в котором он восторженно отзывался о творчестве Репина, Сурикова, Васнецова... В залах Репина мы провели около часа, и я услыхал буквально панегирик блестящему искусству этого мастера.

Плеяда жанристов — Илларион Прянишников, Константин Савицкий, Григорий Мясоедов, Владимир Маковский, Николай Ярошенко, Николай Касаткин и другие поражают нас своим вторжением в саму кипень эпохи, они восхищают зрителя гражданским темпераментом, смелостью затронутых ими самых злободневных и острых социальных сюжетов. Недаром у их холстов собиралась молодежь, давали клятву революционеры, — так жарко и честно бился пульс времени в этих полотнах, так бесстрашно обнажали они язвы современного им общества.

Нет никакой возможности в коротком материале даже пунктирно обозначить все многообразие сюжетов бесчисленных работ передвиж-

ников. Одно можно сказать: внимательно поглядите произведения этих прекрасных художников, и вы будто увидите широкую панораму быта старой России с такой ясностью и объемностью, что у вас останется ощущение, будто удалось прочесть многотомную историю той эпохи. Самое главное в творчестве этих трудолюбивых и талантливых подвижников — их глубоко демократическая гражданственность, поэтому они с такой силой и вдохновенностью воспели людей труда. Всмотритесь в холсты Ярошенко, Касаткина, и вы увидите впервые образы пролетариев, почувствуете всю тяжесть труда рабочих, беспросветность их жизни, но одновременно вы ощутите и огромную мощь, заложенную в этом угнетаемом, но непокоренном классе.

Высочайшего мастерства достигло в XIX веке портретное искусство. Если окинуть мысленным взором галерею полотен от великолепных картин Ореста Кипренского до блистательных по живописи и глубочайших по тонкости психологического анализа холстов Валентина Серова, то вас поразит та несравненная мозаика людских характеров, неоглядная перспектива полотен, изображающих великих литераторов, композиторов, ученых и, что особенно отрадно, крестьян, трудового люда... Все это написано с еще не полностью оцененным живописным блеском. Достаточно назвать портреты Достоевского работы Перова, или Толстого кисти Крамского, или виртуозные полотна Репина «Мусоргский», «Пирогов», «Стрепетова» и многие, многие другие, чтобы убедиться, что эти холсты вполне заслуживают оценки — «шедевры». Чрезвычайно современны по решению работы молодого Серова «Девочка с персиками» и «Девушка, освещенная солнцем», положившие начало десяткам портретов-новелл, не имеющих равных по артистизму и точности живописного языка.

С гордостью можно сказать, что, начиная с изумительных работ Рокотова до ювелирных по форме картин Константина Сомова, русский портрет внес свой особый, бесценный вклад в развитие мировой портретной живописи.

Ни с чем не сравнимое чувство вы испытываете, посетив зал Врубеля. Казалось бы, как странны и далеки от наших сегодняшних будней таинственные сюжеты его картин-грез «Пан», «Демон», «Царевна-лебедь», «Сирень», «К ночи», но как неотразимо захватывают в плен эти его холсты, то сказочные, то проникнутые какой-то щемящей грустью! Врубель распахнул нам дверь в звездные края фантазии, и его полотна оберегают в зрителях сложный, трепетный мир мечты, данный нам природой еще с детства, который мы частенько теряем в грохоте и суете ежесуточной круговерти.

Искрометное дарование любимца художников конца XIX — начала XX века Константина Коровина уникально. Он был блестящим колористом, создавшим серию великолепных пейзажей. Ученик Саврасова, однокашник Левитана, впитал лучшие черты московской школы живописи — сочный, яркий, темпераментный цвет, острое решение композиции. Великолепный декоратор, он создал ряд шедевров сценографии, прославив русский театр... Однако это не означало, что Коровин не мог создавать станковые произведения. Его «У балкона. Испанки Леонора и Ампара» могли бы украсить любой музей мира. Он умер во Франции нищим, оставив поразительные по изяществу мемуары, рассказы, эссе.

Особый круг был очерчен группой художников, собравшихся в «Мир искусства», куда входили Александр Бенуа, Константин Сомов, Александр Головин, Евгений Лансере, Мстислав Добужинский, Лев Бакст. Зрители подолгу рассматривают их тончайшие по исполнению, полные вкуса и какой-то тихой печали творения. Может показаться странным их пристрастие к старине, любовь к заброшенным усадьбам, дворцовым паркам, историческим сценкам, но вся эта несколько театральная фактура, полная порою наигранных, искусственных страстей, была присуща и поэзии, литературе, музыке той поры. Эти художники не всегда понимали суть происходящих неотвратных событий, их пугал, а иногда приводил в трепет предгрозовой гром, предвещающий великие перемены, и они уходили в мир искусства ради искусства... Конечно, та пора давно прошла, но мы признательны им за мастерство и совершенство живописи, которое они сберегли в то сложное время.

В эту пору творил удивительный художник Виктор Борисов-Мусатов, чьи полотна чаруют пленительной музыкой тишины и покоя. Вершина его искусства — чудесная картина «Водоем».

Буйным многоцветьем встречает нас глубоко национальное, мажорное, жизнелюбивое искусство Филиппа Малявина, Абрама Архипова, Бориса Кустодиева. Порою кажется, что ты кружишься вместе с их полотнами на праздничной, пестрой, радостной карусели и видишь вихрь хороводов, шум и гуд веселой народной толпы. Каждый из этих художников поет своим голосом, но вместе они славят светлую, пышущую ярчайшими колерами солнечную Русь... Кустодиев глубоко проник в быт провинциальных купеческих будней, столь искрометно описанных Островским; он это делает с чувством мягкой улыбки, все же любуясь своими пышными красавицами... Его картины, как и полотна работавшего до него Андрея Рябушкина, окрашены больше пристрастием, чем иронией. Надо заметить, что Борис Кустодиев был одним из первых русских крупных художников-реалистов, который принял целиком Революцию и создал могучего «Большевика»... Но это произведение уже относится к советскому отделу галереи, где собраны яркие творения нашего многонационального искусства. Одно из главных достижений современных советских художников — это осмысленное и талантливое продолжение великих традиций мировой и русской культуры. И эта замечательная эстафета прекрасного как бы подчеркивает прочность связи времен и неоспоримо доказывает вечную жизненность и победность реалистического искусства.

1981 год — год стодвадцатипятилетнего юбилея Государственной Третьяковской галереи, сокровищницы русской, советской культуры. Мы еще не раз будем возвращаться к освещению шедевров этого замечательного собрания.

До новых встреч в Третьяковке...

ВАС

Римма ЛИХАЧ

Вскочила я с кровати, как от толчка. За окном была субботняя тишина. Что это я? И тут раздался резкий, требовательный звонок в дверь. Выскакиваю на лестничную площадку. И вижу: из всех квартир высыпали жильцы. Полуодетые, взлохмаченные, сбились в кучку на лестничной площадке, сонно моргают.

Резкий, властный голос вопрошал:

— Кто это сделал?

Маршем ниже, у лифта, рядом с мусоропроводом, стояла наша уборщица. Молодая, крепкая, в резиновых сапогах, перетянутая теплым платком крест-накрест, в яркой косынке.

— Я еще раз спрашиваю, кто это бросил? — И она указала перстом под мусоропровод на пустую коробку из-под торта.

Уборщица кричала на весь подъезд, что мы хулиганы, что мы вот дрыхнем, а она уже работает. Мы стояли как побитые, тихо и безропотно.

Вдруг на площадку выбежал соседский пудель Туз, доброе и ласковое создание.

— О! Триста рублей на четырех ногах бегает. Развели тут дрянь, а я убирай за ней! Пошел отсюда! — Она махнула тряпкой и выругалась.

Я не вытерпела:

— Как вам не стыдно! Разбудили всех в субботу, в шесть утра, из-за какого-то пустяка. Конечно, негоже тут коробки бросать, но уберем мы ее, уберем, только не кричите, пожалуйста. Кто вам дал право так неуважительно говорить с людьми?

Я хотела еще что-то сказать, но услышала шепот: «Молчите, молчите! А то она совсем убирать не будет».

«Благодетельница» пнула ногой коробку, рявкнула: «Убрать!» — вызвала лифт и отбыла. Наконец-то замолчала. Но не надолго. Громыхнув где-то над нами дверью, уборщица взвизгнула:

— Это же не люди, это же свиньи живут на четвертом этаже!

Вот так. Осрамила! Профессионально скандалит. Со знанием дела.

Мы расходились, не глядя друг на друга. Каждому просто стыдно было смотреть в глаза соседу...

Коробку забрала Ирина, кандидат технических наук. Забрала и сказала:

— По пути в магазин выброшу в мусорный ящик. Она здоровая: в мусоропровод не влезет. — И никакого самоунижения в этом Ирина не усмотрела. Она частенько наш коридор «промахивает» тряпкой на щетке, делает это ловко, быстро, приговаривая: «А то на улице грязно, в квартиры натащим».

Я вернулась к себе, снова улеглась, но спать, конечно, не могла. Надо же: словно вылили на меня ушат помоев, и пожаловаться некому. На душе было печально. А печаль — подруга размышлений.

И я думала: ведь были же раньше тети Нюры, тети Даши, они мыли «парадные подъезды» старых московских домов с достоинством. Были степенны, словоохотливы, приветливы, знали всех жильцов по имени-отчеству. И было чисто, и никто в шесть часов утра не барабанил в дверь. И все их уважали.

А сейчас... Откуда столько неуважения к своему же труду? Ведь ничего другого наша Варя, наверное, делать не умеет. Главное, что плохого-то? Работай хорошо, и все тебе будут благодарны. И заработок у уборщиц хороший. Не секрет, что все они работают по совместительству. Получается побольше, чем, скажем, у иного инженера. А ведь ценность человека, как известно, определяется не его заработком, но отдачей обществу. Видимо, некоторые работники сферы обслуживания об этом то ли не думают, то ли не знают.

Все мы, женщины, у себя дома уборщицы. А уборщица заменить, например, врача или токаря не сможет. И продавец не в состоянии заменить учителя. Однако все эти профессии равно необходимы. Только врачу почему-то не приходит в голову оскорблять пациента, а учителю — вымещать свое дурное настроение на учениках. Следовательно, любому надо думать не о том, кем ты работаешь, а о том, как ты работаешь. Ведь все, кто работает в сфере обслуживания, имеют дело с людьми, подчас не менее уставшими или озабоченными, чем они сами.

Но пока что люди, прибегающие к услугам этой сферы, то есть все мы, настолько привыкли к пренебрежительному, неуважительному тону в регистратуре поликлиники, в химчистке, в магазине, что стоит кому-то возмутиться, как тут же зашелестит: «Молчите, молчите, а то...» И мы молчим.

Был со мной такой случай. Получила я открытку на покупку ковра. Пришла в магазин и растерялась: выбор!.. Покупатели по двое перекладывали с топчана на топчан ковры, открывая их один за другим во всей красе. Мы толпились вокруг и, как близкие, советовались, обсуждали, выбирали. А продавцы стояли, прислонившись к стенке, и время от времени покрикивали на нас: «Чего раздумываете по полчаса, не корову же покупаете!» Мы, конечно, молчали, а то еще не разрешат перекладывать. Наконец, я выбрала самый, по-моему, красивый. И тут, о чудо! Продавец сам отнес его на контроль. Бывает же такое! Горячо поблагодарив, я выскочила из магазина. Ну везет! Стоит такси. Молоденький шофер взвалил мою покупку на плечо и зашагал размашисто. Я затрусила

МНОГО...

рядом. Вдруг парень повернулся ко мне:

— Бабка, зачем тебе ковер? Ты его продай, тебе за него двести «сверху» дадут!

— Да какая же я тебе бабка?!

— А что? Тебе, небось, уже лет сорок? — миролюбиво заметил шофер.

— А сколько же вам? — спросила я.

— Восемнадцать! — с уважительностью к себе сказал парень.

Я шла и хохотала.

— Ты чего, бабка, веселишься? Я тебе дело говорю, ты меня слушай.

Его безусое лицо было добродушно, глаза веселые...

Паренек внес ковер в квартиру, помог расстелить его на полу. Одобрительно крякнул, похвалил:

— Коверчик ты отхватила классный! Ну, потопчись на нем маленько! — И ушел.

Милый, славный мальчик! Что за ковер можно взять двести «сверху», это он уже знает. А что не следует обращаться к пассажиру на «ты» и напоминать о возрасте женщине — это ему неизвестно. Никто не сказал.

Сейчас он молод, беззлобен, его покровительственный тон забавен. Но ведь он будет взрослеть, а манера обращения с людьми останется прежней. И вызовет она тогда уже совсем другие ощущения.

Полупустой троллейбус. Старенькая женщина безуспешно пытается открыть дверь к водителю — силенок не хватает. Она стучит монетками по стеклу, но водитель глазом не ведет. Все молчат. Старушка кричит:

— Да откройте же дверь! У меня сил не хватает, мне восемьдесят три года!

Подбегает молодая женщина, с силой рванув, открывает дверь. Но тут троллейбус трогается, и водитель гаркает:

— Закройте дверь! Билеты продаю только на остановке.— Встает и захлопывает дверь.

И ничего мы поделать не можем. Он в «своем праве»: только на остановке.

Или бывает так: бежит человек, спешит к стоящему троллейбусу, наконец добежал, успел! Но не тут-то было! Как говорится, прямо перед носом водитель закрывает дверь и трогается. Обидно, унизительно. А другой в такой же ситуации подождет. Значит, можно быть просто добрым!

Совсем недавно я была свидетельницей скандала, в котором хамство восторжествовало. Молодая женщина вежливо сказала продавщице:

— Будьте любезны, не кладите мне три горбушки. Я же беру всего двести граммов сыра!

Продавщица посмотрела на нее с нехорошей усмешкой и крикнула:

— Валька! Завесь корки у этой дамы в каракуле (она нажала на это слово: не бедная, мол). Я ей за них заплачу!

Она вынула из кармана горсть мелочи и швырнула на прилавок перед покупательницей.

Осрамила! Прием тот же, знакомый. Женщина попыталась что-то сказать, но покупательница, стоящая за ней, угодливо посматривая на продавцов, заторопила:

— Ладно уж, сколько там корок! Купите больше сыру! И не задерживайте людей.

Продавщица ухмылялась, а очередь молчала. Чего доброго, обидится, и им положит корки или, еще хуже, уйдет с криком на весь магазин: «Что мне теперь и в уборную нельзя сходить? Вас много, а я одна!» И все будут знать, куда она пошла, и терпеливо ждать. Святая простота нравов! Как теперь говорят, «ненавязчивый сервис». Это уж точно. Никто вам своего внимания не навяжет.

К слову сказать, встречаемся мы с подобным не в больших гастрономах или универсамах, там кадры подбирают разборчивей, в какой-то степени там работать легче и интересней, туда идут охотней. А вот в наших, «своих» микрорайонных магазинах, продовольственных, овощных, в химчистках, то есть там, где людей не хватает, тут всего наслушаешься.

Но представьте себе, как стала бы «качать права» такая Валя, если бы, скажем, в пик гриппа она сидела в очереди к врачу, а тот вышел бы и сказал: «Что мне — и в туалет нельзя? Вас много, а я один!» Так почему же позволяют это себе в магазине? Потому что чуть что, следует пресловутое «молчите, молчите, а то...». Что «а то»? Почему вежливость для одних обязательна, а для других нет?..

Правда, не всегда все так печально. Иногда бывает и весело. Под вечер позвонили в дверь. Открываю. Стоят двое. Один в рыжей шапке, второй в серой кепке. Портвейном запахло, хоть закусывай.

— Мы с телефонной станции,— с французским прононсом произнес тот, что в шапке.— Разрешите войти?

Вошли.

Мастер в кепке достает смятый листок бумаги и говорит:

— Вадик, я сейчас все железно сверю!

— Сверь, Толик,— вальяжно согласился Вадик.

— Хозяйка, карандашик дадите?

Дала карандаш. Толик стал что-то карябать на листке. Вадик словно приклеился к дверному косяку. Вдруг, с трудом отлепившись от двери, шагнул в комнату, шмякнул на стол свою рыжую шапку, открыл пианино и, тыча неверными пальцами, грохнул «Ромашки спрятались». Из передней пришел Толик. Вадик отбарабанил и, широко сияя, повернулся к нам.

— Классно сбацал! — восхитился Толик. Но Вадик смотрел на меня.

— Очень душевно,— сказала я. Вадик счастливо закивал головой.

— Какой прекрасный звук! Немецкое? — хмельным баритоном пророкотал Вадик.

— Нет. Наше, «Лирика».

— Что вы говорите! Бывает! — продолжал Вадик светскую беседу.

— Пойдем? — спросил Толик.

— Грядем,— согласился Вадик. Схватил мою руку, промычал «м-мадам» и ткнулся носом, громко чмокнув.

— Карандашик подарите? — чеканя слова, осведомился Толик.

Ушли. Слава богу, подумала я. Представляете, что было бы, окажись Вадик в дурном расположении духа и пожелай все вокруг расколотить!

На следующее утро — снова звонят. Открываю. Стоят Вадик и Толик. Лица синюшные. Несет перегаром.

— Мы с телефонной станции,— сипло, но не в нос сказал Вадик.

— Знаю. Вы вчера были.

— Не-ет,— протянул Толик,— вы что-то путаете.

— Вадик?

— Да.

— «Ромашки спрятались» играете?

Переглянулись.

— Ах, да, да,— сипло-бархатно сказал Вадик.

Но все-таки вошли. Достают вчерашний листок и мой карандаш. И все снова: «Квартира четыре? Номер телефона менялся?»

— А в чем дело?

— У вас другой номер должен быть. Телефонов понаставили, план выполнили, прогрессивку получили, а адреса все перепутали. Теперь вот ходим, сверяем,— сказал Толик.

— До свидания, гражданка,— сказал Вадик, и они ушли.

Вот и все. Комментарии, как говорится, излишни.

А через два дня, словно по уговору с галантными телефонистами, явились два пьяных слесаря. Один крутил гайки, другой то и дело вопрошал: «Гастроном до восьми?» Ушли. А через час вернулись.

— Хозяйка! У нас к тебе наряд!

— Да вы уже приходили.

Тот, что интересовался работой гастронома, сосредоточенно уставился на меня. Потом в глазах его проглянула осмысленность, и он повелительно произнес:

— Закрой дверь, дура!

Я закрыла, села за машинку и излила душу на этих страничках. А потом задумалась: все мы, «которых много», бесконечно и бесплодно вопрошаем себя и друг друга: «Что же происходит, что же происходит?» Попробую задать этот вопрос и руководителям работников сферы быта.

Я позвонила в жэк. Там мне сказали: «У нас кранов не хватает, дворников не хватает, уборщицы, как динозавры, вымерли, слесарей вы сами, своими рублями, спаиваете, но с утра они еще трезвые. Звоните утром».

На телефонный узел я звонить не стала. У них запарка. Они там все перепутали. Им не до меня. А вот жэк...

Что ж, надо все-таки поговорить с компетентными людьми по этому вопросу. В Ворошиловском райжилуправлении я и задала этот вопрос главному инженеру Г. Ф. Андреевой.

— Уборщиц теперь у нас нет,— говорит главный инженер.— Есть «рабочий по дому». Он убирает во дворе, в камерах мусоропроводов.

Г. Ф. Андреева работает в РЖУ давно, и чувствуется, что дело свое хорошо знает, болеет за него. Она все время подчеркивает: людей не хватает. Кроме того, если ныне инженерный состав РЖУ, как правило, имеет высшее образование, то квалификация сантехников и слесарей оставляет желать много лучшего. Город ширится, и эти работники, что называется, нарасхват.

— Правда, при Главном московском жилуправлении есть ПТУ, специально нашего профиля, но кадры пока к нам не попадают. Ждем, надеемся. Ведь есть решение, чтобы мастеру любой объединенной диспетчерской службы было придано в подчинение восемнадцать специалистов.

— А сумеете вы их набрать — восемнадцать?

Андреева разводит руками:

— Может, с ПТУ и сумеем. А пока терпим все. И жалобы жильцов знаем, и выпивох своих увещеваем, а он в ответ: «Не нравлюсь, так меня в другое РЖУ зовут».

Опять все то же: «Нас мало, значит, нам все можно». Но ведь все мы заметили, что в праздничные дни Олимпиады, когда настроение у всех было приподнятое, Москва принимала гостей радушно, с удовольствием. И продавцы были приветливы, и водители троллейбусов, автобусов чувствовали себя в некотором роде гидами, объявляли остановки, рассказывали, какие магазины, рестораны, музеи поблизости. Не бранились, не хлопали дверьми под носом. Значит, можно?

Зашла я недавно в магазин «Светлана» на Кузнецком мосту. Побродила вдоль рядов платьев. Так вот, продавцы были приветливы, вежливы, красиво причесаны, словом, в должном служебном виде. Я зашла к директору магазина Лидии Дмитриевне Матвеевой. Какой такой секрет она знает? Вот что она рассказала. Штат магазина укомплектован полностью. Недавно они приняли на работу сорок девушек, окончивших десятилетку, с хорошими характеристиками.

— Нам нужны вежливые, лояльные, спокойные работники,— сказала директор.— Старшие продавцы у нас наблюдают за умением новеньких общаться, за их поведением на рабочем месте, за внешним видом, словом, терпеливо и старательно учат девушек их нелегкому делу. А если придет к нам девушка злая, неприветливая, мы советуем ей изменить профессию. С такими свойствами характера нельзя работать с людьми.

Старшие продавцы заинтересованы в том, чтобы иметь учениц, так как получают за это прибавку к зарплате — десять процентов. Заинтересованы... Может быть, в этом-то и секрет здешней доброжелательности?

А какова вообще материальная заинтересованность и перспектива роста у продавца?

Этот вопрос я задала директору магазина «Весна-2» Раисе Андреевне Овчарек.

Как выяснилось, в этом отношении в магазинах все в порядке. Начинают девушки с учениц, затем становятся продавцами и старшими продавцами. Получают прогрессивку в зависимости от выполнения плана, кроме того, надбавку по системе «Управление качеством труда». (Работника, допустившего оплошность, грубость, такой надбавки лишают.) Это довольно сложный расчет, и приводить арифметические выкладки не наша задача. Главное, что принцип поощрения за хорошую работу существует, равно как и наказание рублем.

Такая же система оплаты и в продовольственных магазинах. Но директор гастронома № 65 Александр Дмитриевич Кондрашов сказал мне, что по сравнению с универмагами у них все-таки почти всегда нехватка кадров. Почему же люди уходят? Дело в том, что здесь продавцу подчас приходится заменять рабочих, таскать ящики. Однако Александр Дмитриевич считает, что в их магазинах продавцов отпугивает не только это. Главное — надо повы-

шать культуру торговли и культуру поведения работников. Вот, скажем, вроде бы такой пустяк — упаковка. Если ввести красивую фирменную упаковку, утверждает он, продавщица почувствует гордость за свой магазин и, как следствие, станет внимательнее и любезнее с покупателями.

Постойте-постойте... Тут есть рациональное зерно! Давайте попробуем разобраться, почему элементарная вежливость в сфере обслуживания — вопрос вопросов.

Будем называть вещи своими именами. Очереди за пресловутым дефицитом, когда накаляются страсти и у продавцов и у покупателей, сезонные хвосты в химчистках, часы пик или просто нарушение графика на транспорте (к слову — водители тоже хорошо зарабатывают) — все это почва для короткого замыкания, то есть легкого стресса, особенно у людей, не приученных властвовать собой. Тут дело доходит до крика и взаимных оскорблений. Но постоянное мелкое взвинчивание невниманием, пренебрежением, грубостью, положа руку на сердце, начинается с утра. Скажем, с вопроса по телефону 09. В ответ вам сердито буркнут, а переспросить — упаси бог! Тут же услышите короткие сигналы. И так почти каждое соприкосновение со сферой обслуживания ставит людей в зависимое, иногда и униженное положение. Но почему же, почему? Давайте-ка подумаем: что научает человека властвовать собой — властвовать во всех ситуациях? Только одно — воспитание, хорошее воспитание, буквально с пеленок. А известно, что ныне далеко не во всех семьях могут хорошо воспитывать детей, потому что родители иногда и сами люди невоспитанные. Значит, тем более усиленно должны воспитывать детские сады, школа. Но школе — весьма часто — не до того. Там дают знания, прививают разумное, доброе, вечное, а вот манерам, хорошим манерам не учат.

Наверное, в школе нужен штатный воспитатель. Человек, специально этому обученный. Ведь были же в свое время классные дамы, которые именно воспитанием и занимались. Плохо ли, хорошо ли, но занимались. А теперь нет в школах такой штатной должности. И в ПТУ ее тоже нет. Не пора ли завести? Чтобы наши дети, благополучные во всех отношениях, эрудированные, речистые, хорошо одетые, не оказывались не владеющими умением общаться — и со сверстниками и со взрослыми.

Наверняка только дурным воспитанием беды в сфере обслуживания не объяснишь. И все же думается, что это сейчас один из важнейших вопросов в целом. А особенно для сферы обслуживания, где практикуется прием на работу после десяти классов, и где всю школу своего дела молодежь проходит в магазине, в мастерской, в ателье, жэке. Но тут уж как повезет. Хороший коллектив — есть у кого поучиться. А если нет?

Видимо, стоит подумать и о создании курсов, что ли, где специально подобранные педагоги станут читать лекции о культуре общения и о хороших манерах, над которыми мы когда-то смеялись и которых многим из нас теперь так не хватает.

Семен ЦВИГУН

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ РОМАН

Рисунки И. ПЧЕЛКО

У Р А

ВСТРЕЧИ НА ГНИЛОМ ОЗЕРЕ

Капитан Афанасьев в связи с угрозой нападения карателей передислоцировал свою разведгруппу на запасную базу партизанского отряда «Смерть фашизму». Эта база располагалась на небольшом острове, заросшем гутым камышом и кустарником, посредине Гнилого озера, подступы к которому со всех сторон прикрывали болота, поросшие осокой и мхом.

Мало кто знал тайные тропы, ведущие к этому действительно гнилому озеру.

Находившийся в ста пятидесяти километрах от озера отряд «Смерть фашизму» действовал в основном на немецких коммуникациях. В его составе было триста двадцать пять партизан, и командовал ими Георгий Сергеевич Николаев, человек решительный, энергичный, коренастый, с умными голубыми глазами и пышной окладистой бородой.

Отряд поддерживал связь с партийным подпольем, находившимся в областном городе, и надежными людьми, работавшими на железнодорожном узле и в примыкавших к нему селах.

С помощью этих людей партизаны отряда осуществляли диверсии на железной дороге, уничтожали немецких солдат, офицеров и предателей, получали обширную и ценную информацию, добывали порой даже важные документы и приказы оккупационных властей и военного командования. Но недавно фашистская контрразведка разгромила городскую подпольную группу, и поэтому связь партизанского отряда с ней была прервана. Не было в отряде и своей рации. С таким трудом добытые важные разведданные теперь лежали мертвым грузом.

Узнав от связного под псевдонимом Рыбак, что на запасной базе уже поселился начальник разведгруппы капитан Афанасьев, Николаев очень этому обрадовался и ночью на легких санях в сопровождении двух партизан, вооруженных трофейными автоматами «шмайсер», лесными и полевыми дорогами направился к Гнилому озеру на встречу с ним.

Натолкнувшись по пути у одной просеки на немецкую засаду, уничтожив в короткой перестрелке нескольких солдат противника и благополучно скрывшись в лесу, Николаев со своими спутниками наконец на вторые сутки глубокой ночью подъехал к Гнилому озеру.

Оставив лошадей на попечение автоматчиков, он при помощи встретившего его Рыбака переправился по покрытому уже кое-где слоем тонкого льда озеру на остров, где и нашел в землянке капитана Афанасьева.

Неожиданный приезд Николаева обрадовал Афанасьева. Он тут же разбудил спавших на нарах своих товарищей и при свете самодельной керосиновой лампы представил их командиру партизанского отряда.

— Федор Николаевич, — протирая глаза, представился разведчик Дьяур.

— Иван Васильевич, — окинув ночного гостя суровым взглядом, без тени приветливости назвал себя и Карлышев.

— А я Георгий Сергеевич. Значит, познакомились, — пожимая руки разведчикам, улыбаясь, сказал Николаев. — А что это у него такой сердитый вид? — указывая на Карлышева, спросил он Афанасьева.

— Узнал недавно, что фашисты отца и брата сгубили. С тех пор ни разу не улыбнулся наш сибиряк, — пояснил Афанасьев. — Немцев видеть не может.

— Вот оно что... — сочувственно взглянув на разведчика, заметил Николаев и добавил: — Впрочем, ненависть к врагу — отличное качество для разведчика и партизана.

Присев на скамейку, Николаев обратился к Афанасьеву:

— А теперь давайте потолкуем, какая вам нужна наша партизанская помощь и чем вы сможете нам помочь, чтобы наладить надежную связь с Центром или командованием Красной Армии.

— Об этом и я хотел с вами поговорить, — тут же ответил Афанасьев.

— Товарищ капитан, поскольку у вас с Георгием Сергеевичем начинаются переговоры, разрешите нам с Дьяуром подышать свежим воздухом, — обратился к Афанасьеву Карлышев.

У нас от вас секретов нет. Правильно я говорю? — взглянув на Афанасьева, ответил Николаев.

— Закон конспирации не дает нам права на присутствие, — возразил ему Дьяур.

— Согласен. Идите погуляйте. Только курите в рукав, не демаскируйте базу, — отозвался Афанасьев.

Надев куртки и нахлобучив на голову меховые шапки, Карлышев и Дьяур вышли из землянки.

Холодный, порывистый северный ветер ударил им в лицо. Сверху большими хлопьями падал снег. Высоко в небе, порывисто гудя, летели на восток тяжело груженные немецкие бомбардировщики. Защищаясь от ветра, Карлышев и Дьяур подняли воротники своих курток, присели на лежавшее под сосной сухое бревно.

— Не люблю холод, — поеживаясь, заметил Дьяур. — Привык у себя в Молдавии к теплу...

— А для меня зима — одно удовольствие, — в свою очередь, признался Карлышев. — Я у нас в Сибири зимой две-три недели проводил в лесу на охоте. И ничего. Благодать. Особенно когда удачная охота. Знаешь, какое это удовольствие?

— Откуда мне знать? Я садовод. Идешь, бывало, по цветущему саду, кругом красотища такая, рассказать невозможно. И так хочется, вдыхая этот воздух, такой ароматный, жить и жить. Наслаждаться жизнью...

— Э... Да ты, Федор, оказывается, мечтатель. О хорошей жизни думать хорошо. Только для этого надо сначала фрицев уничтожить, перехитрить их так, чтобы у этой погани волосы дыбом стояли, чтобы мурашки по коже бегали и чтобы те, кто уцелеет, запомнили на всю жизнь, чтоб своим детям заказывали никогда больше к нам не соваться с автоматом в руках... — Карлышев хотел еще что-то добавить, но в это время из другой землянки выглянул Рыбак и позвал:

— Ребята, заходите ко мне, ухой побалую.

В просторной землянке, выложенной тесом, на железной печке-буржуйке в небольшом котле кипела уха. Ее приятный запах щекотал ноздри, нагонял аппетит. Сухощавый, лет пятидесяти Рыбак, с копной седых волос, орлиным носом, на котором ладно сидело пенсне, сквозь стекла которого блестели усталые ка-

Продолжение. См. «Огонек» № 21.

рие глаза, приветливо усадил перед собой разведчиков. На надетой на его крепкое тело не первой свежести рубашке выделялся коричневый галстук с черной свастикой посередине.

Ловко зачерпнув половником жирную юшку с кусочком рыбы, он протянул ее Карлышеву.

— По-моему, готова. Попробуй-ка. Если понравится, угощу. Только сначала покормлю начальство.

Карлышев взял половник, но вместо того чтобы пробовать уху, стал с удивлением рассматривать Рыбака, не спускал с него глаз и Дьяур. Заметив это, Рыбак надел фетровую шляпу явно немецкого происхождения и, хитро улыбаясь, спросил:

— Ну-с, на кого я похож в этом одеянии?

— Да... Как чиновник из гестапо, — выпалил Дьяур.

— Сними-ка лучше этот наряд, пока тебя в лесу свои не подстрелили,— отозвался Карлышев.

— Я в лесу в этом наряде не хожу. Мне голова моя еще пригодится. А это я специально для вас вырядился, чтобы вы оценили, на кого похож. Мне ведь через несколько дней в городе жить придется, в одном немецком учреждении работать, чиновником спецслужбы по вывозу в фатерланд музейных ценностей. А может быть, и денщиком немецкого офицера окажусь. Хочу знать ваше компетентное мнение, как я выгляжу. Похож на немецкого служаку?

— Так бы сразу и сказал. А то позируешь, «немчура», — упрекнул его Дьяур.

Карлышев хлебнул ухи из половника, не торопясь, со смаком разжевал кусок хорошо разваренной рыбы и, вытирая губы, заметил:

— В этом костюме ты натуральный фриц, чинуша немецкая. Пальто только нужно.

— И пальто есть, — ответил Рыбак и тут же надел демисезонное пальто с воротником, покрытым черным бархатом. Взяв в руки желтый пузатый портфель, он отошел от печурки, принял надменную позу, проговорил:

— Ну-с, а теперь как?

— Если язык не подведет, успех обеспечен, — заключил Дьяур.

— Язык не подведет. В Германии не один год работал. В школе пятерки зря, что ли, получал?

Г А Н

— Да что мы все о «нарядах» да «нарядах», — не утерпел Карлышев. — Пора и к ухе обратиться.

Но Рыбак, не обратив внимания на призыв разведчика, продолжал:

— Вот я и устроил вам этот спектакль. Чтобы лучше утвердиться в будущей роли. Похоже, экзамен выдержал.

Сказав это, Рыбак отошел в угол землянки, задернул ситцевую занавеску и через несколько минут появился в красноармейской форме, туго подпоясанный командирским ремнем, с правой стороны которого свисала кобура с пистолетом «ТТ». На груди блестел орден Красной Звезды. Ловко орудуя половником, он наполнил разукрашенные хохломской росписью две деревянные миски пахучей ухой, поставил их на кусок фанеры и, подхватив его, как заправский официант, пошел к выходу из землянки, говоря на ходу:

— Пойду покормлю начальство. А вы потерпите малость.

Минут через десять он вернулся с баклажкой в руках. Щедро угостил ухой Дьяура и Карлышева. Не обидел и себя. Налил разведчикам трофейного немецкого шнапса, заявив, что капитан Афанасьев разрешил выпить этого зелья в пределах наркомовской дозы, то есть не более как по сто граммов.

Вскоре после того, как разведчики охотно выполнили распоряжение капитана, превысив даже установленную норму, и столь же старательно опорожнили миски с ухой, в землянке появился Афанасьев и приказал:

— Товарищи Карлышев и Дьяур! Приготовьте и хорошо утеплите две землянки. Как стемнеет, к нам прибудет подкрепление. Об этом только что сообщил связник. И покормить прибывших надо будет.

— О пище позабочусь. На сколько человек? — спросил Рыбак.

— Готовьте человек на десять, ошибки не будет. Все съедим, — ответил Афанасьев, выходя из землянки. За ним поспешили Дьяур и Карлышев.

Далеко за полночь в лагерь прибыли усталые от трудного пути майор Максимов и раненная в ногу радистка Тоня. Их сопровождали дед Матвей, сержант Никодимов и два автоматчика. Капитан Афанасьев их приветливо встретил.

— Александр Иванович? А вам, случаем, не приходилось встречаться с особистом майором Максимовым? Я с ним работал, он опытный чекист. Это не ваш родственник?

— Нет, не знаю такого.

— Значит, однофамилец.

Оживился и Николаев, особенно после того, как увидел в руках деда Матвея брезентовую сумку с походной рацией. Прибывших накормили, разместили в теплых землянках. Не сидел без дела и Рыбак. Он умело извлек осколок из раны радистки и проворно забинтовал ногу. Оказалось, что когда-то Рыбак работал фельдшером в городской больнице.

— Повезло вам, девушка,— успокоил Тоню Рыбак.— Кость не задета. Полежите недельки две и сможете танцевать.

— Две недели? — огорчился Максимов.

— Хорошо, что так, мил человек. Могло быть и хуже,— рассудительно заметил Рыбак.

— Но я не могу так долго лежать. Мы прибыли работать. У нас важное задание,— преодолевая боль, еле сдерживая слезы, заявила Тоня.

— Тоня нам очень нужна,— глядя в упор на Рыбака, настаивал Максимов.— Мы не можем тут долго оставаться. Помогите нам.

— К большому сожалению, я не чародей. Поймите же, ноге нужен покой. Иначе знаете, что может случиться?

Исключая дальнейшую дискуссию, Рыбак надел полушубок и вышел из землянки.

— Ну что ж, придется смириться,— развел руками Максимов и добавил: — Успокойся, родная. Попробуй заснуть. А я схожу к Афанасьеву. Неотложные дела.

В командирской землянке Матвей Егорович неторопливо и обстоятельно рассказывал Афанасьеву и склонившемуся над картой Николаеву о том, как пробирался он со своими спутниками к Гнилому озеру. Вошедший в землянку Максимов прислушался к рассказу старика.

— Шли только по ночам,— размеренным голосом докладывал Матвей Егорович.— Населенные пункты обходили, питались всухомятку. Притомились, конечно, промерзли изрядно... На седьмые сутки стало невмоготу. Решили обогреться. А тут, глядим, в десяти километрах южнее Гнилого озера, около кромки леса здания леспромхоза...

— Они даже на карте помечены,— подходя к столу, указал Максимов.

— Целый день, кроме двух женщин, из этих домов никто не выходил,— продолжал Матвей Егорович.— Ну мы и решили... Вышли из леса — и к поселку. Только стали к нему подходить, как нас окликнули на ломаном русском: «Рус партизан, бросай оружие!» И как дали из автоматов! Ну мы, конечно, сразу назад, к лесу. А немцы — из миномета. Одного красноармейца наповал, а Тоню вот ранило. В лесу осмотрелись, из лыж убитого сварганили волокушу, положили Тоню на плащ-накидку и дальше двинулись. А немцы, известно, они леса боятся, за нами не пошли.

Так и добрались до Гнилого озера. Малость обогрелись у вашего связного — лесника, а ночью он нас к вам и переправил. Такие вот дела,— завершил свой рассказ дед Матвей.

— Спасибо вам, дедушка, за хорошую службу и точное выполнение задания майора Млынского,— поблагодарил Матвея Егоровича Афанасьев.— Идите теперь отдыхать.

— В этом есть большая надобность, с ног валюсь,— признался дед Матвей.

— А погибшего бойца жаль,— отрываясь от разостланной на столе карты и поглаживая свою бороду, заметил Николаев. Подумав, добавил:— У нас тут повсюду фронт, ухо надо держать востро, ошибаться нам не положено.

Присмотревшись к Николаеву, закрывшему свою пышную бороду рукой, дед вдруг воскликнул:

— Да вы ли это? Никак, наш секретарь горкома! Прошлую зиму к нам в леспромхоз проводить собрание приезжали?! С бородой вас теперь и не признаешь...

— Узнал, дед, узнал,— оживился командир партизанского отряда.— А за верную службу спасибо тебе от всех нас и подпольного горкома партии.

Дед Матвей выпрямился и, как бывалый солдат, ответил:

— Служим Советскому Союзу! — И добавил: — Вам спасибо, что анчихриста изничтожаете.— Приложив руку к треуху, спросил: — Разрешите идти?

— Идите, отдохните.

Максимов вынул из полевой сумки пачку папирос «Казбек», открыл ее и положил на стол:

— Угощайтесь, московские.

Афанасьев бережно взял папиросу, прикурил от самодельной лампы, глубоко затянулся, закрыв даже глаза от удовольствия:

— Настоящие, нашенские. Не то что фрицевские эрзацы.— Взглянул на Николаева.— Попробуй, секретарь.

— Я человек некурящий,— ответил Николаев, но все же взял две папиросы, положил их в карман гимнастерки.— Угощу своих замов. Стосковались они по нашим привычным, родным. Когда к нам в отряд привозят с Большой земли свое, советское, то ли оружие, то ли продукты, знаешь, какой это праздник для партизан!

Слушая Николаева, Максимов вынул из сумки еще две пачки папирос, протянул их ему, сказав:

— Ну, раз так, угостите своих партизан и передайте им сердечный боевой привет от командира отряда особого назначения майора Млынского и комиссара Алиева.

— Как они там? — спросил Афанасьев.

— Перед нашим уходом готовились прорываться через линию фронта. Ждали приказа из штаба армии.

— Прорвались уже, наверно. Млынский — командир опытный, волевой,— заявил Николаев.

— Прорвались, конечно,— подтвердил Афанасьев.— Ну а теперь, друзья, давайте о делах насущных.— Взглянув на Максимова, Афанасьев пояснил: — Мы тут с секретарем горкома скоординировали на ближайшее время действия нашей разведгруппы, партизанского отряда и городского подполья, которое надо восстанавливать и укреплять. И сведений для Центра у нас накопилось много. Твоя рация ой как нам нужна! Георгий Сергеевич утром уходит к себе в отряд, неотложные там у него дела, давай сейчас обсудим, как использовать рацию...

— Давайте обсудим,— согласился Максимов.— Только прошу сначала ознакомиться с письмом Центра.— И, вынув из-за пазухи опечатанный сургучными печатями пакет голубого цвета, он передал его Афанасьеву.

— Георгий Сергеевич! От тебя у нас секретов нет, всем руководит партия, прошу, посиди, послушай,— сказал Афанасьев, быстро вскрыл пакет, извлек оттуда вчетверо сложенные листы гербовой бумаги и стал читать:

Совершенно секретно

Ознакомиться только лично, после чего сжечь.

При угрозе захвата противником уничтожить.

Указание № 00250
Начальнику разведгруппы «Пламя» капитану Афанасьеву.

По имеющимся у нас данным, противник приступил к подготовке второго наступления на Москву. Примите срочные меры к сбору данных и немедленному докладу в Центр о движении частей противника на московском направлении, их вооружении, маршрутах переброски и районах выгрузки.

С помощью партизанских отрядов, подпольщиков и советских патриотов организуйте диверсии на коммуникациях врага.

Сообщите координаты удобной для вас площадки приема грузов с воздуха. Для пополнения вашей группы сбросим на парашютах радиста и разведчиков. Майора Александра Максимова и радистку Антонину Максимову через ваши возможности легализуйте в городе. Надежными легендами они обеспечены. Содействуйте проникновению их в Брайтенфуртскую разведшколу, которая готовит агентуру для ведения стратегической разведки на территории СССР. Сами, при первой возможности, возвращайтесь в город, ведите непрерывное наблюдение за действиями тыловых служб армии генерала фон Хорна.

До прибытия к вам радистки все собранные разведданные передавайте в Центр своим шифром через рацию Максимовой.

Свиридов.

— Теперь все ясно,— внимательно прочитав распоряжение Центра, задумчиво сказал Афанасьев.— Центр фактически подтверждает те наши планы, которые мы здесь выработали и согласовали с Георгием Сергеевичем. Через пятнадцать дней я должен вернуться в город, где меня ждет резидент «Фауст» и разведчица Анна. Наш разведцентр через свои возможности в Берлине продвинул меня на работу в заново созданную службу при Главном управлении тыла вермахта. На службу возлагаются обязанности: выявление, заготовка и мобилизация местных ресурсов на оккупированных территориях СССР в интересах вермахта и промышленности фатерланда.

— И промышленности тоже? — удивился Максимов.

— Чему тут удивляться? — ответил Афанасьев.— Немецкие концерны, работающие на войну, заинтересованы в металле и другом промышленном сырье. Десятки эшелонов везут с фронта в Германию на переплавку разбитую технику, металлолом, станки. В нашем областном центре специальные команды в поисках цветных металлов в уцелевших домах даже дверные ручки сняли. Вот какие дела.

— Да, дела...— подтвердил Максимов.

— Так вот,— подумав, продолжил Афанасьев.— Я в составе небольшой группы немецких офицеров и чиновников буду выполнять эту задачу в тылах армии фон Хорна. И не исключено, что через некоторое время Дьяур — вы его, наверно, уже видели здесь,— он хорошо владеет немецким языком, будет при мне в качестве адъютанта. Легенда у Дьяура проверенная, надежная. А вы, майор, с Тоней пока временно останетесь здесь на нашей базе и будете поддерживать связь с Центром. Связь с вами я буду держать через своего курьера, известного вам Рыбака.

— Рыбака? — удивился Максимов.

— Ну да. Он вашей радистке ногу обработал. Опытный медик. А сейчас он уже на пути в город. Его место там.

— Рыбак — отличный разведчик и прекраснейший человек,— уточнил Николаев.— Скорее умрет, чем проронит лишнее слово. Надежность стопроцентная.

— Возможно, что и я буду приезжать на базу. Должность моя это позволяет,— добавил Афанасьев.

— Ну это ни к чему. Рисковать не стоит. Береженого бог бережет,— возразил Николаев.— А если понадобится вот так,— провел ладонью под бородой Николаев,— мы сами к тебе кого-нибудь пошлем.

— Да и я смогу в город пробраться,— заявил Максимов.— Моя легенда тоже крепкая.

— Нет, этого делать я не разрешаю, тем более тебе. Когда все устрою, сам вызову и отправлю туда, куда укажет Центр. А пока твое место на острове. Ты тут будешь хозяином.

— Видишь, какой богач стал. Владелец целого острова,— улыбнулся Николаев и добавил: — Твое дело сейчас в Центр наши разведданные передавать. А мы, не беспокойся, тебя без информации не оставим. Вернусь к себе, распоряжусь, чтобы партизаны усилили сбор данных о переброске немецких войск на московском направлении. Будем ставить им палки в колеса. А еще лучше, если кое-кто из них попадет на тот свет, к господу богу.

— Это был бы оптимальный вариант,— улыбаясь, заметил Афанасьев.

— Будь уверен, мои ребята постараются помочь им в этом,— твердо заявил Николаев. Все дружно рассмеялись.

— Ребята твои не подведут, это я знаю,— сказал Афанасьев.— А все же, Георгий Сергеевич, для осуществления диверсий на коммуникациях врага следует использовать и ваше подполье и по возможности другие партизанские отряды, с которыми вы связаны. Впрочем, соответствующие указания они получат и от партийных органов и от штаба партизанского движения.

— Что касается партийных организаций и подпольных групп горкома партии, то, как мы и договорились, как только вернусь к себе в штаб, проведу бюро, и оно, как я полагаю, примет нужное решение. А вот что касается других партизанских отрядов, то давать им указание — компетенция подпольного обкома партии, с которым, к большому сожалению, у меня уже больше трех недель нет связи. Думаю, что теперь, когда у нас снова появилась радистка, эту задачу мы сможем решить через Центр.

— Надо непременно ее решить,— подтвердил Афанасьев.

— Но как это осуществить? Ведь радистка-то наша больна? — выразил сомнение Максимов.

— Больна не больна, а воевать приходится,— тут же возразил ему Николаев. И рассудительно пояснил: — Товарищ майор, наши коммунисты с начала войны, не жалея сил и самой жизни, делали и делают все, что могут, и даже больше, чтобы наносить фашистам максимальный урон. Ведем активную разведку, уничтожаем живую силу и технику врага, предателей не щадим, с населением работаем... Бывают и у нас потери, теряем дорогих товарищей. Особенно большие потери понесли наши партийные организации в первые месяцы войны. А мы все же голову не опускаем. Боролись и будем бороться. И будем делать все необходимое. Даже если это почти невозможно. Вот так. Вроде бы все обговорили. А теперь давайте решать, откуда будем вести радиопередачи с Центром. Материалов накопилось много, необходимо быстрее передать их в Центр.

— Как же их передавать, если радистка больна? — развел руками Максимов.— Не меньше двух недель предписал ей доктор лежать в постели...

— Ждать нельзя. Материалы нужны Центру,— жестко возразил Максимову Афанасьев.

Но Максимов не сдавался.

— Радистка уходить далеко от базы не может. Ранена она и ослабела. Неужели вы не понимаете? А вести передачи прямо отсюда опасно. Засекут немецкие пеленгаторы, потеряем базу.

— Товарищ майор, ждать больше нельзя ни дня. Может быть, наши данные помогут Красной Армии спасти десятки тысяч жизней советских людей, в какой-то степени задержать врага, рвущегося к Москве. Есть хорошая русская пословица: с миру по нитке — голому рубашка. Так и наша великая победа над врагом будет слагаться из миллионов и миллионов вкладов, которые будут вносить в нее красноармейцы, командиры, генералы, партизаны, подпольщики, работники тыла, — одним словом, весь народ. Я за то, чтоб с Центром установить связь сегодня,— закончил Николаев.

— Все это верно,— поддержал его Афанасьев.— Ждать больше мы не можем, не имеем права. Разведданные нужны Центру. Жизнь каждого из нас, особенно сейчас, когда решается судьба нашего народа, принадлежит Родине. И мы будем выполнять свой долг. Связь с Центром, несмотря ни на что, прямо отсюда, с этого острова, установим сегодня же ночью. Работать будем из землянки Тони. Я сам с ней переговорю.

— Но, товарищ капитан...— попытался еще что-то сказать Максимов.

— Довольно! — резко оборвал его Афанасьев.— Решение принято, обсуждению не подлежит.

— Ну что ж, Георгий Сергеевич, все вопросы мы обсудили, обо всем договорились, сейчас у меня к вам есть только одна небольшая просьба.

— Пожалуйста, говорите, я всегда рад вам помочь.

— Необходимо обезопасить нашу базу от всяких случайностей и неожиданностей. Ведь после того, как мы с нее начнем активно работать с Центром, она в какой-то степени будет засвечена. Немцы могут соблазниться и попытаться закрыть горло нашей радиостанции. С учетом этого я прошу вас дать указание своему штабу — усилить наблюдение за подходами к берегам Гнилого озера. В целях усиления охраны нашей базы прошу прислать на остров пять-шесть партизан-автоматчиков. Давай подумаем, где нам лучше создать для разведгруппы новую базу, потом обменяемся мнениями и примем решение.

— Товарищ капитан, все постараюсь сделать наилучшим образом. На остров я пришлю вам взвод автоматчиков и двух пулеметчиков с «максимом». Взводом командует лейтенант Горохов. Отчаянный парень, отлично знает эти места, они вместе с вашими двумя автоматчиками будут составлять гарнизон острова. Пусть числом невелик, зато с высоким моральным духом. Лейтенанта в случае крайней необходимости можно использовать в качестве проводника, чтоб добраться до основную базу нашего отряда.

— Спасибо, дорогой Георгий Сергеевич. А сейчас, поскольку время вышло, мы с майором Максимовым проводим вас к причалу. По дороге дополнительно отработаем некоторые детали нашей с вами бесконтактной связи.

Договорившись с Георгием Сергеевичем о том, чтобы партизаны усилили охрану базы, которая может быть засечена радиоперехватчиками немцев, Афанасьев встал из-за стола, сложил карту, сунул в планшетку, чиркнул зажигалкой, поджег письмо и конверт, доставленные майором из Центра, и, когда они сгорели, растер руками пепел и бросил его в буржуйку. Убедившись в том, что огонь поглотил пепел, Афанасьев надел летнюю куртку, подбитую мехом, шапку и, взяв в руки автомат, вслед за Николаевым вышел из землянки. Поспешил за ними и Максимов.

На острове гудел ветер, играя сухими листьями камыша, голыми ветвями деревьев, раскачивая сосны, облепленные пушистым снегом, с которых время от времени падали комья, глухо ударяясь о покрытую снегом землю.

Охранявший землянку боец вскинул карабин, поприветствовал Афанасьева, Николаева и Максимова. Они откозыряли ему и все вместе направились к причалу. Идти было трудно. Ноги проваливались в рыхлый снег.

Одетый в дубленый полушубок, обутый в рыбацкие юхтовые сапоги, Николаев поглубже натянул на уши шапку и с немецким автоматом «шмайссер» за плечами быстро пошел вперед. Подходя к причалу, он оглянулся и, обнаружив, что Афанасьев и Максимов отстали от него метров на триста, вынул бинокль и стал внимательно осматривать восточный берег Гнилого озера.

— Георгий Сергеевич, что вы там обнаружили? — подходя наконец к Николаеву, спросил Афанасьев.

— Умело, стервец, ведет катер этот «Леший»,— как бы отвечая самому себе, размышлял вслух Николаев.— И ледяная корка ему нипочем. Взгляните-ка в бинокль. До войны, после службы на флоте, он работал здесь в артели — рыбу ловил и слыл отчаянным парнем. Чего только не вытворял! А как грянула война, сразу преобразился. Отличный получился партизан. На его счету уже двадцать пять уничтоженных фрицев. И приказы выполняет образцово. Не спешит, но и не опаздывает. По его поведению хоть часы выверяй. Вот и сегодня... Смотрите, когда к причалу прибудет: я приказал ему подать катер к одиннадцати ноль-ноль. Взгляните на часы, когда пришвартуется.

Глядя в бинокль, Афанасьев видел, как, подпрыгивая на волнах и разбрызгивая сверкающие на ярком солнце льдинки, оставляя за собой белые буруны, к острову мчался катер.

В носовой части за рулем в морской форме сидел крепкий мужчина, сзади, держась за его широкие плечи, стоял какой-то старик. Его окладистая седая борода развевалась на ветру.

— Вот несутся! Как морские асы! — не скрывая восхищения, воскликнул Николаев. Подумав, добавил: — Он мне уже дважды жизнь спас. Один раз в бою, а второй раз вытащил меня из этого Гнилого озера, когда я, выбившись из сил, тонул тут.

В это время катер круто развернулся и, разрезая рыхлую кромку льда, пришвартовался у причала. Афанасьев взглянул на часы, стрелки показывали одиннадцать.

Из катера спрыгнул на пирс как будто вылитый из бронзы, широкоплечий парень двухметрового роста, лет двадцати пяти, и, подойдя к Николаеву, по-военному приложил руку к морской фуражке, и густым баритоном отрапортовал:

— Товарищ командир партизанского отряда. Катер по вашему приказанию подан. Обстановка на восточном берегу нормальная. На рассвете мною с лесником Трофимовым задержан немецкий летчик со сбитого бомбардировщика. Второй летчик убит в перестрелке. Докладывает старшина первой статьи Николаев-младший.

Георгий Сергеевич дружески похлопал старшину по плечу, пожал руку подошедшему леснику, познакомил прибывших с Афанасьевым и Максимовым.

— Почему Николаев-младший? — тихо спросил у лесника Афанасьев.

— Это же Сергей, родной сын Николаева, нашего секретаря горкома.

— Вот оно что,— пробормотал Афанасьев. И, подойдя поближе к моряку, спросил: — А где же пленный летчик?

— Хотел было убежать. Да я его настиг и малость оглушил. Весь увешан крестами и еще какими-то знаками. Видно, какая-то важная птица. Мы руки ему связали и посадили в баню. А охраняет его жена лесника.

— А он не убежит?

— Что вы! Мария белке в глаз с первого выстрела попадает. Сторож надежный.

— Ну что ж, поздравляю с удачей,— приветствовал моряка Афанасьев и крепко пожал ему и леснику руки.

— Батя, запишите на мой счет еще одного отправленного на тот свет фрица. Не сдавался, как я его ни уговаривал. Пришлось пристрелить,— обратился к отцу Николаев-младший.— А пленного летчика считайте за лесником.

— Хорошо, запишем,— приветливо глядя на сына, согласился Николаев. И, обратившись к Афанасьеву, он попросил: — Выдели-ка нам переводчика. Пленного немца допросить следует, а у нас никто толком языка не знает. Так я через два часа пришлю за толмачом Сергея. Лады?

— Лады,— подтвердил Афанасьев.

Взглянув на мокрые ботинки Афанасьева и Максимова, Николаев покачал головой и, не скрывая удивления, спросил их:

— Вы что же, друзья, в такой обувке воевать в наших снегах собрались? Замерзнете в них, как мыши полевые. — И, не ожидая ответа, распорядился, обращаясь к сыну:

— Сергей! Как до лагеря доберемся, напомни мне. Я им такую обувь пришлю, что в ней и на Северном полюсе будет тепло.

— Есть напомнить,— подтвердил приказание Сергей, откозырял и прыгнул в катер.

Вскоре катер, лихо выведенный Николаевым-младшим на свежую воду, с Николаевым и лесником, набирая скорость, мчался уже к восточному берегу озера.

Афанасьев и Максимов пристально и долго смотрели ему вслед, пока катер не скрылся за мысом.

Продолжение следует.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

Диковинный, неправдоподобный случай.

В огромном асфальтово-стеклянно-бетонном, бензиново ревущем, безумно, устрашающе мчащемся вверх, вниз, во все стороны городе на светофор опустился... пчелиный рой. И все — ни красного, ни зеленого, перекрыты все «драйвы» и «хайвеи». Замерли, уткнулись друг в друга сотни и тысячи железных зверей, застыли на кожаных сиденьях десятки тысяч людей. Ждут, нервничают, теряют время... Или, быть может, наоборот, — само время остановилось, чтобы не один, не десять — опомнились бы, наконец, все они: куда же и зачем дико несутся, ничего и никого не жалея, не видя даже самой цели, к которой устремлены?

«Едем, а дорожное происшествие никак не забывается, не улетучивается, оно по-прежнему занимает наши мысли. Что же все-таки было? Тот светофор, увенчанный роем пчел, облепленный их живой гроздью, он, определенно, может быть воспринят как некий знак, причудливый символ, иероглиф, который возник неожиданно на перекрестке дорог, чтобы встретить всех вас, без удержу мчащихся в жажде бешеных скоростей, не успевающих думать, вечно погруженных в суету сует... Знак, символ? Но как его расшифровать? Своего рода предостережение скоростям, смогам, дымам, власти железа и чада? Или взывает оно прежде всего к нам самим, напоминая о ценностях, которые до конца еще не осмыслены и которые могут быть утрачены легкомысленно и навсегда?»

Происшествие это случается буквально перед самым концом нового романа Олеся Гончара «Твоя заря» — произведения, проникнутого, как всегда у Гончара, высокой романтикой, насыщенного символикой и одновременно строго реалистического. И вдруг — это фантастическое видение, обретающее пророческий смысл: ведь гибнет, навечно исчезает где-то над планетой вместе с серебристым лайнером главный герой романа, дорогой автору и читателям человек, воплощение лучших чаяний — Кирилл Заболотный...

В романе две части. Название второй, как мы видели, оказывается многозначительным — «Перед светофором». Первая названа «Путешествие к Мадонне».

Это путешествие по американской земле совершают трое: Лида, дочь сослуживцев Кирилла Петровича, сам Заболотный, дипломат немалого ранга, и друг его детства, профессор-эколог, от чьего имени ведется повествование. Они едут, прослышав о неведомой «славянской Мадонне», выставленной недавно в одном из музеев и сразу ставшей сенсацией; едут приобщиться к прекрасному, но еще и в надежде прикоснуться к своей юности.

Когда-то Художник, негаданной судьбой явившийся в их родное село Терновщину, запечатлел знакомую им хуторянку, возвел Надьку Винниковну в перл создания,— это и они, безыскусные хлопцы, смогли почувствовать. И до сих пор, через давние годы, согревает им сердца тот светлый образ:

«Вся будто окутана была тихим сиянием материнской любви и преданности, взгляд ее опущен вниз, к прильнувшему к ней ребенку, а листва и яблоки над ней нависают таким венком, точно уродило яблоками все небо и роса вот-вот начнет капать с них, прозрачная, окрашенная цветом утренней зари...»

...Несколько сот миль — это, можно сказать, не расстояние для того континента с его превосходнейшей ультрасетью дорог, так что путешествовать там вроде бы одно удовольствие. Но только в первый момент «хайвей» приносит ощущение свободы, независимости: «здесь ты равен всем, кто летит, одолевает пространство», как говорит Заболотный. Скоро же стальная армада захватывает в свой неудержимый ритм, безликий поток машин начинает угнетать, бесконечно тянущиеся по сторонам смрадные дымы индустриальных колоссов навевают уныние, стесняют и взрослое и детское сердце, — то-то беспокойно оглядывается Лида, подозревая, что кто-то недобрый преследует их... И невольно душа просит иного, ясного, теплого, что действительно перекликалось бы с сокровенными словами Гоголя, которыми писатель предваряет роман: «Какое странное, и манящее, и несущее, и чудесное в слове: дорога! и как чудна она сама, эта дорога...» И уплывает память в прошедшее, в воспоминания, — «догонять лета молодые», как певалось когда-то. И вот наперебой Кирилл Петрович и Яков Петрович складывают картину рассветной поры своей жизни.

Заповедная страна детства — она всегда предстает в памяти прекрасной. Но Лида как настоящую сказку воспринимает чарующую явь ковыльной степи, цветущих яблоневых садов, купальское огнище в синих сумерках левад, волшебную дорогу, по-вдоль которой добрый человек Роман-степняк выкладывает парнишкам угощенье и несказанную красоту — неземной прелести яблоки. А если даже рассказ переходит на короткую судьбину лихого парубка, забияки и сорви-головы, так и кончившего тем, что сорвался он с поднебесной высоты, — как сравнить эту печальную сагу с тем, что довелось пережить ей здесь, в Америке: какой-то маньяк пытался подстрелить их, детей сотрудников нашего представительства, и Лида слышала жуткий посвист пули около своей головы. Где сыскать ей столь же животворящие, просветляющие впечатления, какими с детской поры преисполнены ее спутники, когда только что они стали свидетелями, как ушли из жизни двое молодых людей, их мимолетные, но такие симпатичные попутчики: их автомобиль по неизвестно какой причине выбросило на металлическую сетку, которой отгородились от шоссе частные владения... А бесстрастный голос по приемнику доносит вести еще более трагические.

Это не значит, как хорошо известно, что детство Заболотного и его товарища было безоблачным, что память подсказывает им только пасторальные мотивы. О, ничуть не забыли они постоянного унижения нуждой, нищего существования, черной зависимости от богатеев-хуторян. Не минули их и суровые страсти новой эпохи — вечно помнят и стыдятся, что пришлось им, юнцам, быть заодно с «перегибщиком» Миной Омельковичем, «оправдывать» гордое звание пионеров бессовестным участием в «раскулачивании», — и мало того, что Роман-степняк был лишь середняком, а его внучка — их верной подружкой, он-то ведь и открыл им людскую доброту, научил видеть в природе друга и соратника, прививал их душам возвышенную самоотверженность.

Все это они без утайки выкладывают не по годам серьезной девочке, вместе с Лидой подвергая свою совесть недетскому суду: из прожитого нельзя убрать ни одной ступеньки лестницы, по которой человек совершает восхождение к своему предназначению.

«Это верно, были полеты, были и приземления... Порой смеялись над тем, над чем не стоило бы смеяться. Преклонялись перед тем, что не выдержало потом испытания правдой суровой... Сквозь дебри заблуждений, сквозь горечь ошибок и потерь приходилось продираться людям нашего поколения, а, что ни говори, движение все же шло по восходящей! К прозрению, к истине или, образно говоря, к открытию каждым своей Мадонны...»

Но вот «славянская Мадонна» оказалась сокрытой пред ними, — нашелся еще один маньяк, ради геростратовой славы поднял он на полотно руку, вооруженную ножом: чужая действительность постоянно зажигает на их пути красный свет... Только — чужая ли? Чуждая — да. Но больно сжался за последние годы земной шар, все сблизили разбежавшиеся по континентам «хайвеи», разлетавшиеся над материками серебристые лайнеры, поднявшиеся в космическую даль спутники. Сблизились географические точки — должны сближаться и точки человечного, гуманного соприкосновения разных народов. Люди не могут, им теперь просто не дано оставаться чужими друг другу.

...Да, было время — и есть время. Каждое поколение преодолевает свои трудности, закаляется в своих испытаниях. Поколение Заболотного с честью, со славой вынесло на своих плечах то, что ему было предназначено. Но Лида — это их, это наше будущее, и ему надо дать свершиться, его необходимо защитить. Вот что волнует писателя, недаром же выбрал Гончар в спутники девочке дипломата и эколога — людей, от деятельности которых в наибольшей степени зависит, чтобы планета не стала свидетелем новой и тогда уже смертельной для всех войны, чтобы установились мир и согласие между человеком и матерью-природой.

Однако, какой бы важной ни была профессия, — воплощают ее человек, люди. А люди разные, разные во все времена. Дударевич, отец Лиды, тоже дипломат, — но разве сможет он заменить Заболотного, хотя и почти наверняка займет его пост? Дело свое он знает и делает его, по видимости, хорошо, но исполняет-то доверенное дело этот Дударевич прежде всего ради утверждения собственного «я». Оно ему ближе всех на свете вместе взятых, и это свойство надежно, лучше норм дипломатического протокола позволяет Дударевичу оставаться безучастным к тревогам и радостям, надеждам и их крушениям дальних и ближних своих. Одно лишь и повергает его в недоумение: как же удается-таки постоянно оставлять его позади на служебной дорожке Заболотному, то и дело вредящему себе своей неугомонностью?

Ну ладно, в войну, по молодости лет, махнул на «кукурузнике» в свою только что освобожденную Терновщину — в результате гауптвахта, сам себя человек, можно сказать, лишил звания Героя. Но теперь-то? Вот пощечину влепил — хоть заслуженную, но на официальном банкете. А когда они вместе ехали в отпуск и Заболотный подобрал без свидетелей сбитого кем-то на шоссе и брошенного механизатора, — тут ведь он подводил под удар и его, Дударевича: поди докажи кому-либо, что это сторонних рук злодейство!..

Ненароком, иногда даже как бы мимоходом возникают в романе подобные эпизоды из жизни Заболотного, выстраиваясь в цепочку характера самозабвенного и неукротимого, обходительного, но неуклонного, когда дело касается не его самого, а другого человека, посторонних, казалось бы, людей. Вот и в последнюю командировку он отправился по зову долга, хотя имел много оснований отказаться, — но сердце и совесть всегда велели ему «жить на пределе».

...Перевернута последняя страница романа, но еще долго душа тревожится от хмурых слов Кирилла Петровича Заболотного:

«Леса планеты, разве такой они требуют заботы? Реки, которые раньше называли пречистыми, какие они теперь... Есть поступки, которые ныне должны восприниматься как коллективный грех человечества, только так! И каждый из нас должен взять на себя частицу искупления, каждый должен проникнуться мыслью, что ты часовой планеты, отвечаешь на ней за всех и за все, иначе... иначе...»

Да, леса уступают свое место, реки мелеют и скудеют, а человечеству требуется все больше и больше от их богатств. Человечество растет, и людям приходится держать все ответственнее экзамен на право называться людьми. Пока еще далеко не всякий сможет занять место Кирилла Заболотного — «часового планеты».

Роман Олеся Гончара «Твоя заря» и настойчиво предупреждает об этом, и вселяет непризрачную надежду, что люди найдут силы и возможность оправдать высокое, но такое ответственное имя Человечества.

Д. ИВАНОВ

Олесь Гончар. Твоя заря. (Перевод с украинского Н. Котенко и К. Григорьева.) «Дружба народов», №№ 11, 12, 1980.

ПО ГОРОДАМ И СТРАНАМ

ЕСЛИ СИЛЬНО ЗАХОТЕТЬ

Владимир ЕРЕМЕНКО

1

Советские и финские писатели решили создать книгу «Москва—Хельсинки». Вслед за своими коллегами я прибыл сюда, чтобы написать очерк. Условия демократичные: сам выбирай себе тему. Однако название книги настраивало на поиски связей между нашими столицами, и я, не мудрствуя, отправился по маршруту, которым ездят наши туристы. Туристов возят, а я, пользуясь отличной погодой, пошел пешком. В Хельсинки несколько мемориальных памятных мест, где жил Владимир Ильич, и я начал с них.

Дом № 7 на тихой улице Виронкату. Тут все осталось почти таким же, каким было в начале века. На фасаде мемориальная доска с барельефом Ленина, которая извещает, что Владимир Ильич был здесь в ноябре 1905 года. Возвращаясь из первой эмиграции в Россию, где уже началась революция, он сделал короткую остановку в Хельсинки и ночевал на квартире Гуннара Кастрена.

Оглядываю улицу Виронкату, и первое ощущение такое, что нахожусь где-то на Васильевском острове в Ленинграде. Те же старые добротные дома с гладкими безбалконными фасадами, остатки каменной мостовой, трамвайные линии...

Под эту арку во двор входил Ленин. Возможно, и тогда была такая же отличная зимняя погода. Крыши домов занесены снегом, а сквозь рваный горизонт города слепит желанное северное солнце...

Уже одна эта дивная погода приближает меня к тому грозовому времени, когда только начинался последний век второго тысячелетия, и заставляет тепло думать о человеке, которому суждено было так круто повернуть историю.

Вхожу в тихий, безлюдный двор и подымаюсь по чистой лестнице на площадку второго этажа. Сюда в ноябрьские дни семьдесят пять лет назад поднимался Владимир Ильич. Останавливаюсь перед дверью. Здесь он жил... Надо подождать: может, кто выйдет. Нет, тишина... Беспокоить не решаюсь. Сейчас тут чья-то частная квартира.

Из окна лестничного пролета видны здания того же стиля. Посмотрел в колодец двора. «Вокруг ничего не менялось»,— заверили меня. Значит, он видел все это. Осторожно спускаюсь вниз, боясь потревожить время, которое будто переводило дух в этом тихом хельсинкском дворике.

Еще раз задержался у мемориальной доски, и на меня, словно в кино, разрастаясь, стали наплывать цифры «1905»...

Ленину было всего тридцать пять лет. Только тридцать пять... Через несколько дней в Москве начнется Декабрьское вооруженное восстание. Он спешит...

Меня поразила молодость вождя. Только тридцать пять, а для меня Ильич всегда был мудрым стариком. Видно, эта ленинская вневозрастная власть ума заставляла называть его «нашим стариком» в подполье и эмиграции. А ведь он был очень юным человеком.

Это удивление не покидало меня весь день, пока я бродил по Хельсинки. Столица Финляндии не Москва, и ее за день можно обойти почти всю. Побывал на улице Лийсанкату у дома № 19. Здесь Владимир Ильич неоднократно останавливался на квартире помощника библиотекаря библиотеки Хельсинкского университета В. М. Смирнова. Потом отправился в район улицы Вуоримиехенкату и осмотрел дом № 35, где весной 1906 года Ленин жил некоторое время у студентов Севери Аланне и Вяйне Хаккилы.

Здесь тоже мало что изменилось. Районы старые, и он мог видеть эти же серые, кирпичной кладки дома, узкие мостовые и запорошенные белые бульвары с вековыми деревьями. Сколько прошумело с тех пор над миром событий и катастроф — две страшнейшие мировые войны, революции и контрреволюции, а этих тихих уголков финской столицы почти не коснулось время.

«Жизнь суетна, время вечно»,— думал я, когда отправился к другому ленинскому месту, в район улицы Ластенкодинкату. Здесь открывалась Четвертая конференция РСДРП, и мне опять хотелось заглянуть в то далекое время. Конференция проходила в помещении рабочей столовой табачной фабрики в ноябре 1907 года. Владимиру Ильичу было тридцать семь. И опять то же время года— ноябрь...

Последний раз В. И. Ленин был в Хельсинки через десять лет, в 1917 году, перед Октябрьской революцией. Он жил и здесь, в квартире машиниста Артура Блумквиста, в доме № 46 на Тэленкату. Тогда ему шел уже сорок восьмой, только сорок восьмой. За его плечами десятилетия подпольной борьбы: ссылки, эмиграция, лишения и блестящая ленинская теория социалистической революции, первого в мире государства рабочих и крестьян, практическое претворение которой начнется через несколько месяцев на нашей планете.

2

Путешествие по старому и новому Хельсинки сыграло со мною странную шутку. Перекочевывая из одного конца города в другой, я одновременно перемещался и во времени. Начало двадцатого века, которое мне виделось через пребывание Ленина в этих местах, было рядом. Я ощущал его через прикосновение к старым поручням лестниц, слышал его, когда шел по каменной мостовой и глядел на заснеженные бульвары.

Россия и Финляндия рядом... И я знал, что теперь на меня будут лавиной идти события и факты из прошлого и настоящего.

На следующий день не было ни солнца, ни высокого неба над Хельсинки, а лепил снег с дождем, подхватываемый порывами ветра с моря. Через улицу от моего отеля, в непосредственной близости от величественного здания парламента, которое будто сторожили громоздкие бронзовые фигуры бывших президентов Финляндии, открывали памятник президенту Паасикиви. Когда упало белое покрывало, перед толпой горожан, запрудившей небольшую площадь, на постаменте предстали две гладко обтесанные глыбы из темно-серого гранита. Лишь при хорошем воображении они могли напомнить торс человека. По замыслу скульптора Кивияраи, глыбы символизировали два континента. Тот, что поменьше,— Европу, а побольше — Азию. Малое пространство между глыбами — Финляндия. Она соединяет неспокойные континенты.

Над площадью гремят речи политических деятелей. Из перевода финки Раи Рюминой, которая любезно помогает мне знакомиться со своим городом, через хрипы динамиков и порывы ветра улавливаю слова о великой миссии Паасикиви: «...сближение Запада с Востоком... мир... понимание... доверие».

Мэр столицы говорит о линии Паасикиви—Кекконена, о духе Хельсинки, о добрососедских отношениях стран, объединенных одной границей. Снег, дождь, порывы ветра, грохот динамиков и понятные даже без перевода слова... Я опять в полосе фактов и событий Финляндия — СССР.

Возвращаюсь с митинга, и на меня с витрин и рекламных щитов смотрит одухотворенное лицо Ильи Ефимовича Репина. В Хельсинки выставка его работ...

Вечером смотрю фильм о жизни финского писателя Майю Лассилы, известного в нашей стране по роману «За спичками». На экране Петербург конца девятнадцатого века. Молодой Лассила говорит по-русски. Вместе с друзьями-народовольцами клянется наказать тирана России и Финляндии...

А в номере гостиницы опять Россия. Поворачиваю ручку радиоприемника, и комнату заливают родные звуки вальса «Амурские волны». Финское радио передает концерт русской духовой музыки...

А утром иду на открытие рождественского праздника на Александровской улице. Она показалась одной из самых красивых в столице: гирлянды цветных лампочек, огромная нарядная елка.

Была суббота, и хельсинкцы с детьми на плечах вытеснили все автомашины с улицы в проулки. Осталась одна, и из нее доносился уже знакомый мне голос мэра Хельсинки.

— У нас есть поверие,— говорю Рае Рюминой.— Если человека слышишь дважды, то на третий обязательно увидишь.

— Господина мэра мы увидим в день вашего отъезда из Хельсинки.— И она передала мне карточку с приглашением на прием и обед в мэрии.

Я не удивился.

С последними словами мэра вспыхнули яркие россыпи лампочек. Раздался восторженный гул одобрения.

...Заканчивался рождественский обед общества коммерсантов Александровской улицы, и меня представили совсем молодому высокому господину — Илкке Арволу. Я удивился, узнав, что он директор столь знаменитого универмага. И тут же удивился еще раз, когда он свободно заговорил по-русски.

После полуторачасового обеда, где звучала только финская речь, я попал в родную стихию.

— Вы учились в Советском Союзе?

— Нет.

— Жили у нас?

— Нет.

— Где же вы так хорошо изучили русский?

— В Финляндии. В этом году я впервые побывал в Москве — вел переговоры о поставках товаров. Я изучал русский, учитывая широкую перспективу торговых отношений с Россией...

Беседа закончилась в его кабинете. Вручая мне проспект товаров своей фирмы, Арвола улыбнулся:

— Покупайте только у нас, и ваше благополучие обеспечено.

3

А рождественские праздники в Хельсинки набирали силу. Меня пригласили на вечер в издательство «Отава». На следующий день был на торжествах еще одной улицы — Эспланады. Деловые люди поздравляли друг друга, пили традиционный горячий глек (напиток из вина с изюмом), вели беседы и жаловались, что без представителей прессы, которые продолжали бастовать и требовать повышения заработной платы, такие торжества скучны. Деятели искусства ругали работников телевидения, которые не поддержали журналистов, и агитировали купить

билеты на концерт, который они организовывали в помощь бастующим. Его решили провести в лучшем здании столицы, дворце «Финляндия», где в 1975 году главы государств подписали Заключительный акт хельсинкского Совещания. Билеты были дорогими, но мы с переводчицей тут же решили поддержать доброе дело.

Через два дня на этом прекрасном концерте, в котором приняли участие лучшие артистические силы Финляндии, я наслаждался очарованием русской песни в исполнении популярной актрисы Шведского театра и смотрел зажигательный русский перепляс финской танцевальной группы.

Интуиция подсказывала мне, что теперь уже до конца пребывания в Хельсинки буду находиться в «силовом поле» притяжения наших стран, финской и русской культуры. Буду обязательно, даже если не стану прилагать никаких усилий.

Так оно и было. В воскресный день, пользуясь вновь установившейся отличной морозной и солнечной погодой, поехал за город и там попал в усадьбу-музей финского художника. И опять Россия. На стенах фотографии и портреты Горького, Репина, Шаляпина... Мои соотечественники побывали здесь намного раньше. Вечером бродил по городу и видел рекламу об открытии выставки Ильи Глазунова.

Родина все время рядом, но интуиция подсказывала, что со мною непременно должно произойти нечто более значительное. Не произойти не могло. Я, как материалист, знал, что количественные накопления обязательно завершаются качественным скачком. Мне оставалось только не прозевать его.

Для совершения скачка оставалось три дня, и я был начеку. Вечером перед сном, подводя итог дня, пытался угадать, где же это произойдет. Предстояли два запланированных мероприятия: открытие выставки Глазунова и прием у мэра города.

Погасив свет, продолжал думать о трех оставшихся днях, как вдруг мысли перескочили, и я увидел себя на рождественском вечере в издательстве «Отава».

С бокалами горячего глека (а иные и кое с чем покрепче) люди шумно бродят по комнатам издательства. Рая Рюмина уже перезнакомила меня с доброй половиной гостей. Разговоры, обмен визитками...

По пути еще одно, последнее знакомство. В моей памяти оно сохранилось в фрагментарной чистоте. Передо мною, покачиваясь с носков на пятки, красивый мужчина средних лет. Он повторяет: «Осем, осем».

— Это первые русские слова, которые господин Никколо Похтола узнал в России,— переводит Рая.— Восемьдесят восьмой — был его номер в гостинице «Москва». Тридцать лет назад.

— Тогда я был молодым и... самонадеянным... — добавил Похтола.

Уже уходя, услышал фразу, что Никколо был в Волгограде. Но не придал ей значения. Почти все туристы бывают там... Но сейчас, на грани сна и яви, в моей памяти вдруг всплыли его слова, что он жил в гостинице напротив универмага. Это явно относилось к послевоенному Сталинграду, потому что он, кажется, говорил о Паулюсе...

Значит, тридцать лет назад он был в моем разоренном городе. Тогда только начал отстраиваться центр, и, конечно, он жил в старой двухэтажной гостинице «Интурист» напротив еще разбитого универмага, где пленили Паулюса и его штаб. Никколо тогда было немногим больше двадцати. Он, видно, мой ровесник... Мы могли встречаться...

Мысли неслись стремительно. Конечно, могли. Я работал в областной газете и часто писал о делегациях.

Меня уже относило в мою молодость, на тридцать лет назад, в родной Сталинград.

Утром проснулся с той же радостной мыслью о встрече со своей молодостью. Разыскал визитку Никколо Похтолы и узнал, что он главный редактор популярного иллюстрированного журнала «Суомен кувалехти». Этот красочный еженедельник более чем в сто страниц я видел во многих киосках и магазинах Хельсинки. Тем лучше. Возьму у коллеги интервью из пятидесятых годов. И я уже еле сдерживал свои мысли, которые, как застоявшиеся кони, неслись по старой, наезженной дороге.

Позвонил Рае и попросил договориться с Никколо о встрече.

— Готов на любой час,— испуганно закричал в трубку, когда Рая стала говорить о продолжающейся забастовке и трудностях связаться с редакцией журнала.

Первую половину дня провел в ожидании звонка. За окном хлестал противный дождь, теперь уже без снега. Смотрел на молчавший телефон, и мое хорошее настроение потихоньку прокисало. Чтобы не скукситься совсем, стал готовить вопросы для интервью. Получалось очень забавно, по крайней мере для меня. После первых вопросов: что за делегация, в которой был Никколо, и каковы ее цели — пошли другие. Я хотел знать, как тогда, тридцать лет назад, ощущал себя мой интервьюируемый. Что он думал о себе и мире? Каковы были его надежды и желания в личной жизни и надежды и прогнозы на жизнь в Финляндии, в Европе?.. Что произойдет с миром? Приходила ли ему тогда мысль заглянуть на три десятилетия вперед, и если приходила, то что сбылось, а что нет? Что случилось с ним с тех пор?

4

В подъезде редакции журнала «Суомен кувалехти» нас с Раей встретили пикетчики. Но, видно, признав, что мы ничем не угрожаем их борьбе, пропустили.

— Угощаю их пивом и кофе,— шуткой встретил нас Похтола.— Иначе и меня бы не пустили в редакцию...

Его словам гулко вторило пустое здание. Это уже был не тот веселый и беззаботный человек, которого я встретил на рождественском вечере. Он тревожно говорил о забастовке.

— Если профсоюз не договорится в эти дни с издателями, то забастовка может продлиться несколько месяцев... Но у меня хорошее предчувствие.— Разливая кофе, Похтола впервые улыбнулся.— Она кончится восьмого января...

— Через пять дней? — удивилась Рая.— Почему?

— Я загадал вчера. А сегодня ваш звонок... И эта встреча...

Мы еще поговорили о забастовке. Главный редактор сокрушался, что уже не вышло три номера и материалы от зарубежных корреспондентов растут, как снежный ком.

— У нас корреспонденты в Москве, Нью-Йорке, Лондоне, Мадриде, Австрии, Греции...

— А в Москве на вас работает индийский журналист?

— Да-а...

— Я знаю его. Перед поездкой в Индию встречались. Еще удивился, почему индиец пишет для Финляндии.

— Очень просто. Он хороший журналист,— замечает Похтола.

Дальше разговор вновь обрывается. Никколо весь в сегодняшних заботах, а я все еще там, в Сталинграде: тушу пожары, хороню убитых и умерших от ран и каждый день жду, что такое случится и со мною, потому что войне нет конца. Пришла она к нам на Волгу жарким летом, а уже жмут крещенские морозы, и мы, горстка жителей в рабочем поселке на окраине Сталинграда, умираем от голода, ран, страха и холода...

Голос Похтолы вырывает меня из военных сороковых, но я тут же попадаю в тревожные пятидесятые.

— Мир тесен,— говорит он.— А мы думаем, что мир большой. Вы знаете нашего корреспондента. С вами встречались в пятьдесят первом в Сталинграде, а сейчас в Хельсинки...

Мы уже выяснили, что Похтола приезжал тогда по приглашению Антифашистского комитета советской молодежи. Он был студентом Хельсинкского университета. Делегация присутствовала на первомайских празднествах в Москве, а потом отправилась в наш город.

Никколо вспоминает детали, а я взволнованно уточняю их.

— Самолет летел низко, и видно было, как крестьяне работали в поле.

— Это был «ИЛ-14». До Сталинграда он плюхал почти три часа...

— Стюардессы — в меховых шапках.

— Точно, небольшие меховые шапочки из темной норки... А я забыл...

— Волга очень широкая. Течение мощное. Наш катер сильно сносило вниз. Лес на той стороне реки затоплен...

— В мае разгар половодья на Волге. Теперь, когда реку перегородили плотинами, волжане не знают, что это такое.

— Да. Да. Тогда строили первую. У Куйбышева. Мы ее видели с самолета,— подхватывает Похтола.— А в Сталинграде ремонтировали улицы.

— Я четыре года учился в институте, и почти каждое наше занятие заканчивалось выходом всех студентов и преподавателей на расчистку руин...

— Мы видели немецких военнопленных. Они строили...

— Их было немного в Волгограде. Вы видели последних, отбывавших наказание за преступления, совершенные на нашей территории во время войны.

— Да, работало немного...

И опять разговор наш, будто упершись в стену, затухает.

Время обеденное, и Никколо предлагает продолжить воспоминания в маленьком ресторанчике, где готовят «одно по-настоящему хорошее китайское блюдо».

За бутылкой французского «Кардинала» беседа теплеет, и я наконец решаюсь задать те вопросы, которые приготовил до встречи. Но уже через четверть часа ловлю себя на том, что сам отвечаю на них. Со мною что-то случилось. Воспоминания хлещут, как из испорченного крана вода.

Пристыженно умолкаю.

— Время действительно было смутное,— отзывается Никколо.— Европа перевооружала свою промышленность, в США охотились за ведьмами... Из-за поездки в СССР меня тогда лишили визы. Должен был поехать на три месяца в Америку, на стажировку, а посольство США сочло меня неблагонадежным...

— А что вы думали тогда о России?

— Информации о вас было очень мало... Мы боялись России... Большая и загадочная страна... Впрочем... Один момент.

Он поднялся из-за стола и, извинившись, пошел к выходу.

Мы недоуменно переглянулись с Раей. Через несколько минут появился с папкой, которую мы видели в его машине.

— Вот здесь.— Достал из нее тетрадь.— Я вел тогда записи. Когда Рая позвонила мне, разыскал их. Да... Вот... — Он начал листать тетрадь.— Большая и загадочная страна. Я так тогда назвал свою статью о вашей стране.

— А теперь?

— Большая и незагадочная... Я был несколько раз у вас и как журналист и по линии общества «Финляндия — Советский Союз». Люди должны общаться, говорить, спорить друг с другом, и тогда загадки и страхи рассеиваются...

Подали действительно прекрасное мясо по-китайски с картофелем и грибами.

Рассматриваем выцветшие записи в тетради.

— Первомайские парад и демонстрация длились пять часов,— читает хозяин.— Все время шел дождь.

Записи 2 мая 1951 года: «Троллейбусы работают отлично. Часто моют улицы. Чисто. Милиция управляет движением».

В моих руках пригласительный билет:

«Уважаемый товарищ Похтола! Антифашистский комитет советской молодежи приглашает Вас на прием по случаю пребывания в Советском Союзе иностранных делегаций молодежи.

Прием состоится 3 мая с. г., в 20 часов, в помещении ресторана гостиницы «Москва».

Антифашистский комитет советской молодежи».

— Да,— соглашается мой собеседник.— Мир изменился, а тревоги те же... Не допустить войны. Если в Европе будет все в порядке, то есть надежда... Финляндия и СССР показывают хороший пример... Паасикиви говорил: нить переговоров не должна прерываться. Завершая переговоры, надо обязательно договариваться, где

они будут продолжаться... Как журналист, я сопровождал этого мудрого человека в вашу страну. Любой спор, любая дискуссия, но только не война...

Мы клянем войну и желаем нашим детям не пережить того, что пришлось нам. У Никколо двое сыновей. У меня сын и дочь. Сейчас им столько же, сколько нам было тогда.

— Выросли новые поколения, и пусть они знают об этой мерзости только из книг, кино и наших рассказов,— говорит Похтола.— Меня когда ранило, я потерял все. Долго жалел свой дневник... А сейчас не жалею. Мерзость, мерзость...

— Моего младшего брата контузия мучила всю жизнь. Умер он три года назад. Мерзость, мерзость...— шепчу я вслед за Никколо.

— Любой худой мир, но только не война... Только не война...

Эти слова мы повторяем друг за другом.

На столе новое блюдо. Расхваливая свинину по-китайски, я неосторожно обмолвился, что самое прекрасное мясо — это рыба, и она, как в сказке, приплыла.

...Спорим о литературе. Никколо «отстаивает» Достоевского, а Толстого. От соседнего столика поворачиваются в нашу сторону. Умолкаю, хотя мне и обидно, что Достоевского ставят выше Толстого.

— Наш спор,— переводит Рая,— пусть будет самой большой и самой кровавой конфронтацией между людьми и государствами...

Прощаясь, говорю Никколо, что он помог мне совершить открытие.

— Эврика!

— Да, эврика!

Рая уже не переводит. Мы отлично понимаем друг друга. Я рассказываю.

— Началось с посещения ленинских мест. Я бродил по Хельсинки, и Россия шла рядом, я хотел видеть ее, и она была со мною...

— Ленин, Суоми, Рашен...— вторит мне Похтола.

— Значит, надо только захотеть, сильно захотеть, и ты попадаешь в твой мир...

Никколо и хозяин ресторана горячо соглашаются со мною.

— Если люди сильно захотят, они обязательно добьются мира, благополучия...

Перед такси мы долго трясем друг другу руки и уславливаемся о встрече в Москве.

«Нить переговоров не должна прерываться»,— цитирую я их великого соотечественника Паасикиви.

Золото, которое я открыл вчера, наутро поблекло и показалось мне медью. Вечером, когда мы прощались и когда я ехал в такси по залитому огнями Хельсинки, все было так просто. Люди только должны захотеть, и половина проблем на земле будет решена. Я настроил себя на маленькие чудеса, и они свершались. Я жил в силовом поле притяжения наших стран...

А сейчас я думал по-другому: не все так просто. Не все. Хотеть мало... Надо делать. Без этого и самые большие желания остаются утопией и сладким сном, в котором медь легко принять за золото.

И все же ощущение радости открытия не проходило. Оно исходило от вчерашней встречи, где двум, в сущности, незнакомым людям, живущим в разных мирах и обремененных своими жизненными заботами, было так естественно и легко.

Позвонила Рая и радостно сообщила, что сегодня победой закончилась забастовка журналистов. Удовлетворены все требования бастующих.

— Давайте поедем в редакцию,— предложил я,— и поздравим Никколо. Его предчувствие сбылось раньше, чем он загадал.

— Сегодня у него еще одно событие,— сказала Рая.— У него день рождения.

— Тем более. Едем сейчас же...— И я стал собирать все свои нераздаренные сувениры. Украсил подарок бутылкой «сибирской» водки, и мы через полчаса были в редакции.

— О-о! Шефа теперь трудно поймать,— сказала одна из сотрудниц журнала.— Он на совещании у издателей.

Мы с Раей сочинили поздравление, последние слова которого были про нить Паасикиви и встречу в Москве, и оставили его вместе с подарком.

На следующий день в прекрасном настроении я покидал Хельсинки. Оно было прекрасным не только от радостного предчувствия возвращения (в гостях хорошо, а дома лучше), но и удивительных встреч в этом городе, которые только что завершились приемом у мэра. А если у вас хорошее настроение, то даже после приема у коронованной особы вам непременно хочется сделать его еще лучше.

Именно так было, когда мы с финскими друзьями приехали из муниципалитета на вокзал к поезду, который отходил через четверть часа в Москву. Мы поднялись в вагон, вошли в купе, и Рая распечатала картонку, которой меня снабдил в дорогу муниципалитет. В ней не было шампанского и коньяка, какими нас угощали на приеме у мэра, но была бутылка финской водки. Я разлил ее в пластмассовые стаканчики, и она была воспринята с бóльшим единодушием, чем аристократические напитки из Франции, Италии, Греции, вместе взятые, которые мы пили на приеме.

Настроение стало еще прекраснее. Мы вышли на перрон и начали прощаться. Вагон осаждали несколько столь же шумных компаний, как и наша, каждая из которых провожала «своего» пассажира.

И вдруг меня поразило словно громом. На перроне стояла Финляндия. Она была в золотистой норковой шубе нараспашку и, как все финны, без головного убора. Легко вьющиеся светлые волосы спадали на плечи, глаза голубые и глубокие, как озера, лицо смеющееся. Она держала в руках фужер с шампанским. Вокруг суетились и горланили пассажиры и провожающие.

Такое уже было со мною. Женщину столь ослепительной красоты я уже однажды встречал. И тогда вот так же меня будто кто привязал к ней.

Мисс Финляндия выпила свое шампанское и в сопровождении эскорта мужчин стала подниматься в наш вагон. Петля, сладостно захлестнувшаяся на шее, потянула меня. Богиня и ее апостолы вошли в соседнее со мною купе, и сердце мое предательски замерло. Чтобы перевести его в рабочее состояние, мне пришлось войти в свое купе.

...Поезд тем временем стал медленно отходить. Я подошел к окну и вздрогнул: на перроне в толпе провожающих стоит та же ослепительно красивая женщина и машет рукою. Темно-рыжая шуба распахнута, волосы разметал ветер, глаза горят, лицо смеется.

— Их две?

Метнулся к соседнему купе. Там у окна стоял лысеющий мужчина и махал рукой.

— Значит, она... Финляндия одна...

театр

ПОЗИЦИЯ

И. Горбачев в роли Ремеза.
Фото Ю. Щенникова

Н. ТОЛЧЕНОВА

Посвященный XXVI съезду КПСС новый спектакль ленинградцев «Предел возможного» — заметное явление в нынешней жизни театра. Главным условием успеха предстала гражданственная позиция, на которой все более целеустремленно и прочно утверждает себя знаменитая «Александринка», как по старой памяти называют в Ленинграде театр имени Пушкина, кстати сказать, отмечающий в нынешнем году 225-летие своего существования.

Но, конечно же, не эта торжественная дата да и не сам по себе солидный возраст театра делают его все более явственно одним из ведущих в стране, а именно творческие устремления — неизменная направленность к большим нравственным проблемам, утверждению высоких коммунистических идеалов.

Именно с этой позиции рассматривал художественный руководитель театра И. Горбачев инсценированное А. Соколовым для театра произведение И. Герасимова «Предел возможного».

Война, когда очень часто от каждой отдельной жизни человеческой, от каждой судьбы зависело, быть или не быть самой нашей стране, жизни самого народа, создавала такие ситуации, когда человек обязан был становиться героем. Не просто центром всего происходящего, но живой силой, властно движущей историю. Силой, обеспечивающей победу.

Таков Игнат Матвеевич Ремез, страстно, до слез и боли сыгранный Игорем Горбачевым. Русский человек, воин, труженик, коммунист. Организатор по призванию, чей талант раскрывается не только в его победах, но даже в его поражениях — в тяжелой, сложно складывающейся подчас обстановке... Думается, сегодняшняя работа актера — образ Ремеза — это еще один рубеж, освоенный Горбачевым в движении к высотам подлинного искусства, говорящего о современности всерьез.

Постановка стала рассказом о трудной жизни героя и близких ему по духу людей, которые так же, как он, никогда не требовали признания за свой нелегкий труд, за свою часто беспощадную, несправедливую к ним жизнь со всеми ее сложностями (и не только производственными, но особенно ранящими сердце — глубоко личными, психологическими)...

Мы видим, как Ремез и его друзья находят хоть и нелегкие, но всегда честные, открытые и справедливые решения. Они никогда не фальшивят... Показывая нам Ремеза, театр как бы испытывает и нас, сегодняшних.

Двух женщин увидели мы рядом с Ремезом. И обе — Лена (Л. Горбачева) и Людмила (Г. Карелина) — его любят. Сколько же и здесь трудного, сложного, сколько ломки, горя... И даже сама смерть...

Л. Горбачева создала характер удивительно чистый и бескомпромиссный; героиня и внешне да и внутренне скромна, а вместе с тем очень обаятельна. Так же хороша Галина Карелина в сравнительно небольшой, но запоминающейся роли.

Великолепно сыгран инженер-конструктор Константин Голиков — П. Горин, директор завода Бортов — В. Ольшанский, профессор Куликов — Б. Фрейндлих, профессор Самарин — И. Дмитриев, сын Куликова, молодой ученый-карьерист — А. Локтев.

Спектакль масштабен, хорошо слажен коллективом, несмотря на трудности оформления, которого потребовала «заводская» в основном сценография (художники Вл. Кравцев и Вик. Кравцев)... Как всякая почти инсценировка, строится спектакль на множестве сменяющихся эпизодов. Часто отрывистые и словно даже самостоятельные, они так или иначе сюжетно связывают действие в одно целое. И тут опять видишь работу Игоря Горбачева: это он сумел преодолеть эпизодичность, сделать непрерывной всю сценическую жизнь героев... «Предел возможного» — не просто свидетельство еще одной победы и в режиссуре Горбачева, а опять-таки новое, дальнейшее движение вперед.

Спектакль полон внутреннего воодушевления. Живыми токами передается оно в зрительный зал, горячо аплодирующий героике советской жизни, героике неподдельной, не «голубой», а, напротив, полной тех сложнейших красок и оттенков, какими всегда богата жизнь людей...

В третьем акте Ремез — Горбачев, так много переживший на наших глазах, столь безжалостно тративший себя для других, прощается с заводом навсегда... Седая голова склонена. На глазах слезы.

«Предел возможного»... Так называется спектакль.

Режиссер-постановщик Игорь Горбачев вместе с талантливым коллективом театра показал, каким безгранично высоким и мужественным бывает — должен быть! — предел возможного для человека. Возможного при всех обстоятельствах.

Главное, чтобы человеческая позиция оставалась неизменно высокой.

Михаил ТАЛЬ,
международный гроссмейстер

КОГДА ОЖИВАЮТ ФИГУРЫ

3. ПОСЛЕДНИЙ БАРЬЕР

Жизнь шахматиста подобна бегу по лестнице. Он постоянно преодолевает ступени отбора. Скажем, выиграл зональный турнир, и на повестку дня встает межзональный. Попал в заветную тройку — стал претендентом. А теперь надо выиграть «всего» три отборочных матча, чтобы встретиться с чемпионом мира.

Такой порядок существует сейчас, а в далеком пятьдесят девятом году было несколько иначе. После межзонального в Портороже восемь сильнейших гроссмейстеров (к шестерке победителей присоединились Василий Смыслов и Пауль Керес) должны были разыграть одну-единственную путевку, дающую право на матч с чемпионом мира Михаилом Ботвинником. Неожиданно для себя я оказался на ближних подступах к шахматному трону...

Предстоял длинный, четырехкруговой турнир, в котором каждый партнер — претендент на корону! В такой компании я еще не играл и, намереваясь провести генеральный смотр своему войску, принял приглашение старейшего в Европе Цюрихского шахматного клуба — сыграть в турнире. Состав был первоклассный: играли еще пять претендентов — Керес, Фишер, Глигорич, Олафссон и Бенко, и мне, как говорят спортсмены, хотелось сделать «прикидку».

После десятого тура удалось оторваться от своих конкурентов и выйти на первое место. Опекавший меня гроссмейстер Сало Флор дал такую установку: «Надо играть спокойно, получить еще ничью и делать первое место».

Но взять первое место оказалось совсем не просто. В отчаянную погоню бросился за мной Фишер. Очень важно для него было выиграть у Ларсена. Но на доске — мертвая ничья. На каждой стороне по две легкие фигуры и по три пешки. Эту позицию Фишер играл семь часов. Имевший спортивную осанку Роберт легко все это выдержал, а вот Ларсен потерял половину живого веса.

Сало Флор, с иронией наблюдавший столь бесполезную игру, заметил:

— Очевидно, молодой американец думает, что в доброй, старой Европе есть люди, которые способны проиграть такую позицию.

Итак, прикидка завершилась успешно, и я, полный надежд, отправился в югославский городок Блед, где принимали старт все соискатели высшего шахматного звания. Начало оказалось бурным и мало что обещающим. Уже в первом туре три гроссмейстера «пали смертью храбрых». Первым, по обыкновению, пал я. Для меня это не явилось неожиданностью, поскольку уже шестой турнир подряд я ничего оригинальней не мог придумать, как получить в первом туре ноль... Но если в Цюрихе меня одолел на старте малоизвестный мастер Эдвин Бенд, что сильно задело мое самолюбие, то теперь я мог утешаться тем, что проиграл Василию Смыслову.

В те годы это был особенно грозный противник! А для меня еще и несколько загадочный. Так случилось, что до турнира претендентов мы с ним за шахматной доской не встречались. Когда я играл в чемпионатах страны, Смыслов занимался привычным для себя делом — играл матчи с Ботвинником. Один матч сыграл вничью, во втором завоевал звание чемпиона мира, в третьем вернул этот титул Михаилу Ботвиннику. А так как это произошло всего год назад, то, думаю, Василий Васильевич считал спор незаконченным и намеревался вновь получить право на «собеседование» с чемпионом мира.

Как бы там ни было, а в турнирах претендентов Смыслова считали опытным воином. В двух предыдущих он с блеском занял первое место, и его стремление сделать «хет-трик» ощущалось в каждом ходе нашей первой с ним партии... Позволю себе представить, что чувствовал экс-чемпион мира, садясь за доску против молодого «крутежника» и удачливого «атакера», которому сходили с рук и нарушение шахматных догм и откровенный риск. «Со мной это не пройдет!» Может быть, Василий Васильевич и не думал именно так, но, безусловно, полагать так право имел.

Есть расхожая шахматная поговорка: «С молодежью — в эндшпиль!» Действуя по этому принципу, Смыслов неумолимо загонял меня в скучное, лишенное тактических вывертов окончание. Вообще в те времена, чтобы добиться хотя бы ничьей с Василием Васильевичем, надо было придумать сорок первосортных ходов. Он-то легко их находил! А если хоть раз или два партнер позволял себе сыграть «не на уровне», то его ждала неумолимая гибель. Стоило мне сделать один поверхностный ход, как тиски сжались...

«Нет, со Смысловым дело так не пойдет,— думал я после партии, — этот линкор перестрелкой издалека не потопишь. Надо на абордаж идти!» Такое намерение я затаил до встречи второго круга...

Перед началом турнира всех участников, секундантов и журналистов попросили заполнить анкету — прогноз сражения претендентов. Себя я скромно поставил на пятое место, втайне надеясь, что коллеги исправят «ошибку». Но каково было мое удивление, когда никто (за исключением моего секунданта Юрия Авербаха) не указал моей фамилии в верхних строчках анкеты!

Потом понял, что причин, как минимум, две. Во-первых, я уже надоел всем в качестве первого призера. Сколько можно? Два чемпионата СССР, Олимпиада в Мюнхене, Порторож, турнир в Цюрихе... Марк Тайманов заявил, например, что бросит шахматы, если я в третий раз подряд стану чемпионом страны. Во-вторых, все знали, что за десять дней до приезда в Блед я перенес операцию. Мнение было единодушным: еще не выздоровевший Таль не боец за первое место! А тут еще проигрыш Смыслову и через тур — Кересу.

С эстонским гроссмейстером мне доводилось играть и раньше. Первый раз — в сеансе одновременной игры в Риге. Происходило это сразу же после матч-турнира 1948 года, когда любители шахмат в Прибалтике разделились на два лагеря: одни болели за Ботвинника, сердца других принадлежали Кересу.

Как давний почитатель Ботвинника я решил подчеркнуть «свою позицию», избрав в этом сеансе дебют, носящий название «Система Ботвинника». И по-мальчишечьи наивно полагал, что наношу сеансеру психологическую травму... Через десять лет в Цюрихе я напомнил Паулю Петровичу о сеансе, о системе Ботвинника и поведал о злодейском своем умысле. Керес добродушно смеялся, меня он не вспомнил (да, кажется, я проиграл какому-то мальчугану...) и уверил меня, что никакой душевной раны дебютный вариант ему не нанес.

Второй раз мы встречались уже на равных в 1954 году, в очередном матче Эстония — Латвия. Кереса по праву называли вторым шахматистом мира, я имел разряд кандидата в мастера. Но лидер латвийской команды Александр Кобленц в Таллин не смог поехать, и меня «бросили на съедение». Кстати, на девятой и на десятой доске (там играли женщины) мы всегда проигрывали эстонкам, так что теперь «безнадежных досок» стало три.

Помню, вышли из поезда — метель метет, куда ехать, не знаем. И вдруг на перроне возникает фигура Кереса. Мы так и ахнули: сам Керес приехал на вокзал встречать каких-то мальчишек! А он нашел слово для каждого, со всеми перезнакомился и в два рейса отвез на своей машине в гостиницу всю ватагу.

Я не мог не обратить внимания на то огромное уважение — почти восхищение! — с каким относились к Кересу все шахматисты. Корректный и доброжелательный к своим соперникам, Керес был исключительно принципиален и строг во всем, что касалось шахмат. И нередко спорную ситуацию шли разбирать не к судьям, а к Паулю Петровичу. А сам он почти три десятилетия вел драматический спор с упрямой фортуной. Находясь все время за один шаг от шахматного трона, Керес так и не смог этого шага сделать...

Проиграв в Бледе в третьем туре Кересу, я очутился в конце турнирной таблицы. Но унывать не имело смысла. Кругом шла такая «поножовщина», что зрители просто диву давались. Из первых восьми гроссмейстерских поединков лишь один завершился вничью. Подобного не случалось ни в одном претендентском турнире! Такой оборот событий мог вдохновить даже самого миролюбивого шахматиста, а мне он просто был по душе. Четыре рядовые победы над Глигоричем, Фишером, Олафссоном и Бенко вывели меня в люди...

Одна из югославских газет не без иронии заметила: «Десять лет назад в этом же зале играли девушки-шахматистки. Тогда они играли так плохо, что не умели делать ничьих»... Как бы там ни писали, а зрители были в восторге. Зал «Казино» в Бледе был переполнен.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 20, 21.

Кстати, намного ранее упомянутых девушек в этом зале сражались лучшие шахматные бойцы тридцатых годов. Поистине исторический рекорд установил тогда Александр Алехин, опередивший второго призера на пять с половиной очков. Шахматные статистики уже подметили, что в этом городке скучных турниров не бывает!

Неумолчный шум в зале, аплодисменты по поводу и без повода — к этому еще можно привыкнуть. Но особенно донимали киношники, постоянно слепившие глаза мощным «юпитером». Они снимали фильм, который должен был превзойти (так обещал режиссер) знаменитую «Шахматную горячку», отснятую во время Московского международного турнира в 1925 году. В поисках сюжетов кинооператоры ловили гроссмейстеров в гостинице, в столовой, на улицах. Пауля Кереса выследили, когда он со спиннингом выехал на озеро. Петросяна — во время катания по каналу. Тигран Вартанович водрузил на голову лихую итальянскую шапочку и весьма походил на гондольера, тем более что вез в лодке плотного респектабельного господина... К концу турнира участникам показали фильм, и они сразу же опознали в «богатом туристе» гроссмейстера Исаака Болеславского — тогдашнего тренера Петросяна.

Наступило время второго круга, к которому Петросян, Керес и я подошли с одинаковым запасом очков — по 4½ из 7. Никто не избежал чувствительных ран, и многолюдный состав лидеров свидетельствовал скорее о том, что настоящий лидер пока не выявлен. Времени для этого оставалось достаточно: восемь участников одолели лишь четверть марафонской дистанции—им оставалась еще двадцать одна партия! Однако наступала пора критически осмыслить проделанный путь.

Прежде всего я задал себе вопрос: чего я хочу? Занять место в призовой тройке? Разумеется, это успех. Но самая заманчивая цель — получить право сразиться с чемпионом мира. Известная пословица «взялся за гуж — не говори, что не дюж» давала ясный ответ на все вопросы. Но тогда надо обходить на дистанции экс-чемпиона мира Смыслова, многолетнего претендента на шахматный трон Кереса и непробиваемого Петросяна, ставшего в том году чемпионом страны.

Не исключал я, что в спор может вмешаться и Светозар Глигорич, который незадолго до турнира претендентов взял первое место на первой доске во время Мюнхенской олимпиады. Опередить самого Ботвинника (а именно это он сделал) в те годы было совсем не просто!

Какие козыри я мог предъявить в игре с более именитыми и более опытными соперниками? Вряд ли можно рассчитывать на какое-то превосходство в стратегии. И совсем смешно делать ставку на технику. Этому я должен еще поучиться у своих коллег... Короче говоря, план кампании, а тем более ее исход рисовались в тумане. Тренер и секундант советовали в один голос: «Играй, Миша, в свою игру, пока получается...» А мой добрый Кобленц даже добавил: «Не жалей меня, старика, я уже запасся валидолом».

А что означало «в свою игру»? Я уже привык к тому, что через день-два после партии какой-нибудь строгий аналитик показывал мне страницы с вариантами. Мол, жертва ваша была некорректной, и если бы партнер сыграл вот так и вот этак, он бы не проиграл, а выиграл...

Одно забывали мои оппоненты. Турнирная партия совсем не похожа ни на игру по переписке, ни на обстоятельный анализ в кабинетной тиши. Соображать, конечно, надо и за доской, но частенько борьба идет на одних нервах. Если партнера все время уводить с протоптанных троп, уводить в дебри сложного интуитивного расчета, а потом (хорошо под цейтнот!) что-нибудь пожертвовать, то... Уверяю вас, в такой обстановке дрогнет не только малодушный! Конечно, и зачинщик может оказаться пострадавшим. Но если одному по душе риск, а другому — нет, то кто более уверенно будет чувствовать себя в кризисной ситуации?

И вывод напрашивался сам: надо рисковать, надо завлекать партнеров в позиции, где общие соображения не помогают, надо подводить их на грань ошибки. На языке дуэлянтов прошлого века это звучало так — стреляться через платок!

В полном соответствии с замыслом я применил во второй партии со Смысловым «абордажную» тактику. А на следующий день увидел газетный отчет под названием «Каисса благосклонна к молодым». Угадывался подтекст: мол, повезло малость Талю... Кстати, после третьей встречи со Смысловым газеты нарекли меня «Счастливчик Счастливчикович». А что произошло в этих партиях? Во второй — после рукопашного боя в дебюте — я оставил под боем слона. Смыслов задумался, потом уверенно забрал фигуру. Наверное, он был прав, ведь белые ничем решающим не грозили. Правда, ход за ходом мои фигуры приблизились к крепости черного короля, но, как известно, за одно это очки в таблицу не ставят... Еще некоторое время Смыслов защищался весьма точно, потом сделал малозаметный промах, и... «танки прорвались»!

Партия получила приз «За красоту», но еще много дней югославский мастер Владимир Вукович, прозванный в среде шахматистов «скептиком века», приносил варианты с опровержением жертвы. Чтобы дать мне возможность спокойно играть в шахматы, руководитель советской делегации гроссмейстер В. Рагозин принял удар на себя. С не меньшим терпением, чем югослав, он доказывал Вуковичу корректность жертвы. Сошлись они, кажется, на том, что у белых за отданную фигуру «что-то было». А я не спорил.

Не оправдывался я и тогда, когда «пиратская» тактика терпела крах. Например, Пауль Керес принял жертву коня, отразил атаку и выиграл. Серьезных выводов я не сделал, решил, что во всем виновата неправильная дозировка... И в следующей партии с Паулем Петровичем принес на алтарь атаки уже двух коней. Увлеченный замыслом (казалось — создаю шедевр!), я не заметил элементарного опровержения и был вынужден сдать партию.

На краю пропасти был я и во время третьей встречи со Смысловым. Сыграл наперекор всем правилам и тут же почувствовал его железную хватку. Методично и уверенно усиливал он позицию своих фигур. Во всех действиях экс-чемпиона виделось огромное желание рассчитаться со мной за разгром в предыдущей встрече. Партнеры Василия Васильевича давно подметили его привычку словно ввинчивать фигуры в клетки доски. На этот раз он «ввинчивал» их особо подчеркнуто...

Моя позиция становилась все хуже и хуже. Я уже без фигуры, к тому же флажок на часах вот-вот рухнет. Но и Смыслов устал. Мое сопротивление его раздражает, надоели и те рогатки, что я ставлю на его ясном пути к выигрышу. И вот утомленный Смыслов (он уже тоже в цейтноте) просматривает жертву ладьи, которая ведет к ничейному исходу. Даже у невозмутимого и всегда корректного Василия Васильевича нервы не выдержали. Делая ответный ход, он наотмашь ударил по кнопке часов, отчего несколько фигур покатились по доске... Экс-чемпион тут же взял себя в руки, извинился и ровным, каллиграфическим почерком вывел на бланке слово «ничья». А вечером в уютном холле гостиницы звучал его бархатный баритон — Смыслов превосходно исполнял пролог из оперы Леонкавалло «Паяцы». В такие минуты он сам и его слушатели забывали об огорчительных поражениях и досадных просмотрах...

Да разве он один чувствовал себя в тот день неудачником? Трагический зевок совершил Керес, подставив ладью Фишеру. Это был незаслуженный и горький проигрыш. Блестяще играющий ветеран, по праву возглавлявший гонку в турнире претендентов, неожиданно споткнулся. Мы поравнялись, но только на один миг. В следующих двух встречах я победил Глигорича, потом, наконец, Кереса и вышел вперед.

С этого момента начался самый драматический этап турнира. Смыслов и Петросян заметно отстали, и вопрос о первом месте звучал лаконично: Таль или Керес?

Эстонский гроссмейстер давно заслужил симпатии шахматного мира. Я еще делал первые шаги по земле, когда Керес в Маргете опередил Алехина и стал признанным претендентом на матч с чемпионом мира. Война перечеркнула надежды Кереса. А в сорок шестом из жизни ушел Алехин. Наступила «эра Ботвинника».

В пяти претендентских турнирах (это достижение не повторил никто) играл Керес. Но, пожалуй, ни к одному претенденту не была так сурова шахматная фортуна. Как бы блестяще ни вел борьбу эстонский гроссмейстер, первым оказывался кто-то другой — тот, кто именно тогда находился в зените своей спортивной карьеры.

Пятидесятый год — взлет Давида Бронштейна, которого от звания чемпиона мира отделила ничтожная дистанция в половину очка! А через три года Кереса опередил Василий Смыслов, повторивший тот же успех и в пятьдесят шестом. В те годы равных Смыслову не было, и Керес дважды оставался вторым...

Здесь, в Югославии, ему шел сорок четвертый год, и Пауль Петрович боролся не только с более молодыми партнерами, не только с упрямой судьбой, но и с возрастом. После того как он потерял лидерство, многим показалось, что Керес опустит руки. Но он нашел в себе силы и мужество сделать последний отчаянный рывок. После рокового просмотра

Пауль Керес и Михаил Таль за разбором позиции.

в партии с Фишером и проигрыша мне Керес взял четыре с половиной очка в пяти встречах! В любом нормальном турнире этого хватило бы для первого места. Но на беду для Кереса столько же очков взял у партнеров и я...

Последняя четверть шахматного марафона проходила в Белграде, в огромном прокуренном зале Дома профсоюзов. Когда мы переезжали туда из Загреба, Юрий Авербах с улыбкой протянул мне газету. Броский заголовок над шахматным репортажем оповещал: «Семь гроссмейстеров приближаются к Белграду, Таль — к Ботвиннику!» Остроумно! Но только рано было ставить последнюю точку. Оставался еще целый круг. А Керес хотя и шел позади, но не терял надежды... За два шага до финиша я опережал его на одно очко. Перед туром меня подозвал Петросян: «Играете с шерифом? Будьте предельно осторожны».

Здесь я должен кое-что объяснить. Много писавшая о турнире югославская пресса нарекла каждого гроссмейстера образным именем. Если Кереса называли «Шопеном в шахматах», то меня «Балтийским пиратом». Петросян имел прозвище «Кавказский орел», а Бобби Фишер — «Шериф из Бруклина». И так далее. Однако почему Тигран советовал сегодня играть особо осторожно? Дело в том, что «шериф» имел со мной в этом турнире катастрофический счет — 0 : 3. И накануне торжественно обещал разделаться с Талем.

Честно говоря, Фишер чуть было не осуществил эту угрозу. Дебют я разыграл поверхностно: мол, иду в лидерах и ничего не боюсь! А мечтающий о вендетте талантливый Бобби Фишер играл напористо и целеустремленно...

За год, прошедший после межзонального турнира в Портороже, Роберт Фишер заметно подрос, стал еще более угловатым и резким в суждениях. Его игра стала заметно сильнее, а стиль — солиднее. Перед турниром Роберт впервые побывал в Москве. Думаете, он поинтересовался, как проехать в Третьяковскую галерею? Нет, шахматы захватили его целиком, и он напрямик шел к поставленной цели... Флор рассказывал мне, что Роберт приходил в клуб на Гоголевском бульваре, когда там еще никого, кроме вахтера, не было. И первого же заспанного работника ЦШК он заставлял садиться за доску. Вначале он «перебил» всех — от директора до служащих методического кабинета, потом досталось на орехи подвернувшемуся под руку мастеру Владимиру Алаторцеву... Когда шахматная честь страны оказалась задетой, подняли списки и стали звонить тем, кто посильнее. Флор добавил, что утром его застал в кровати звонок: вставайте, Соломон Михайлович, Родина зовет!

Уже в Цюрихском турнире с Фишером было играть нелегко. Жажда победы и возросший класс делали его опасным для любого участника. Фишер не любил легких ничьих и сражался до полного истощения шахматного материала. В партии со старейшим венгерским мастером Гедеоном Барцем он не имел перевеса, но, не желая отпустить соперника с миром, играл до 103-го хода. Партия трижды откладывалась! Исписали по два бланка... Наконец на доске остались одни короли, но даже в этой позиции Фишер сделал еще два хода. Но вот ничья! Потрясенный таким нечеловеческим натиском, Барца едва поднялся со стула, а Роберт говорит как ни в чем не бывало: «Давайте посмотрим партию с первого хода, где-то я мог сыграть посильнее». И тогда Барца взмолился: «Что вы, у меня жена, дети, кто будет их кормить в случае моей безвременной кончины?»

Вот какая фанатичная любовь к шахматам жила в этом пятнадцатилетнем юноше!

Но вернемся к нашей белградской партии... На восемнадцатом ходу Фишер вызвал острейший кризис, пожертвовав мне фигуру. Отклонить жертву значило перейти в скучный эндшпиль и бороться за вероятную ничью. Взять коня — еще хуже, все равно что идти по канату без страхующей сетки. Но тогда ошибиться и проиграть могут уже оба. И я выбрал канат...

Критическим стал 22-й ход. Обхватив голову ладонями, Фишер выбирал между шахом ферзем и маневром ладьи. Почти решающую атаку давало второе продолжение. Этот ход он записал на бланке, пододвинул бланк так, чтобы я видел запись, и медлил. Испытывает меня — не нахмурюсь ли, не проявлю ли нервозность. Можно было заставить себя улыбнуться, но Бобби уже не ребенок — поймет. Что же делать? Очень хотелось, чтобы он переменил решение. И тогда я спокойно поднялся со стула — напрасно, что ли, выступал в студенческой самодеятельности!— и начал прогуливаться вдоль столиков. С кем-то пошутил, поглядел для вида на демонстрационные доски и с довольным видом вернулся к своей позиции. Ручаюсь, что Фишер все это время на меня смотрел, а не считал варианты. Еще раз метнул на меня взгляд (я выдержал) и... зачеркнул ход на бланке! Дал шах ферзем, после чего в несколько ходов я добился решающего перевеса. Счет с Фишером возрос до 4 : 0.

Такой же баланс я не прочь был иметь и с другим американским гроссмейстером — Палом Бенко. Дело в том, что между нами существовали кое-какие счеты. Еще перед партией третьего круга он заявил на пресс-конференции, что знает секрет «таинственных побед Таля». Мол, просто гипнотизирует... И добавил: буду играть с ним в черных очках — пусть тогда выиграет! Кобленц отнесся к этому очень серьезно. Он сказал: «Ну, Миша, если он в очках у тебя выиграет, его объявят пророком!»

И действительно, Бенко явился на игру в темных очках, чем вызвал немалое оживление в зале. Но он наткнулся на «домашнюю заготовку» — я вынул одолженные у Петросяна солнцезащитные очки и водрузил себе на нос. Предложил, так сказать, двойную защиту от гипноза. Зал задрожал от хохота. Помня наставления Кобленца, я действовал очень старательно. А Бенко, который и без черных очков играл не бог весть как здорово, зевнул ферзя и сдался на двадцатом ходу.

И вот теперь я играл с ним в последнем туре. У меня было девятнадцать с половиной очков, у Кереса — на очко меньше. Ничья выводила меня на первое место, даже если бы Керес «под занавес» победил Олафссона. Помню, что секундант и тренер отказались в знак протеста от завтрака, когда я заявил, что собираюсь сыграть что-нибудь остренькое. «Миша,— молил Авербах,— не хулигань, играй спокойно».

На третьем часу игры я уже имел значительный перевес. Мог продолжить атаку, мог сразу форсировать ничью. Но только начал считать варианты, ведущие к обострению борьбы, как вспомнил добрейшего Александра Кобленца. Я посмотрел в зал, отыскал взглядом своего тренера, и мне показалось, что он потянулся в карман за валидолом... «Миша, не волнуй рижан,— говорил он мне перед партией,— раз в жизни не ищи приключений!»

Но я и сам понимал, что настала пора ставить последнюю точку. Немного подумал и дал вечный шах королю Бенко. Ничья так ничья! Не так уж она и плоха, если дает право сыграть матч с Михаилом Ботвинником...

Итак, Москва! Надо ли описывать то приподнятое состояние, в котором Кобленц и я возвратились из Югославии... Последний барьер на пути к матчу с чемпионом мира преодолен, и мы могли с удовлетворением оглянуться на проделанный путь.

Всего два года назад вместе с целым отрядом соискателей высшего шахматного титула я начал продвижение по лабиринту отбора. Зональный, межзональный, турнир претендентов... Каждый этап заметно сокращал личный состав отряда. Многие испытанные бойцы сохраняли оптимизм до конца, но все знали — выход из лабиринта отыщет только один. Чудо свершилось — я стал этим «одним». То, что еще недавно казалось лишь теоретической возможностью, стало явью. И к этому надо было привыкнуть. Кажется, окончательно поверил в успех только после заключительного тура белградского марафона, когда меня взяли в оборот журналисты:

— Какой ход вы сделаете в первой партии с Михаилом Ботвинником?..

Впервые фамилию чемпиона мира я услышал, когда еще не был знаком с шахматами. Однажды во дворе во время игры в футбол я пропустил легкий мяч и сразу же услышал окрик: «Эй, вратарь, что задумался, как Ботвинник?» Сейчас я убежден, что и тот малыш не ведал, с кем столь лестно меня сравнивал. Но факт характерен — имя первого советского чемпиона знали буквально все.

Во время знаменитого радиоматча СССР — США о команде Ботвинника можно было услышать на улице, в школе, дома. Кстати, у нас в семье шахматы всегда были в почете (играли отец и брат), а в дни радиоматча «шахматная горячка» достигла критической точки. Именно тогда я и сделал первые ходы на доске. А через год-два уже взял на вооружение «Систему Ботвинника», которую автор впервые (и с таким блеском!) применил против чемпиона США А. Денкера.

В 1948 году тренер Рижского Дворца пионеров Янис Крузкоп начертал в моем квалификационном билете: «Четвертая категория». Тогда же Михаил Ботвинник стал чемпионом мира. Огромная дистанция разделяла нас! Я чувствовал ее даже теперь, когда встретился с Михаилом Моисеевичем в «гроссмейстерской» комнате Центрального шахматного клуба СССР. По традиции нам предстояло обговорить условия предстоящего матча.

Помню, я довольно скованно сидел за столом рядом с прославленным чемпионом. А он подчеркнуто уважительно цитировал пункты регламента и время от времени интересовался моим мнением. А у меня его не было! Мне казалось, что все равно, где играть, как откладывать партию и переносить ли встречу в другое место, если начнут шуметь в зале. Короче говоря, я соглашался на все! Все-таки я новичок, а у Ботвинника такой опыт матчей... Я еще не родился, а он уже играл матч с Флором, который сам тогда метил на чемпионский титул.

— Да ты представляешь себе, с каким противником встретишься? — спросил Кобленц, едва закончилась аудиенция.— Это тебе не Фишер и даже не Смыслов.— Учти, Ботвинник выиграл партий побольше, чем ты их вместе с блицем сыграл.

Александр Нафтальевич был несколько раздосадован, что я во всем согласился с Михаилом Ботвинником. Ну, хотя бы для порядка возразил...

— Ведь ты забудешь записать ход на двух бланках! Зачем согласился на два конверта?

Действительно, Ботвинник предложил сложную процедуру записи секретного хода. Его надлежало записать на двух бланках, вложить в отдельные конверты и вручить двум арбитрам. Чемпион мира полагал, что если один судья окажется нерадивым и потеряет конверт, то второй скорее всего сохранит.

«Какая разница! — мысленно отвечал я Кобленцу.— Было бы что откладывать...» Что касается моей оценки шахматной силы соперника, то она, увы, соответствовала истине. Меня ждал могучий соперник! Тут, как говорится, ни прибавишь, ни убавишь. Предстояло сразиться с человеком, который двенадцать лет удерживал шахматную корону и чье имя по праву стояло в одном ряду с Алехиным, Ласкером и Капабланкой.

С чего началась подготовка к матчу? Да, конечно, с изучения партий чемпиона мира. А точнее, с повторения пройденного. Ведь многие партии я знал наизусть. Да разве один я? Шахматисты всех возрастов и званий учились тогда у Михаила Ботвинника.

Признаюсь, я не любитель затворяться в кабинетной тиши. Сидеть полгода и выискивать «трещины» в дебютных построениях соперника — не мое амплуа. И как только представилась возможность, я «записался» в турнир. Назывался он длинно: «Первый международный турнир прибалтийских стран», но дистанция была короткой. Зрители, пришедшие поглядеть на «атакующего Таля», остались разочарованными. Чувствовал неловкость и я, но не мог же выйти на край сцены и объяснить залу, что учусь защищаться. Нападать вроде бы умел (во всяком случае, так писали в газетах), а вот держать оборону...

Роль атакующих взяли на себя Борис Спасский и ветеран литовских шахмат Владас Иванович Микенас, показавший в этом турнире смелую, энергичную игру. Кроме них, впереди меня оказался и давний соперник — ленинградский гроссмейстер Толуш.

— Ну что, легкая у меня рука? — спросил при встрече Александр Казимирович.— Стоило мне проиграть вам ту решающую партию в ЦДКЖ, как вы стали скопом брать первые призы.

На этот раз я взял только четвертое место, но огорчен не был. Все шло по плану. Одно настораживало — я не имел опыта матчевых встреч. Шесть лет назад, правда, сыграл с Сайгиным матч на звание мастера. Но поединок был коротким, и специфику я не почувствовал. Готовиться к партиям не умел вовсе. Теперь же предстояла борьба с партнером, который считался непревзойденным мастером домашней подготовки.

Литературная запись Олега СКУРАТОВА

Продолжение следует.

КРОССВОРД

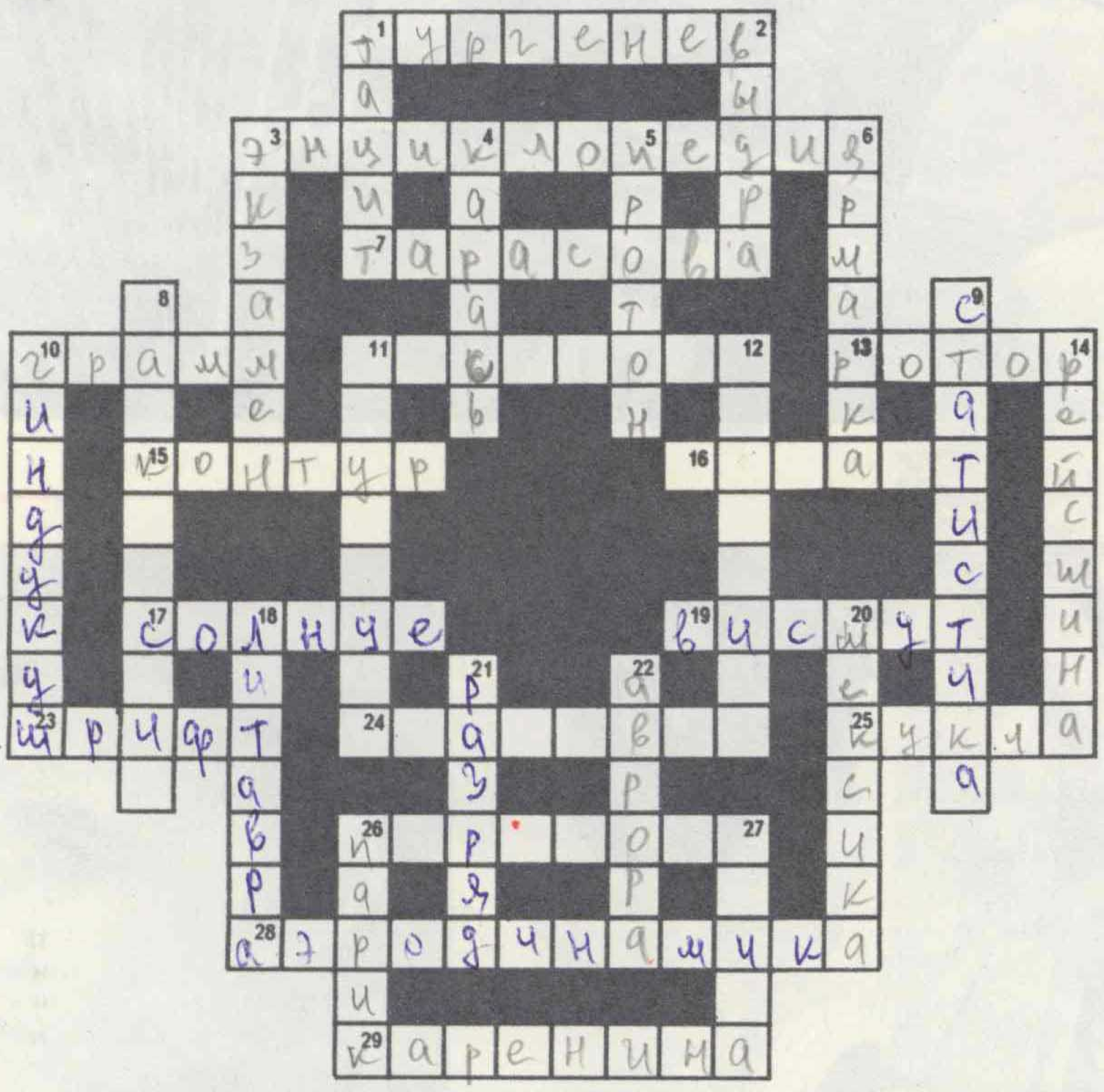
По горизонтали: 1. Русский писатель XIX века. 3. Научно-популярное справочное издание. 7. Народная артистка СССР, выступавшая на сцене МХАТа. 10. Единица веса. 11. Музыкальное произведение, созданное в момент исполнения. 13. Вращающаяся часть турбины. 15. Очертание предмета. 16. Созвездие южного полушария неба. 17. Светило, ближайшая к Земле звезда. 19. Металл, химический элемент. 23. Комплект типографских литер. 24. Курорт в Читинской области. 25. Роман Б. Пруса. 26. Плоская кривая. 28. Раздел науки, изучающий законы движения воздуха. 29. Героиня романа Л. Н. Толстого.

По вертикали: 1. Римский историк. 2. Животное семейства куньих. 3. Проверочное испытание. 4. Промысловая пресноводная рыба. 5. Элементарная частица. 6. Периодически организуемый большой торг. 8. Советский поэт. 9. Количественный учет определенной отрасли народного хозяйства. 10. Горная система в Азии. 11. Глубокие всесторонние познания. 12. Порт в Японии. 14. Чертежная линейка. 18. Ударный музыкальный инструмент. 20. Государство в Северной Америке. 21. Степень производственной квалификации. 22. Легендарный крейсер. 26. Накладные волосы. 27. Залив Охотского моря.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 21.

По горизонтали: 1. Инжир. 3. Блокнот. 5. Гондола. 8. Резус. 9. Клычков. 10. «Торпедо». 11. Иллюзионист. 15. Фланг. 17. Шамот. 19. Деликатес. 20. Альпинизм. 21. Ницца. 23. Тыква. 25. Стравинский. 28. Трюфель. 30. Реплика. 32. «Мцыри». 33. Рентген. 34. Гуталин. 35. Хопер.

По вертикали: 1. Интервью. 2. Регистан. 3. Баккара. 4. Ключ. 6. Драп. 7. Агроном. 12. Листрат. 13. Иравади. 14. Сальери. 15. Федин. 16. Гекла. 17. Штифт. 18. Тумба. 22. Центнер. 24. Караван. 26. Альманах. 27. Стрингер. 29. Форт. 31. Лама.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Торжественное заседание в Тбилиси. На трибуне — товарищ Л. И. Брежнев. * Юность Грузии. Фото специальных корреспондентов ТАСС В. Егорова и Э. Песова.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: МЕМОРИАЛЬНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС В ЯКУТИИ. Старожил села М. Баев с аяком — кумысным кубком. * Памятник деревянного зодчества. * Якутская мельница. * Остов урасы — летнего жилища якутов. * Чаши, черпаки из дерева.

Фото А. Сивцева.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 11.05.81. Подписано к печати 26.05.81. А 00379. Формат 70 × 108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 810 000 экз. Изд. № 1284. Заказ № 573.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-137, ГСП, улица «Правды», 24.

СЛУЖУ СОВЕТСКОМУ СОЮЗУ!

28 МАЯ — ДЕНЬ ПОГРАНИЧНИКА

НА ПЕРЕХВАТ...

Б. СОПЕЛЬНЯК, фото А. НАГРАЛЬЯНА, специальные корреспонденты «Огонька»

Одесса еще спала... Не дребезжали трамваи, не шуршали шины автобусов, молчали стоящие в порту суда. И только набегающие на берег волны наполняли воздух характерным шелестящим звуком. Пахло морем, канатами, каштанами и сиренью.

Я сидел на самом краю пирса и ждал восхода солнца. Кто ни разу не встречал восхода на берегу моря, не видел, как чернофиолетовые краски ночи начинают розоветь, как море из густо-маслянистого становится искристо-золотистым, а небо, постепенно зеленея, набирает неправдоподобно звонкую голубизну, кто не ощущал радостного озноба, когда на кромке горизонта прямо из воды начинают пробиваться желтоватые снопы света, на глазах превращающиеся в мерцающее сияние, кто не наблюдал, как медленно-медленно, буквально по сантиметру, из таинственных глубин выныривает солнце, как сияющий шар заполняет собой все и вся, тот не видел самого прекрасного, что есть на свете.

И вдруг резкие звонки, топот ног, отрывистые слова команды. Так и есть — боевая тревога. Я вскочил и в три прыжка был на борту пограничного сторожевого корабля.

— Что случилось? — спросил на ходу.

— Нарушитель! — бросил командир, взбегая в ходовую рубку.

Загрохотали двигатели, загремела якорная цепь, и корабль, набирая ход, направился в открытое море. Проплыли силуэты низко сидящих танкеров, огромных сухогрузов, элегантных пассажирских лайнеров — мы миновали якорную стоянку на внешнем рейде, — и вот уже вокруг ничего, кроме бирюзово отливающей глади.

На корабле все готово к встрече с нарушителем: наглухо задраены люки, расчехлены пушки и торпедные аппараты, включены все приборы поиска и обнаружения. Боевые посты один-Р и три-Р рядом, их разделяет тонкая переборка. Напряженно следят за экранами старшие матросы Александр Гук и Александр Минаков: сейчас все зависит от них, они — глаза и уши корабля. Нарушитель ведь тоже, как говорится, не с пустыми руками: он создает всевозможные радиопомехи, имитирует шумы проходящих мимо торговых судов. Но недаром оба Саши специалисты первого класса, «Отличники Военно-Морского Флота» и «Отличники погранвойск».

И все же они чуть-чуть нервничают: время идет, а нарушитель не обнаружен. Саша Гук — радиометрист, и в принципе первым «увидеть» цель должен именно он. У Саши Минакова задача еще сложнее, ведь он — гидроакустик. Его задача — следить за тем, что происходит под водой, а найти подводную лодку — дело непростое.

В рубке, где расположен главный командный пункт — ГКП, — все предельно внимательны и собранны. Командир корабля капитан второго ранга С. Н. Чаплиц молчалив и сосредоточен.

Горизонт пуст. На много миль вокруг ничего, кроме одинокой чайки. Мерно гудят двигатели. Шелестят белопенные буруны. Томительно тянутся минуты... И вдруг на связь вышел Александр Гук. Его голос возбужденно дрожал.

— ГПК, я — один-Р! Цель по пеленгу... Дистанция... Цель средняя, не быстроходная.

— Один-Р, выдавать данные о цели каждые тридцать секунд.

— Есть!

Командир перехватил микрофон поудобнее и вызвал радиотелеграфиста Михаила Крутова.

— Два-четыре! Запросите у заставы, что за цель по координатам...

Через несколько секунд радист вызвал главный командный пункт и сообщил:

— Цель зашла на участок заставы с моря. На связь не выходит. Следует как неопознанная.

— Поддерживать постоянную связь с заставой. Попытайтесь установить связь с целью.

— Есть... Цель на связь не выходит.

И тут командир в сердцах хрястнул по переборке огромным кулачищем.

— Вот бандит! Сейчас начнет удирать. Нас он, конечно, тоже обнаружил... Но мы его перехватим. Как пить дать, перехватим!

Он снова взял микрофон и приказал:

— Осмотровой группе приготовиться! Старший — капитан-лейтенант Олешко.

— Товарищ командир, на горизонте «Крылатый»,— доложил старший сигнальщик Владимир Мотуз.

— Очень хорошо. Помощь нам не помешает. Теперь нарушитель обречен — мы возьмем его «в вилку».

Доклады с постов поступали каждые тридцать секунд. Нарушитель, судя по всему, действительно, нас обнаружил, резко изменил курс и пытался уйти из территориальных вод.

— Самый полный! — приказал командир.

Наш корабль заметно прибавил ходу... Наконец на горизонте показалась серая точка.

— Сигнальщик, опознать цель!

Владимир Мотуз приник к бинокулярной трубе и доложил:

— Цель слева — пятьдесят градусов. Средний черноморский сейнер... Не исключено, что судно замаскировано под сейнер: у надстройки нетипичные обводы.

Когда до сейнера оставалось около двух кабельтовых, командир снова взял микрофон.

— Катер на воду! Осмотровой группе подняться на борт сейнера, проверить судовую роль и орудия лова!

Корабль лег в дрейф, и катер с пятью вооруженными пограничниками помчался к судну-нарушителю. Пушки развернулись в ту же сторону.

...Через полчаса катер вернулся, и капитан-лейтенант Олешко доложил, что на сейнере все в порядке. Тут же на связь вышел командир морской пограничной части, поблагодарил за хорошую работу, сообщил, что боевая тревога была учебной и... назвал квадрат, куда корабль должен немедленно направиться. Что там — такой же сейнер или настоящий нарушитель, никто не знал. Ничего не поделаешь, у пограничников такая служба — всегда быть начеку. Уходя в море, они никогда не знают, что их ждет и когда вернутся в родной порт. Ведь только в прошлом году корабль, на котором мы побывали, прошел тысячи миль и задержал четырнадцать судов-нарушителей. Наверное, поэтому морские пограничники, как, видимо, и все моряки, уходя в море, с особым чувством поют песню, которую когда-то пели их отцы и деды: «Прощай, любимый город...»

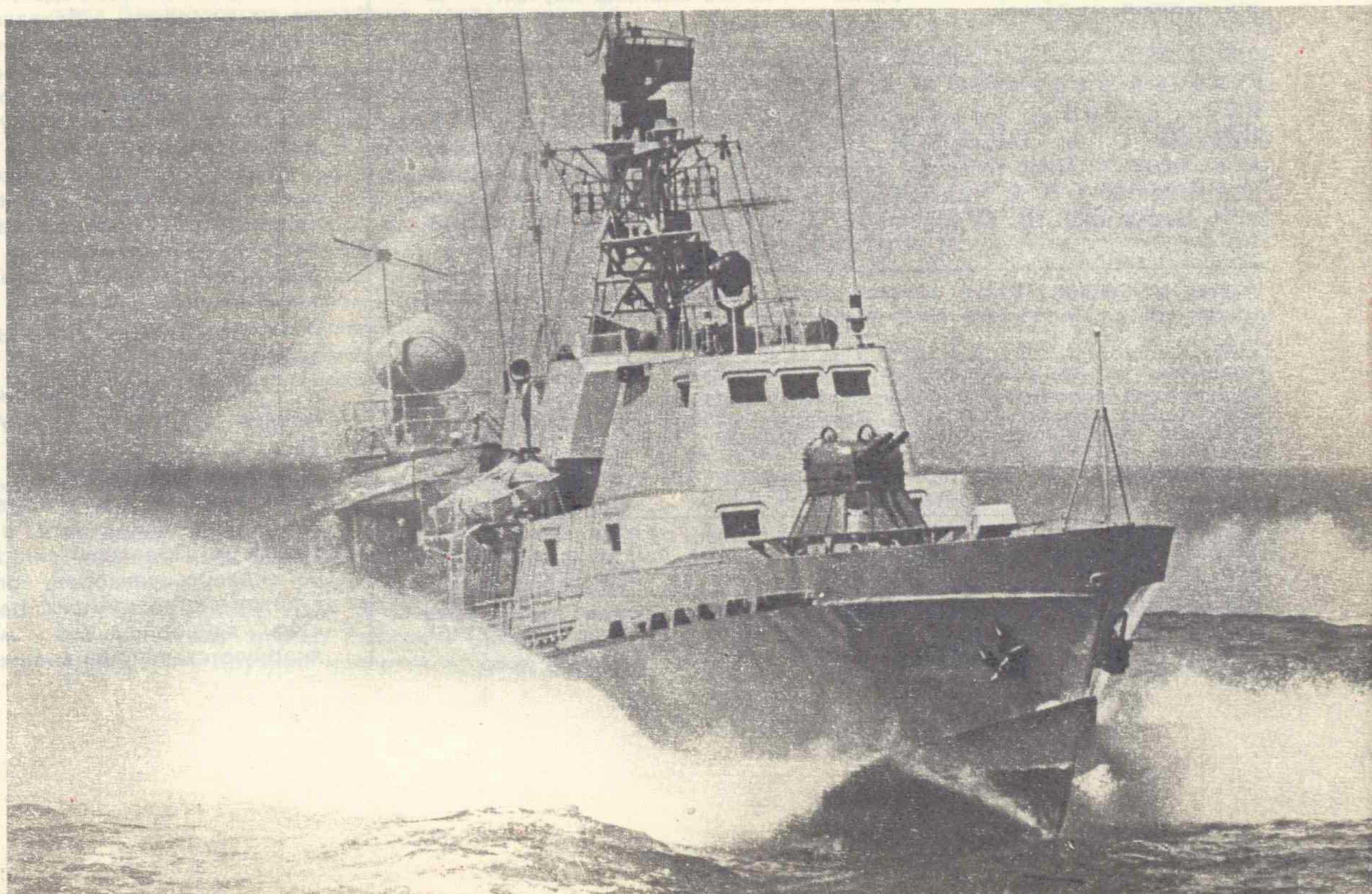

«Прощай, любимый город...»

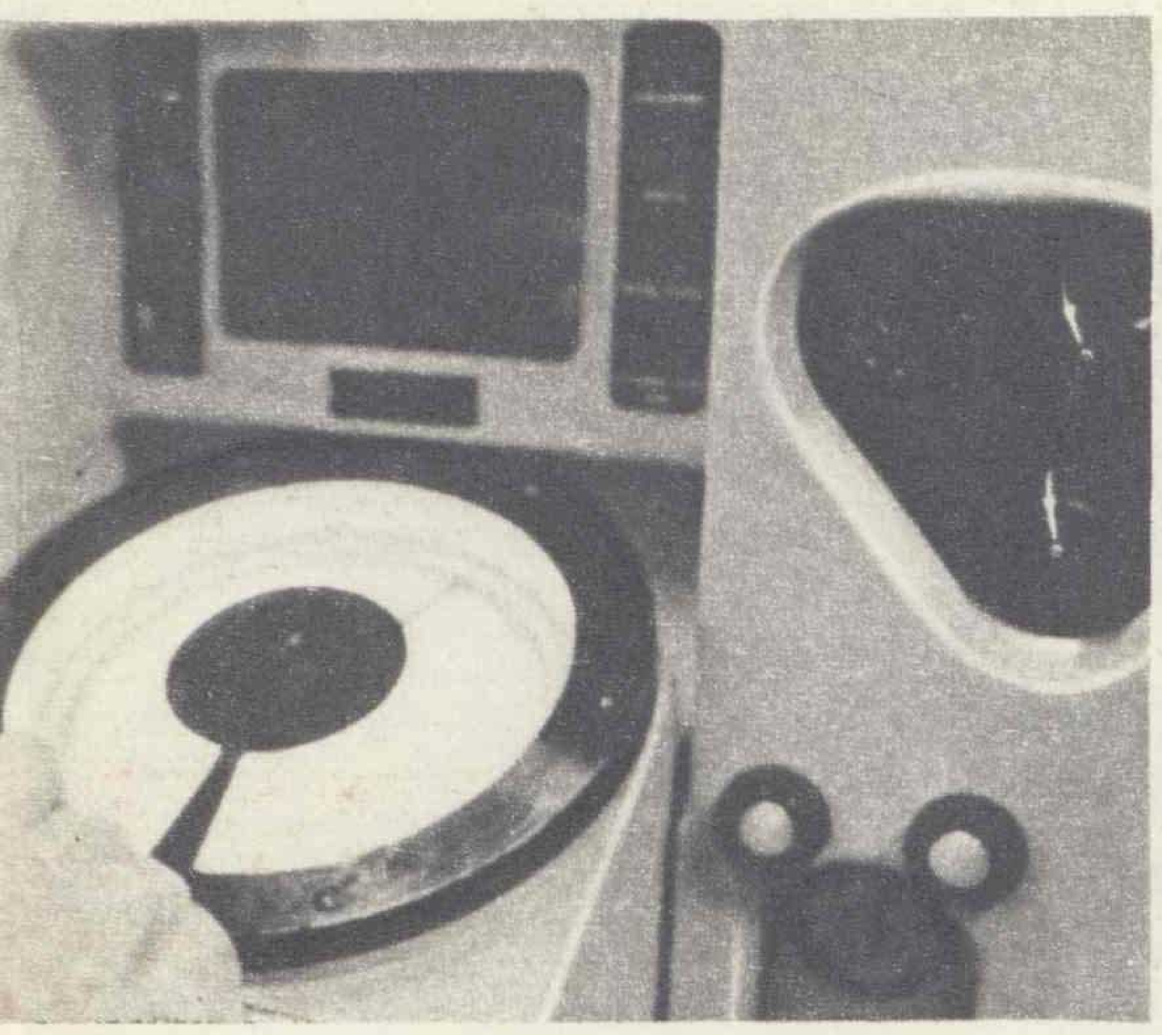

Рапорт принимает командир корабля С. Н. Чаплиц.

Внимательно следит за приборами гидроакустик Александр Минаков.

В боевом дозоре.

Высадка осмотровой группы.

ISSN 0131—0097
Цена номера 35 коп.
Индекс 70663

